

Вильгельм Липпих

Беглый огонь! Записки немецкого артиллериста 1940-1945

Жизнь и смерть на Восточном фронте –

Пролог

Апрель — май 1945 года

Последние приказы

16–18 апреля 1945 года

Это был конец.

Это был конец моей роты.

Это был конец 58-й пехотной дивизии.

Возможно, что конец настал и для Германии, и для меня.

Через четыре года после вторжения в Россию день 16 апреля 1945 года стал худшим днем войны. За последние несколько часов минометная рота, которой я командовал, просто перестала существовать.

То, что случилось на главном пересечении дорог в Фишгаузене, было не обычным сражением, а скорее катастрофической кульминацией мощного заградительного огня советских войск, обрушивавшегося в течение последних недель на наши отходившие на запад части. Окончательно застряв в гуще отступающих войск, которые двигались по единственной дороге через этот небольшой городок в Восточной Пруссии, мы больше не могли идти дальше. Артиллерия четырех советских армий и нескольких сотен советских самолетов обрушили огонь на это огромное скопление немецких войск. Те, кому не удалось скрыться через городские переулки, были уничтожены огневым валом русских снарядов и бомб. В результате налета советской истребительной авиации на западные окраины Фишгаузена мое лицо было посечено массой крошечных осколков. Я почти ослеп от грязи и крови, застилавшей глаза, однако понимал, что мне повезло остаться в живых в этом крошечном аду.

Было ясно, что от моей сильно поредевшей за последние дни роты почти ничего не осталось. Смерть огромного количества подчиненных меня потрясла, и это при том, что за годы войны я видел смерть многих боевых товарищей.

Однако больше всего меня потрясло нескончаемое разрушение военного порядка, начавшееся еще до того, как мы добрались до Фишгаузена. До этого времени, даже несмотря на усиливающийся хаос войны, вермахту все еще удавалось сохранять в своих рядах строгую дисциплину и сплоченность подразделений. Теперь перестала существовать даже самая малая видимость порядка.

В сложившихся катастрофических условиях казалось невероятным, что всего три с половиной года назад русские находились в столь же бедственном положении, как мы сейчас, и СССР находился фактически на грани исчезновения, когда мы стояли у самых ворот Ленинграда. И все же я был свидетелем того, как обратился вспять прилив войны, и русские, медленно оправляясь от поражений и потерь, объединились с англо-американскими союзниками и вынудили Германию перейти от наступления к обороне.

Когда в мае 1944 года я вернулся на Восточный фронт с курсов офицерской подготовки, вермахт уже отступил с большей части ранее занятой им советской территории. Группа армий «Север», одна из трех мощных военных группировок рейха на Востоке,

отступила из Ленинградской области в Эстонию. Несколько недель спустя группа армий «Центр», располагавшаяся южнее нас, была практически полностью уничтожена мощными ударами советских войск. В следующие месяцы мы отступили еще дальше на запад, откатившись на территорию германского рейха.

Начиная с последних чисел января 1945 года я командовал стремительно уменьшавшейся в численном отношении минометной ротой, которая вела непрекращающиеся бои с частями Красной Армии, неуклонно выдавливавшими нас в Восточную Пруссию.

При очевидном превосходстве Красной Армии в живой силе и военной технике было ясно, что наше положение становится с каждым днем все хуже и хуже. Тем не менее мы продолжали сражаться. Разве у нас оставался другой выбор? Воюя с врагом на фронте, мы имели в тылу воды Балтийского моря. Надежды прорваться в центральную Германию у нас практически не оставалось. Как загнанные в угол звери, мы были вынуждены отчаянно сражаться за свою жизнь.

Получив повышение в звании с обер-лейтенанта до капитана в конце марта того же года, я пытался установить дисциплину и поддерживать моральный дух подчиненных. Солдаты моей роты старались сохранить свой обычный дух доверия, однако ни для кого не было секретом то, что ждет нас в будущем. В этих обстоятельствах погибнуть от русской пули на поле битвы казалось лучшим вариантом, чем испытать ад в русском плену.

Будучи офицером, я особенно боялся плена. Если останусь в живых, то у меня будет небогатый выбор: сдать русским или совершить самоубийство. Я намеревался сохранить для себя последнюю пулю, однако не был уверен в том, что у меня хватит мужества покончить с собой. Всего через два месяца мне исполнится двадцать пять, и мне не хотелось умирать. До сих пор мне удавалось избегать смерти и не думать об этой ужасной дилемме: самоубийство или неволя.

Поскольку Фишгаузен превратился в дымящиеся развалины, а части Красной Армии находились от нас всего в паре километров, я побрел на запад вместе с оставшимися в живых немецкими солдатами по главной дороге, которая проходила через сосновые леса. Оказавшееся на пределе физических и эмоциональных сил, мое тело двигалось вперед чисто автоматически. Мой разум оцепенел, но я все еще ощущал личную ответственность за подчиненных. Главной целью для меня стало отыскать тех из моих людей, кому посчастливилось сохранить жизнь в этой кровавой мясорубке. Возможно, они скрываются где-нибудь в заброшенных домах или в подземных складах боеприпасов, которых было много в лесу.

Кровь и песок, облепившие мое лицо, все еще заслоняли мне обзор. Я, спотыкаясь, брел по дороге и почти не видел, куда иду. Примерно через каждые двадцать метров пути свист очередного снаряда заставлял меня бросаться на землю. Снова встав на ноги, я упрямо продолжал шагать вперед, пытаюсь вытереть глаза, чтобы понять, где нахожусь и где можно найти убежище от нового залпа вражеской артиллерии.

Примерно в миле от Фишгаузена на северной стороне дороги появилась группа из десяти солдат моей роты. Они только что вышли из блиндажа размером двадцать на тридцать метров. Среди них был гауптфельдфебель Юхтер, начальник тыла, а также пара фельдфебелей, два обер-ефрейтора и несколько рядовых.

— Где остальные? — мрачно спросил я.

Один из солдат тихо ответил:

— Мы попали под огонь бомб, а также реактивных и артиллерийских снарядов. Мы потеряли всех лошадей. Мы потеряли все снаряжение. Мы все потеряли. Все разрушено. Мы — последние, больше никого нет.

Я понял, что те, кто уцелел, либо потерялись в суматохе отступления, либо сумели прорваться на запад.

Говорить было больше не о чем. События последних часов и недель отняли у нас остатки сил, как моральных, так и физических. Нас, собравшихся в блиндаже, охватило

мрачное настроение, предчувствие скорого конца. Моим подчиненным нужны были лишь главные сведения и указания. Они надеялись услышать их от меня, но я знал не больше, чем они. Впервые за время войны я остался без приказов вышестоящего начальства и не знал, что делать и чего ожидать дальше.

Испытывая настоятельную необходимость в таких приказах, я сообщил моим людям, что, как только у меня восстановится зрение, я отправлюсь на поиски командира нашего 154-го пехотного полка, подполковника Эбелинга. Примерно час спустя, после того как один из солдат протер мне глаза и извлек осколки из лица, я почувствовал, что снова могу нормально видеть.

Приказав солдатам оставаться в блиндаже, я направился в лес по узкой тропинке, которая вела в западном направлении. С неба непрерывно сыпался настоящий град осколков, но он уже не слишком мешал мне продвигаться вперед. Спустя пятнадцать минут я оказался возле замаскированного блиндажа, находившегося примерно в 25 метрах южнее главной дороги. Когда я вошел внутрь, то ожидал увидеть еще одно пустое помещение.

К моему удивлению, я увидел там с полдюжину старших офицеров вермахта, которых было легко распознать по красным лампасам на бриджах. На мгновение потеряв дар речи, я машинально встал по стойке смирно и отдал честь. Офицеры, собравшиеся вокруг стола, рассматривали какие-то карты и, очевидно, не заметив моего удивления, автоматически ответно поприветствовали меня.

В тот момент, когда я собрался попросить новых приказаний, раздался громкий гул самолетных двигателей. Когда генералы нырнули под стол, я выбежал наружу. С юга в нашу сторону направлялся десяток бомбардировщиков В-25 американского производства, но с советскими красными звездами на крыльях. Они явно выбрали целью бомбометания наш участок. С высоты тысяч метров на нас полетели бомбы. В моем распоряжении оставались считанные секунды, чтобы спрятаться в безопасном месте.

Отбежав на расстояние пяти-шести метров от блиндажа, я нырнул в длинную траншею глубиной что-то около двух метров. Находиться в ней было немного безопаснее, чем прятаться в блиндаже. При прямом попадании те, кто спрячутся в нем, обречены на верную гибель. Находясь в траншее, можно погибнуть или получить тяжелое ранение, но все-таки есть шанс спастись, ведь там можно не опасаться смерти под тяжелыми обломками кровли.

Скрючившись на дне окопа, я старался держать голову ближе к поверхности, чтобы не быть погребенным под массой земли. Прижав руки к ушам, я открыл рот, чтобы от взрывов не лопнули барабанные перепонки. Таким образом уравнивалось внутреннее и внешнее давление. Война учит солдата многим премудростям, помогающим остаться в живых, если, разумеется, он доживет до той поры, когда сумеет воспользоваться полученными уроками.

В следующий момент после того, как я спрятался, вокруг загрохотали русские бомбы, одна за другой, очень быстро. Это напоминало залп гигантских реактивных снарядов. Оглушительные взрывы сотрясали землю и воздух. В моей голове мелькнула мысль — неужели то, что я выскочил из блиндажа, не спасет мне жизнь? Странно, но при этом я не испытывал страха. Бомбы, снаряды и пули за последние годы стали постоянной частью моей жизни, и я даже успел привыкнуть к ним.

Пока бомбы пропахивали окружавшее меня пространство, мне не оставалось ничего другого, как ждать. Разум буквально онемел, в голове было пусто, мной правил лишь животный инстинкт выживания. Мой рот был по-прежнему открыт, потому что бомбы порой разрывались на расстоянии всего двух метров от меня, а я отчаянно боялся, что от нескончаемого сумасшедшего грохота навсегда лишусь слуха.

Когда бомбежка немного утихла, я понял, что мне в очередной раз повезло. Я, еще не оправившись от адского шума, неуклюже выбрался из окопа. Несмотря на незначительные ранения, недосып и скудное питание последних недель, я все еще оставался в неплохой физической форме. Мое психологическое состояние было намного хуже, но я старался изо

всех сил сохранять ясность мысли. Офицерский долг требует от меня вести за собой подчиненных и заботиться о них.

Хотя упоминавшийся выше генеральский блиндаж остался цел, я понял, что у старших офицеров хватает иных забот, нежели отдавать приказы ротному командиру. Я продолжил поиски командира полка и направился в северном направлении, затем снова пересек главную дорогу.

Минут через десять я неожиданно-негаданно наткнулся на подполковника Эбелинга, пытавшегося установить новую линию обороны примерно в паре километров от нас.

Обрадованный тем, что нашел его, я понял, что добился цели и могу получить новый приказ.

Из короткого разговора с подполковником я уяснил, что верховное командование отправляет нас обратно в Германию. Все оставшиеся в живых офицеры 58-й пехотной дивизии должны вернуться на родину, где станут ядром новой дивизии, которая будет формироваться в Гамбурге.

Немногие оставшиеся в живых солдаты нашей дивизии переводятся в состав 32-й пехотной дивизии, которая останется в арьергарде и будет сдерживать наступление частей Красной Армии.

Дав мне устные указания, Эбелинг сделал запись в моей солдатской книжке и расписался. Поскольку офицеры нашей дивизии будут самостоятельно добираться до Гамбурга, этот письменный приказ не позволит эсэсовцам наказать меня как дезертира, если я неожиданно наткнусь на них. Одним росчерком пера подполковник открыл мне, так сказать, дверь, через которую я смогу выйти из ада передовой и избежать смерти или русского плена.

Несмотря на то что я был благодарен Эбелингу, мне тем не менее стало понятно, что благополучно закончить такое опасное путешествие нам вряд ли удастся.

По всей видимости, Красная Армия отрезала нам все пути отхода на запад по суше, и свободный путь оставался лишь на песчаной косе Фриш-Неррунг, протянувшейся вдоль побережья Балтийского моря. В то же самое время корабли, пытавшиеся добраться до Германии, рисковали стать жертвами налетов советской авиации. Когда я добрался до блиндажа, в котором меня ожидали мои солдаты, то отвел в сторону гауптфельдфебеля Юхтера и объяснил ему, что получил указание пробиваться на территорию рейха с одним из солдат моей роты. Поскольку Юхтер был первым моим заместителем, то было вполне естественно, что помогать мне в формировании нового соединения должен он, но мне казалось, что нужно предоставить ему возможность выбора, а не заставлять выполнять приказ.

— Пойдете со мной? — спросил.

— Так точно! Пойду! — последовал немедленный ответ.

Несмотря на то что перспективы добраться до центральной части Германии были весьма сомнительными, мы с Юхтером по крайней мере решили использовать представившуюся нам возможность. Понимая, что делиться такими сомнениями с подчиненными не стоит, поскольку это усилит и без того владевшее ими ощущение безнадежности, я не стал говорить о приказе Эбелинга и сообщил им лишь о том, что они вливаются в состав 32-й дивизии.

По причине того, что моя рота практически прекратила существование, мне было тяжело расставаться с теми немногими, кто оставался в живых. В течение двух дней, которые мы провели в подземном складе-блиндаже, я попытался добиться перевода этих людей под мое командование в составе нового соединения. Тем временем Юхтер подключил свои старые связи для того, чтобы наших солдат наградили медалями.

Через два дня после катастрофы в Фишгаузене я смог подготовить наградные списки на Железный крест 1-го класса и несколько Железных крестов 2-го класса, но в сложившейся сложной обстановке мне не удалось добиться их вручения. В конечном итоге мне пришлось оставить моих людей, и они самостоятельно добрались до расположения 32-й дивизии.

Если они не погибли в последние дни войны, то, скорее всего, попали в плен к русским. Если этим солдатам сопутствовала удача и хватило физических сил, то им, пожалуй, посчастливилось пережить три-четыре года плена в России и благополучно вернуться на родину. Даже сейчас, шестьдесят лет спустя, мысль об их страданиях и неуверенность в их судьбе не дает мне покоя.

Отчаянное путешествие

18 апреля — 8 мая 1945 года

Под редким огнем советской артиллерии во второй половине дня 18 апреля мы с Юхтером покинули блиндаж и отправились по главной дороге в направлении города Пиллау, расположенного в семи-восьми километрах от нас. Если нам удастся добраться до гавани, то мы попытаемся пересечь короткий отрезок водного пути от Пиллау до самой северной оконечности песчаной косы Фриш-Неррунг.

На закате, часа через три, мы добрались до города, где нашим взглядам открылось печальное зрелище. Вдоль дороги на ветвях деревьев покачивались тела примерно десятка повешенных немецких солдат. Мы с Юхтером не обмолвились ни словом, нам и без того было ясно, что это дело рук эсэсовцев. Для них было безразлично, являлись эти несчастные дезертирами или просто отбились от своих частей.

Большинство немецких солдат, с которыми я сражался бок о бок, считали войска СС (военные соединения СС) частью вермахта, но презирали регулярные части СС, в которых видели лишь кроважидную, бесчеловечную политическую милицию нацистской партии. Когда нацистский режим приблизился к своему бесславному концу, было неудивительно, что в назидание другим эсэсовцы вешали тех, кто, по их мнению, были изменниками. Став свидетелем их жестокой «справедливости», я возненавидел их.

Пока мы передвигались по Пиллау в свете умирающего дня, артобстрел противника усилился — русские обрушили огонь своих орудий на единственную оставшуюся главную цель этой части города. Как только возникало короткое затишье, мы с Юхтером покидали укрытие и бросались к очередному разрушенному дому, постоянно прислушиваясь к канонаде, чтобы новый залп не застал нас на открытом пространстве.

Когда несколько часов спустя мы прибыли в бухту на западной стороне города, то застали здесь скопление из нескольких сотен солдат и гражданских лиц. Несмотря на царящий вокруг хаос, один из двух паромов по-прежнему перевозил людей и транспортные средства через водное пространство в 200 метров, которое отделяло Пиллау от края песчаной косы Фриш-Неррунг. Нам не оставалось ничего другого, как дожидаться своей очереди под непрекращающимся артиллерийским огнем противника.

Через полчаса, когда мы с Юхтером наконец втиснулись на паром вместе с доброй сотней солдат, беженцев и несколькими машинами и другим военным снаряжением, стало совсем темно. Оказавшись через десять минут на том берегу, мы вместе с двумя десятками других солдат забрались в кузов грузовика.

Когда артиллерийский обстрел немного затих, наш грузовик влился в импровизированную автоколонну, двигавшуюся к западному краю Фриш-Неррунга. В темноте приходилось передвигаться лишь на малой скорости, с выключенными фарами, чтобы не привлекать внимания вражеской авиации.

Спустя несколько часов мы подъехали к массиву горящих зданий. Поскольку эту местность не обстреливали из орудий и не бомбили, это показалось мне странным. Повернувшись к сидевшему рядом солдату, я спросил:

— Что там происходит?

— Наверное, горит концлагерь, — ответил тот.

Заметив мое недоумение, он объяснил мне, что такое концентрационный лагерь, в котором содержались враги нацистского режима. Сегодня это может показаться

невероятным, но только в тот момент, в самом конце войны, я узнал о существовании и функциях концентрационных лагерей.

Новое знание сильно смутило меня, хотя я тогда и не уязвал наличие таких лагерей с нацистской политикой геноцида. Мое политическое невежество было типичным для большинства немцев той поры.

Фотографий таких фабрик смерти тогда нельзя было нигде увидеть, о них стало широко известно лишь после войны.

В своих увлекательных мемуарах «Европа, Европа» (издательство «John Wiley and Sons», 1997 год) Соломон Перель, скрывавший свое еврейское происхождение в годы обучения в школе «Гитлерюгенда» в Германии, описывал подобное удивление, которое он испытал, когда впервые узнал о нацистских лагерях смерти.

Способность гитлеровского режима сохранять в тайне творимые им зверства от немецкого населения свидетельствует о его эффективности в деле контроля над той информацией, которая представляла для него опасность. Подобно большинству немцев, я чувствовал невыразимую горечь, узнав, что нацисты уничтожили миллионы евреев, цыган, а также других узников лагерей смерти. Не ради этого я сражался на фронте и не ради этого тысячи моих боевых товарищей отдали свои жизни.

Незадолго до рассвета наша колонна достигла Штуттгофа, сборного пункта для войск, сумевших выбраться из горящего Пиллау. Остальную часть дня мы провели в укрытии, прежде чем продолжили путешествие по морю на северо-запад. Сев ночью на паром, мы с Юхтером пересекли Данцигский залив и оказались в Хеле, порту, расположенном на оконечности длинного полуострова примерно в 35 километрах от Штуттгофа.

В Хеле мы нашли укрытие в квартале заброшенных четырехэтажных домов. Смертельно устав от долгого пути и нескончаемых боев последних месяцев, мы тут же погрузились в глубокий сон.

Хотя тогда нам это было неизвестно, как оказалось, катастрофа в Фишгаузене произошла в тот самый день, когда Красная Армия, части которой находились западнее нас, начала последнее наступление на Берлин. Таким образом, все Балтийское побережье превратилось в относительно безопасное место большой войны, хотя географическая изоляция Хеля, возможно, замедляла его захват русскими войсками. Во всяком случае, они все так же обрушивали на нас огонь своей артиллерии откуда-то из окрестностей Гдингена, города-порта, располагавшегося в пятнадцати километрах от нас на занятой советскими частями материковой территории.

Оказавшись, наконец, вдалеке от мест непосредственных боев, я почти сразу же вспомнил о моей невесте Аннелизе, с которой познакомился шесть лет назад, за несколько месяцев до призыва на военную службу. Хотя прошло совсем немного времени с тех пор, как мы в последний раз обменялись письмами, моя любовь к ней по-прежнему оставалась единственным источником надежды в беспросветном будущем, ожидавшем меня. В глубине души теплилась мысль о том, что мы непременно будем вместе до конца наших дней, если, разумеется, мне удастся избежать смерти и русского плена и вернуться в Германию.

В следующие дни нам удалось немного отдохнуть и подкормиться. Мне неожиданно посчастливилось увидеть на расстоянии подполковника Эбелинга и нескольких офицеров 154-го полка, однако поговорить с ними я не смог. Несмотря на то что все мы пытались организованно и по приказу вернуться в рейх, было ясно, что вермахт окончательно утратил былой порядок и находится на грани полного развала. Мы оказались предоставлены самим себе и фактически брошены на произвол судьбы.

За это время нам стало известно о двух худших морских поражениях за всю современную историю. В январе и феврале 1945 года немецкие лайнеры «Вильгельм Густлофф» и «Генерал фон Штойбен» при эвакуации гражданского населения из Восточной Пруссии в центральную Германию были торпедированы русскими военными кораблями и потонули.

Несмотря на все то, что мы пережили на фронте, это известие еще больше углубило в

нас невыразимое чувство горя и отчаяния.

Даже если бы нам и посчастливилось найти место на одном из немногих кораблей, покидавших Хель, угроза нападения со стороны советского военно-морского флота делала перспективу добраться до рейха несбыточной. В то же время большинство офицеров, находившихся на полуострове Хель, даже не пытались перебраться на материк, несмотря на приказы возвращаться в Германию. Чувство офицерской чести и солидарность с подчиненными погрузили их в состояние пассивной покорности судьбе. Невзирая на упадок военной дисциплины, никто из них не желал, чтобы солдаты посчитали своих боевых командиров трусами и дезертирами, оставившими их умирать в непосредственной близости от родной страны, хотя было бессмысленно оставаться и предаваться бездействию. Примерно через две с половиной недели после прибытия на Хель Юхтер как-то раз оказался за пределами нашего жилища в тот момент, когда русские неожиданно обрушили на полуостров заградительный огонь. Поскольку он находился на открытом пространстве, то получил ранение — осколки снаряда попали ему в бедро. Известив медиков о том, что мой сослуживец ранен, я попросил нашего полкового врача осмотреть его.

Наблюдая за тем, как он делал перевязку Юхтеру, я спросил, не нужно ли наложить жгут на ногу, чтобы не допустить кровопотери. Однако наш эскулап заверил меня в том, что нет необходимости и что ранение не опасно.

Закончив перевязку, врач велел мне переправить Юхтера в полевой госпиталь, размещавшийся в подземном бетонном бункере. Я помог санитарам отнести моего раненого товарища туда, куда было сказано.

Внизу, в бункере, раненые лежали вповалку вдоль стен. Подойдя к дежурному врачу, я сообщил ему, что мы принесли тяжело раненого солдата, которому нужна срочная медицинская помощь. Тот ответил мне:

— Да, да, мы присмотрим за ним. Но мы всех осматриваем в порядке очереди. Положите его на пол. Когда до него дойдет очередь, его обязательно осмотрят.

Наклонившись к Юхтеру, я заверил его:

— Я вернусь завтра и проверю, как твои дела.

Вернувшись на следующее утро, я узнал, что ночью Юхтер скончался. Я понял, что он умер, скорее всего, от потери крови, я разозлился на полкового врача, пренебрегшего моей просьбой наложить жгут. Даже после тех смертей, которые мне довелось видеть во время боев, смерть Юхтера показалось мне бессмысленной жертвой Молоху войны.

Оставшись один и не имея ничего, кроме формы и оружия, я глубоко задумался над сложившейся обстановкой.

Новых приказов я больше не получил, но теперь я почувствовал новый мотив поскорее покинуть Хель.

На следующий день ранним вечером я вышел из нашего жилища и отправился к гавани, для чего нужно было преодолеть расстояние примерно в 500 метров. Совершенно неожиданно для себя я оказался в ситуации, которой суждено было изменить мою жизнь. Увидев здесь соединение численностью в 400 полностью экипированных солдат, я понял, что эта заново сформированная часть собирается покинуть Хель. Я сразу же принял решение присоединиться к ней и отправиться туда, куда ей было приказано. Поговорив с солдатами, я распознал у них силезский диалект и выяснил, что их пехотный полк получил приказ эвакуироваться в рейх. Странно, но во время моего путешествия из Пиллау никто не обратил внимания на мое присутствие и не стал спрашивать у меня документы. Я так и не понял, чем было вызвано подобное равнодушие — моим званием, наградами или всеобщим хаосом.

Когда с наступлением темноты поступил приказ отправляться в путь, я просто проскользнул на борт одной из небольших барж вместе с двумя сотнями солдат. Через полчаса, отдалившись от гавани примерно на пару километров, мы увидели впереди какую-то гигантскую тень. Это был совершенно новый эсминец кригсмарине, на котором нас должны были переправить в Германию.

Когда мы поднялись на борт корабля, экипаж нас тепло встретил и помог

разместиться. Рядовым пришлось провести ночь под открытым небом на палубе, меня же проводили в одну из кают. Несмотря на то что в последнее время часто говорили о торпедных атаках русских, обрушивавшихся на немецкие корабли, которые двигались на запад, я не боялся гибели в море. Напротив, в моей душе поселилась надежда на благополучный исход. Что же будет с нами?

На следующее утро меня разбудил какой-то моряк.

— Герр обер-лейтенант, война окончена! — сообщил он.

Было 9 мая 1945 года.

Оглядываясь в прошлое, я понимаю, что мой счастливый отъезд с Хеля в ту ночь, возможно, спас мне жизнь, избавив от возможного плена или самоубийства. И все же в ту минуту, когда мне стало известно о капитуляции Германии, мое настроение было далеко не радостным, но оно также не было и печальным. Я ощущал тупое безразличие и неуверенность в будущем — моем собственном и моей страны.

Глава 1

Деревенское воспитание

Всего лишь через пять лет после окончания Второй мировой войны, закончившейся для меня спасением на борту немецкого эсминца, мои мысли занимал призрак новой войны с Россией.

Я прекрасно знал, что такое война. Нестерпимая жара и пыль летом. Пронизывающий до костей холод зимой. Топкая грязь весной и осенью. Ненасытные комары и вездесущие вши. Вечная нехватка сна и нескончаемая физическая усталость. Свистящие над головой пули. Взрывы бомб и снарядов, сотрясающие землю. Вонь разлагающихся трупов. Постоянный страх плена или смерти. Мучительная боль при виде гибнущих товарищей. Бессмысленная жестокость. Тяжелая разлука с любимыми, родными и близкими.

Когда в конце 1940-х годов отношения Советского Союза и Запада обострились, на горизонте замаячила угроза новой войны. Мне не хотелось, чудом оставшись в живых на полях боев в России, снова вставать в строй и отправляться под пули. Будучи молодым ветераном войны, младшим офицером, служившим в рядах вермахта, я был уверен, что бундесвер, армия новоиспеченной Западной Германии, непременно призовет меня на службу, если разразится новый вооруженный конфликт. Этого мне нисколько не хотелось.

Столкнувшись с перспективой нового военного конфликта в Европе и все еще тяжелыми экономическими условиями жизни в послевоенной Германии, мы с женой стали подумывать об эмиграции и поиске лучшей доли в какой-нибудь чужой стране. Окончательное решение эмигрировать стало самым трудным из всех, что мне когда-либо приходилось принимать. Позднее мне стало понятно, что это был поворотный пункт моей судьбы, когда я оставил за своей спиной Германию и войну, перебравшись сначала в Канаду, а затем в Соединенные Штаты.

С возрастом нам все чаще вспоминается прошлое. Говорят, что чем старше ты становишься, тем чаще мысленно возвращаешься к тому, что когда-то произошло с тобой. Наверное, это так. Хотя прошло уже более полувека, воспоминания о детстве, проведенном в Германии, о годах армейской службы в годы Второй мировой войны, о борьбе за выживание в послевоенной Германии и первых месяцах жизни за океаном остаются по-прежнему яркими.

Мое поколение было воспитано в соответствии с другой шкалой ценностей, чем поколение нынешних юных немцев. Семья была основой тогдашнего немецкого общества, она имела тесную связь со школой, церковью и государством и была призвана укреплять общественный порядок и консервативные ценности. В Германии семьи и школы обучали мое поколение уважению к ровесникам и старшим по возрасту, а также к властям. Такое уважение сегодня безвозвратно утеряно.

Лучше всего оно проявлялось в общей вежливости, к которой нас приучали с юных

лет. Если мужчина ехал в переполненном автобусе или трамвае, то, когда в него входила женщина или пожилой человек, он всегда вставал и уступал им место. Входя в любой дом, церковь или школу, мужчина неизменно снимал головной убор. Встречая женщину, мужчина непременно снимал шляпу и приветствовал ее легким поклоном. Гуляя с женщиной, он держал ее под руку и первой пропускал в дверь.

Подобная галантность сегодня считается анахронизмом, однако в прошлом она была отражением глубоких моральных ценностей немецкого общества.

Общество в целом принимало и уважало власть, потому что мы росли вместе с ней, особенно в более консервативной сельской местности вдали от больших городов. В ту пору существовали строгие правила общественного поведения и неписанные нормы для всего — от брака и до смены места жительства. Общественные беспорядки были большой редкостью, и если и происходили, то по сравнению с сегодняшними они могут показаться сущими пустяками.

Если в 1930-е годы случались демонстрации, то они ограничивались большими городами и чаще всего организовывались нацистами или коммунистами. Большинство немцев считало неразумным беспричинно выходить на улицы и скандировать какие-то лозунги. Число сегодняшних немцев, участвующих в маршах протеста или демонстрациях, людям моего поколения кажется просто невообразимым.

Задолго до прихода к власти нацистской партии немецкая армия внушала уважение к порядку и власти всем общественным институтам страны, семье, школе, церкви, закону и всему прочему.

Когда мы проходили военную подготовку, наши инструкторы прочно прививали нам дисциплину и послушание. Мы беспрекословно подчинялись приказам наших офицеров, независимо от того, какие страдания они нам могли доставить.

В кругу семьи немцы проявляли уважение к армии и отечеству, такое же отношение к своим вооруженным силам проявляют и современные американцы. В годы войны речи и митинги, пропагандистские плакаты и фильмы, добровольный сбор драгоценностей для изготовления оружия и боеприпасов, бытовые неурядицы и даже бомбежки англо-американской авиации укрепляли моральное единство немецкого населения в тылу и немецкой армии, сражавшейся на фронтах за пределами Германии. Такова была социальная материя, делавшая мою родную страну такой сильной в годы Второй мировой войны.

Семейное наследие

Я вырос в крестьянской семье.

Хотя дедушка по линии матери, Готлиб Маттис, когда-то был учителем и преподавал в школе, состоявшей всего из одной классной комнаты, его жизнь самым серьезным образом изменилась, когда он встретил мою бабушку, Луизу Шульц. Ее родители владели фермой площадью 200–250 акров, принадлежавшей их предкам еще с 1700-х годов. Когда мои дедушка и бабушка поженились в 1889 году, дедушка перестал учительствовать и занялся сельским хозяйством. Это было вызвано тем, что мой прадед собрался уйти на покой и не имел наследника в семье, которому мог бы передать собственность.

В 1896 году родилась моя мать, Маргарита Маттис. Она вместе со своим старшим братом и младшей сестрой выросла на ферме в небольшой деревне под названием Пюнген, типичном населенном пункте Германии той далекой поры, подобных которой было много во всей Европе. Расположенная среди невысоких холмов сельскохозяйственного района Альтмарк между Ганновером и Берлином на севере центральной Германии, эта деревня насчитывала примерно 200 жителей и располагалась между сосновым лесом на севере и лугами на юге.

Как и в других немецких деревнях, дома и прочие строения в Пюнгене находились в центре, а вокруг них простирались обрабатываемые крестьянами земли. Ближайшая железнодорожная станция, магазины и полицейский участок находились в более крупных

соседних деревнях на расстоянии нескольких километров.

Мой отец, родившийся в 1892 году, был вторым сыном в семье Люббеке, где всего было девять детей — его старший брат и семь младших сестер. Семья с 1700-х годов жила на большой ферме с земельным наделом в тысячу акров. Она была расположена в деревне Хаген, являвшейся частью городка Люнебурга. Поскольку тогдашнее право первородства требовало, чтобы семейное имущество доставалось после смерти отца старшему сыну, отец покинул Хаген, чтобы приобрести профессию управляющего несколькими большими фермами на севере Германии.

Во время Первой мировой войны 1914–1918 годов мой отец был призван на службу в кавалерийский полк, точнее 16-й ганноверский драгунский полк, дислоцировавшийся в Люнебурге. Моя мать, так же как и все остальные немецкие женщины, участвовала в подготовке рождественских подарков, предназначенных для действующих военных частей. Получив от нее подарок, отец написал ей письмо. Так между ними завязалась переписка, которая затем переросла в брак.

В конце 1917 года отец был ранен в ногу и комиссован. Хотя ранение заставило его носить особую обувь до конца жизни, отец скоро поправился и вернулся к работе управляющего крупной фермой с парой тысяч квадратных километров земли в Дромфельде, близ города Геттингена, что в центральной Германии. Отец порекомендовал своему нанимателю взять на работу мою будущую мать, чтобы та вела хозяйство, это давало ему возможность лучше познакомиться с ней.

Несмотря на то что знакомство моих родителей носило уникальный характер, в ту пору было обычным явлением отправлять молодых женщин, выросших на небольших фермах, на пару лет поработать на более крупных крестьянских подворьях. Кроме приобретения умений вести домашнее хозяйство, они получали возможность познакомиться с молодыми мужчинами из других мест.

Приехав на работу в Дромфельд, мать впервые увидела отца, которого до этого знала лишь по переписке. Между ними вспыхнула любовь, и примерно через полгода они обручились.

В октябре 1919 года состоялась свадьба, после которой мои родители перебрались в Пюнген, на ферму Шульцев/Маттисов. Поскольку старший брат матери погиб в годы Первой мировой войны, ферма должна была достаться ей как старшей наследнице. Поскольку отец был профессиональным управляющим, моя бабушка тут же позволила ему взять руководство фермой в свои руки.

Раньше отец занимался земельными наделами большего размера, и поэтому ему было трудно приспособиться к работе в таком небольшом крестьянском хозяйстве, как наше. Хотя в те годы считалось обычным делом, когда хозяева работали на полях вместе с батраками, отец был не приучен к такому виду труда, несмотря на то что был физически крепким мужчиной.

Ему было нелегко привыкать к жизни на новом месте, однако он отличался хорошими организаторскими способностями. Кроме того, он имел возможность управлять фермой так, как считал нужным, без постороннего вмешательства. Решения он обычно принимал вместе с моим дедом, и у них сложились замечательные отношения. Кроме того, отец отлично ладил с соседями и, когда мог, всегда помогал им. Тем не менее характер у него был непростой, он неизменно старался поступать независимо.

Поскольку я родился 17 июня 1920 года, через восемь с половиной месяцев после свадьбы моих родителей, родственники отца всегда добродушно подшучивали над моим слегка преждевременным появлением на свет. Будучи первым ребенком в семье, я получил то же имя, что и отец, меня называли Вильгельмом. После меня родились Иоахим и Элизабет, мои брат и сестра, умершие в младенчестве.

Мои младшие братья-близнецы Отто и Ганс родились через пять лет после меня, за ними — в 1928 году — мой брат Герман. Сестра Марлен появилась на свет в 1930 году. После рождения в 1934 году моей младшей сестры Кристи родители решили больше не

заводить детей.

Абсолютной неожиданностью стал факт, что в 1937 году мать забеременела снова и дала жизнь самой младшей моей сестре, Маргарите. Я был смущен и рассержен. Мне было уже семнадцать лет, и я уже начал встречаться с девушками. Даже после того как меня сделали крестным отцом малышки Маргариты, мне все же было трудно смириться с тем, что моя мать все еще способна к деторождению.

В нашей семье я и мои шестеро братьев и сестер были близки с матерью, которая с нежностью относилась ко всем нам. В отличие от отца она верила в бога и каждый день находила время для чтения Библии и молитв. У нее был прекрасный характер, и в деревне все любили ее. Она отличалась добросовестностью и целеустремленностью, кротостью и скромностью. Несмотря на то что больше времени проводила с нами мать, чем отец, наши родители научили нас трудолюбию и самостоятельности.

Работа на ферме

Хотя о детстве, проведенном в Пюегене, у меня остались самые приятные воспоминания, наша жизнь на ферме была далеко не легкой. Почти все свободное после школьных занятий время приходилось трудиться. Когда наступал сезон уборки урожая, мы были вынуждены работать даже в выходные, с шести утра и до позднего вечера, с коротким перерывом на обед.

Поскольку у нас не было ни тракторов, ни машин, ни какой-то другой сельскохозяйственной техники, нам приходилось полагаться лишь на силу собственных рук и наших восемь лошадей. Обычно мы нанимали двух-трех работников для работы на полях или ухода за домашним скотом. Осенью отцу требовалось больше помощников, и он обращался за помощью к соседям, и при сборе урожая пшеницы, ржи, ячменя, картофеля и свеклы вместе с нами трудились еще пять — десять человек.

Если собирать свеклу мы могли вручную, то для того, чтобы собрать урожай пшеницы, ржи и ячменя, приходилось нанимать жатку. У матери тоже хватало забот на кухне, потому что в дни страды ей приходилось кормить не менее пятнадцати голодных работников. В пищу употреблялось то, что мы собирали на наших полях и в садах. Два раза в месяц дом наполнялся упоительным ароматом хлеба, который выпекался в кухонной печи. Мать обычно раскаляла печь и ставила в нее с десяток огромных лепешек ржаного теста. В итоге получались караваи хлеба весом до двух с половиной килограммов каждый. Хватало хлеба ненадолго, потому что на ферме было много голодных ртов.

Хотя домашний скот выращивался главным образом на продажу, часть мяса мы оставляли себе. Раз в год наша семья для своих нужд закалывала телят, а также три-четыре раза в год — несколько свиней из 100–200 голов, обычно находившихся в свинарнике.

Поскольку холодильников у нас не было, мы делали из мяса колбасу, бекон или солонину.

На лугах, окружавших нашу деревню, мы пасли 15–20 коров. Часть принадлежавших нам пастбищ была огорожена. На пастбищах без ограды за коровами приходилось следить, иначе они могли зайти на соседскую землю. Когда мне исполнилось десять лет, я начал пасти коров. Занятие казалось мне несложным, неутомительным. Несмотря на то что роль пастуха мне не нравилась, это было лучше, чем выгрести навоз из коровника.

Как-то раз меня послали на огороженное пастбище, и я занял наблюдательный пост на краю поля. Лежа на спине в высокой траве под прохладным ветерком, я коротал время, наблюдая за медленно плывущими по небу облаками. Примерно в пять часов дня в вышине должен пролететь трехмоторный пассажирский самолет «юнкерс». Это был его регулярный рейс, означавший, что настал конец моего рабочего дня.

В тот день я невольно заснул и, проснувшись, увидел, что наши коровы забрались на землю соседей, что означало вторжение на чужую собственность. Когда отец узнал о моем проступке, он строго отчитал меня: «Как ты мог допустить такое? Теперь я должен идти и

объясняться с соседями!» Юный возраст никак не мог служить оправданием моей беспечности.

Помимо огородов, полей и лугов, моей семье также принадлежал огромный яблоневый сад. После занятий в школе или в дни каникул я обычно залезал на деревья и собирал яблоки. Это занятие всегда было мне по душе. Только став старше, я понял, как трудно было родителям содержать ферму, чтобы по возможности собрать богатый урожай.

Церковь и школа

Хотя большинство немцев исповедовали католическую веру, наша семья была лютеранами. В детстве религия представлялась мне скорее обязанностью, чем источником духовного богатства и радости. Хотя в юности вера и посещение церкви играли не столь значимую роль, как сейчас, тем не менее они были важны и для меня, и для большинства немцев.

Семья моего отца была не очень религиозной в отличие от семьи матери, которая, как я уже сказал, исповедовала лютеранство. Хотя мы и не часто читали Библию, но я и мои братья и сестры получили религиозное воспитание дома и на конфирмационных занятиях в церкви. Нас научили следовать христианским заповедям, быть правдивыми и трудолюбивыми. Нам также привили добросердечное отношение к ближним, объяснили, что необходимо считаться с нуждами окружающих и помнить о том, что мы в долгу перед ними.

Поскольку лютеранский пастор одновременно служил в нескольких соседних деревнях, в Пюггене он появлялся каждое второе воскресенье месяца. В такое воскресное утро мы надевали лучшую одежду и отправлялись в церковь. Заняв наши традиционные места, мы присоединялись к тридцати-сорока другим прихожанам из шести-семи семейств нашей деревни и слушали часовую проповедь. В другие воскресные дни мы иногда посещали церковь в соседней деревне Рорберг.

Вернувшись из церкви, наша семья садилась за праздничный обед, самый вкусный и сытный за всю неделю. Есть мы начинали только после молитвы, которую произносила мать. Вставали из-за стола мы тоже после молитвы.

После еды мы обсуждали деревенские новости или вопросы политики, разговаривали беззлобно, добродушно. После застолья отец иногда запрягал пару лошадей в открытый экипаж и катал нас по полям или возле соснового леса. Я всегда любил воскресенья, но никогда не считал дни, начав очередную школьную неделю.

В возрасте шести лет я пошел в школу Пюггена, занимавшую всего одну комнату на первом этаже двухэтажного дома, располагавшегося в самом центре деревни прямо напротив нашей фермы. Наш учитель, герр Кюнне, жил в том же доме вместе со своей семьей и учил 30–40 детей местных крестьян.

Когда герр Кюнне входил в класс, мы сразу же вставали за партами и ждали, когда он скажет: «Доброе утро, мальчики и девочки. Пожалуйста, садитесь!»

Проводя уроки, герр Кюнне поддерживал строгую дисциплину, и никто из нас никогда не осмеливался нарушать ее. Он был очень требовательным человеком. Особенно трудными нам казались его диктанты. За ошибки учитель наказывал так: провинившегося прямо в классе несколько раз ударял розгой или оставлял после уроков делать дополнительные задания.

Хотя я получал лишь удовлетворительные оценки по всем предметам, мне в основном удавалось избегать наказаний герра Кюнне. После занятий в школе я обычно отправлялся домой делать уроки, после чего работал на ферме или играл с другими деревенскими мальчишками.

В пору моего детства я обзавелся несколькими друзьями, моими ровесниками из Пюггена: Отто Вернеке, Фрицем Дампке и Отто Тепельманом. Я отличался сдержанностью и замкнутостью, во многом напоминая отца. Для меня дружба в меньшей степени являлась обычным товариществом и в большей степени возможностью стать вожаком и привлекать

других для выполнения поставленной цели.

Закончив в 1930 году четвертый класс, я восемь следующих лет учился в школе соседнего городка Беетцендорф, располагавшегося в восьми километрах от Пюггена. Подобно другим средним школам, она была платной, потому что было необходимо оплачивать труд работавших в ней учителей.

Каждое утро, в восемь тридцать, я садился на велосипед и, невзирая на погоду, отправлялся на занятия. Иногда такие поездки доставляли мне настоящие муки, особенно в холодную и снежную погоду, потому что весь год мне приходилось носить коротенькие, по колено, штаны. Пара высоких носков немного согревала мои лодыжки, однако, когда я приезжал в школу, колени мои всегда были красны от холода, и я не чувствовал их.

Мы, ученики, проводили весь учебный день в одном и том же классе, куда приходили учителя, обучавшие нас истории, немецкой литературе, математике, английскому и французскому языку и прочим предметам.

В этой школе предполагались более свободные дискуссии между учителями и учениками, однако моим успехам на поприще усвоения знаний это не особенно способствовало. Несколько раз родители сурово отчитывали меня, получив из школы записки о моей низкой успеваемости. Подобные письма учителей не на шутку меня расстраивали, однако мои оценки от этого так и не улучшились.

В школе Беетцендорфа детей из Пюггена училось крайне мало. Обязательным было только восьмилетнее образование, после этого большинство подростков приступали к получению профессиональной подготовки или к работе на ферме или каким-то другим образом начинали трудовую жизнь.

Поскольку из нашей семьи происходили люди разных уважаемых профессий — учителя, врачи и адвокаты, — то мои родители в отличие от других жителей нашей и соседних деревень, видимо, высоко ценили возможность получения полного среднего образования. Несмотря на экономические трудности в период между двумя мировыми войнами, отец все равно был готов платить за мое образование. Находясь за стенами школы после занятий или во время каникул, мальчишки носили фуражки с эмблемой своего класса. Хотя в самой школе насаждалась строгая дисциплина, за ее пределами время от времени между школьниками вспыхивали драки. Ссоры, перераставшие в кулачные бои, чаще всего возникали между мальчишками разных классов или разных городов, располагавшихся неподалеку от Беетцендорфа. Однажды один парень стал обзывать меня какими-то обидными прозвищами, и я вступил с ним в драку, хотя обычно старался воздерживаться от подобных стычек.

Как правило, вернувшись домой, я делал уроки и выполнял работу на ферме. Несмотря на мои повседневные обязанности, я все равно наслаждался беззаботной юностью и всегда находил время для игр и посторонних дел.

Взросление

В детстве меня отличала любознательность и склонность к всевозможным авантюрам. Мне вечно хотелось исследовать окружающий мир и узнавать, что и как в нем устроено. Родители строго воспитывали нас, детей, и наказывали за проступки и шалости. Признавая мой независимый дух, они вместе с тем учили меня ответственности и уважению к властям.

Однажды летом, когда мне было десять лет, мы с деревенскими мальчишками играли в футбол на поле за нашей фермой. Испытав естественную потребность организма, я предпочел не бежать домой, а справить нужду в ржаном поле, принадлежавшем соседу.

К несчастью, сосед заметил меня и тут же сообщил отцу о моем «злодеянии». Мой поступок по тогдашним меркам носил едва ли не кощунственный характер.

Вечером я вернулся домой, и отец сурово отчитал меня за неуважение к чужой собственности. Хотя я попытался объяснить срочную нужду, которую испытывал, отец не внял моим мольбам и подкрепил урок несколькими ударами розог.

Примерно в то же время я вместе с другими пюнгенскими мальчишками пожелал принять участие в шалости, объектом которой был выбран старик лет семидесяти, постоянно гулявший по песчаной дорожке, что пролегла между нашей фермой и пастбищами на южной стороне деревни. После долгих обсуждений мы, наконец, решили, что я наряжусь привидением и испугаю старика.

После того как остальные мальчишки спрятались в лесу, чтобы наблюдать за происходящим, я, увидев, как приближается наша жертва, вышел на дорогу, натянув на себя простыню. Несмотря на то что почти ничего не видел в темноте через ткань, я чувствовал, что старик уже находится почти рядом со мной, и поэтому принялся издавать, как мне казалось, жуткие звуки.

К нашему великому удивлению, моя устрашающая внешность не произвела желаемого эффекта. Вместо того чтобы испугаться, старик принялся бить меня тростью и вскоре обратился в паническое бегство. Я с трудом скрылся с «места преступления». Мои проказы, увы, не остались безнаказанными. Сохранить что-то в тайне в таком местечке, как Пюнген, было невозможно. Когда я пришел домой, отец крепко отругал меня и отправил к оскорбленному старцу домой извиниться за мое безрассудное поведение.

Будучи атлетически сложенным, я любил всевозможные спортивные игры, особенно футбол. Зимой на уроках физкультуры мы играли в хоккей на льду замерзшего пруда, располагавшегося в километре от Беетцендорфа. Иногда нам не хватало игрока, и тогда на лед выходил кто-нибудь из учителей. Выражая ему свою благодарность, мы при каждой малейшей возможности старались сбить его с ног. Такие игры позволяли нам хотя бы изредка нарушать обычные нормы этикета, требовавшие уважения к старшим.

К верховой езде я относился без восторга, но занимался ею и добился неплохих результатов. По вечерам я часто уводил наших лошадей в ночное, как правило, на пастбище, что лежало к югу от нашей фермы, а по утрам приводил обратно. Кроме того, отец поручал мне отводить наших лошадок на случку на конюшню соседнего крестьянского хозяйства, это происходило четыре-пять раз в год.

Когда мне исполнилось пятнадцать лет, я стал принимать участие в ежегодных районных соревнованиях по конному спорту. Сидя на лошади без седла, нужно было попасть длинным копьём в отверстие кольца диаметром десять сантиметров, подвешенного на высоте 4–5 метров над землей. Мне никогда это не удавалось, зато я научился неплохо ездить верхом, что потом здорово пригодилось мне в армии.

Имея независимый характер, я любил все делать сам. Я много читал, отдавая предпочтение книгам по истории. Особенно мне нравились описания сражений последней войны, Первой мировой. Меня очаровывали рассказы о сражениях под Верденом или на Дарданеллах, а также описания боевых операций немецкого военно-морского флота, в том числе и подводного. При этом я никак не ожидал, что сам окажусь на войне.

Мне очень нравились всевозможные технические устройства, долгие часы отрочества я проводил, экспериментируя с лампами, электромоторами и радиоприемниками. Было ужасно интересно узнавать, как работает тот или иной прибор.

Однажды я решил электрифицировать наш сарай. Поскольку нашей семье нужно было освещать двор рядом с сельскохозяйственными постройками, чтобы мы могли разгружать телеги даже поздним вечером, я предложил провести туда свет. Я протянул электропровод из дома в сарай, а в спальне родителей установил для отца выключатель. Это позволяло работать не только ночью, но и давало возможность осветить двор, если раздавался какой-нибудь подозрительный шум. Поскольку отец не обладал склонностью к технике, он высоко ценил мои таланты.

Раньше нашей семье приходилось вручную перетирать рапсовое семя для получения масла, идущего в пищу. Я вознамерился во что бы то ни стало механизировать этот процесс. Найдя электромотор, я присоединил его к колесу прессы. Результат превзошел все ожидания. Мать была особенно благодарна мне за мое изобретение, избавившее нас от трудной работы, и потом много лет пользовалась этим устройством.

Несмотря на некоторые успехи, далеко не все мои проекты завершались благополучно. Несколько раз от ударов тока я падал на пол, подсоединив не тот провод. Однако постепенно, методом проб и ошибок, я многому научился.

Самые дорогие воспоминания у меня остались о Рождестве, которое наша семья праздновала в полном составе. Надев толстую шубу, отец усаживал все семейство в просторное ландо и отвозил нас в Рорберг на вечернюю службу в церковь.

Когда мы возвращались домой, отец закрывал дверь гостиной. Пока мы, дети, с нетерпением ожидали в коридоре, родители украшали игрушками и свечками только что срубленную ель и раскладывали под ней подарки для нас, таков был тогда обычай в Германии. Закончив приготовления, они впускали нас в комнату. Мы заходили гуськом, первыми шли самые младшие, последними старшие. После сочельника мы на следующий день праздновали само Рождество. На ужин подавался гусь с картофелем и прочие вкусные блюда.

Перед праздником Пасхи жители небольших сельских общин Германии сооружали на холме возле деревни высокие штабеля дров и устраивали фейерверки. В субботу вечером накануне Пасхи их поджигали. Мы, жители Пюггена, с радостью наблюдали за тем, как весь горизонт освещается огнем полутора десятка костров в соседних деревнях. Это было незабываемое зрелище.

Проснувшись на следующее утро, я с братьями и сестрами находил приготовленные для нас корзинки со сладостями и пасхальными яичками. Затем вся семья отправлялась в церковь.

Всеобщими праздниками в Пюггене становились и свадьбы. Жених в украшенной цветами повозке подъезжал к дому невесты и вез ее в церковь. Помимо прочих ритуалов брачной церемонии, у нас существовал и такой обычай — жених и невеста вдвоем распиливали бревно на две половинки, из которых потом делались ножки для детской колыбели. Это гарантировало появление большого числа детей в семье.

Несмотря на то что подобные праздники в семьях нашей общины практически не прекращались, жизнь становилась все более трудной, поскольку в стране свирепствовал экономический кризис.

Глава 2

Жизнь при нацистском режиме

1928–1936 годы

Экономический кризис

1928–1936 годы

В 1929 году на экономику Германии обрушился экономический кризис. Промышленность страны пришла в упадок годом раньше, а международный финансовый кризис лишь ускорил крах экономики моей родной страны. Это привело к небывалой безработице.

В годы кризиса моя семья жила лучше других немцев, однако начало 1930-х годов оказалось и для нас трудным временем. В детстве я плохо понимал сложность переживаемых нами проблем, и жизнь казалась мне по-прежнему прекрасной. Мне хватало еды, у меня была крыша над головой, я продолжал ходить в школу. Экономические трудности наиболее ярко проявлялись в больших городах, а не в крестьянских общинах, хотя мои родители ежедневно испытывали тяжкий гнет финансовых проблем — им постоянно приходилось ломать голову над тем, как оплатить счета и не допустить разорения.

Когда наша семья не смогла вовремя вернуть долг кредиторам, в дом к нам пришли служащие местного суда. Подобные визиты были мучительно унижительными для родителей,

особенно для отца, Мне и моим братьям и сестрам запретили входить в комнату, пока судебские чиновники прикрепляли фискальные ярлыки, именуемые в народе «кукушками», на несколько лучших предметов нашей мебели вроде шкафа и стола.

В конечном итоге отцу удалось выгодно продать часть домашнего скота и собранный урожай, что позволило нам оплатить долг, составлявший что-то среднее между 300 и 1000 марок и снять с вещей позорных «кукушек». Тем не менее это было лишь временное улучшение. Дубовый стол отца еще несколько раз описывался судебскими в оплату очередного долга.

Даже в этих трудных обстоятельствах шести фермам в Пюггене удавалось справляться со всеми невзгодами и давать работу местным крестьянам. Несмотря на то что многие крестьянские хозяйства по всей Германии были вынуждены продавать часть своей земли или весь земельный надел, чтобы расплатиться с долгами, нашей семье посчастливилось остаться на плаву и избежать таких отчаянных мер.

И все же отцу часто приходилось затягивать выплату денег за удобрения, покупку нового сельскохозяйственного инвентаря или приобретение нового взамен старого, изношенного, и рассчитываться с наемными работниками натуральными продуктами вместо наличных. Ферма давала нам достаточно продуктов питания, но свободных денег почти никогда не было, даже на такие простые вещи, как одежда или обувь.

Тетя Хедвиг, дальняя родственница, жившая с нами, обычно пришивала к нашей перелицованной одежде магазинные ярлыки, чтобы мы поверили в то, будто она куплена в магазине. Этот мудрый поступок совершался для того, чтобы мы не думали о нужде, однако самые старшие из нас все прекрасно понимали. Разумеется, нам хотелось иметь красивую новую одежду, но мы понимали, что наша семья не может позволить себе этого.

Хотя было очень трудно находить деньги даже на самое необходимое, отец время от времени позволял себе маленькие слабости вроде кружки пива или сигары. Однажды он отправил меня за пивом в деревенскую пивную, располагавшуюся неподалеку от нашего дома. Получив возможность впервые в жизни отведать вкус пенного напитка, я стал на ходу понемногу отхлебывать из кружки и когда, наконец, передал ее отцу, содержимое убавилось примерно на пару сантиметров. Отец, конечно же, рассердился на меня, упрекнув в том, что я расплескал пиво, пока нес. В трудные времена никому из нас, даже младшим, не удавалось избежать родительского гнева.

Кризис разразился через десять лет после окончания войны и еще больше укрепил консервативные духовные ценности немцев и усилил всеобщее недовольство послевоенным мироустройством.

Подобно большинству моих соотечественников я верил в то, что Первая мировая война возникла из нежелания других держав — Великобритании, Франции и России — признать военное и экономическое могущество Германии и предоставить ей законное место в ряду сильных государств мира. Несмотря на огромные потери, немцы гордились тем, что победили Россию и дали достойный отпор армиям Антанты.

Хотя Германия согласилась на заключение перемирия в 1918 году, большая часть немцев была не согласна с тем, что их родина потерпела поражение, потому что германская армия все еще существовала и занимала внушительную часть территории Франции, а также огромные территории на Востоке. Кроме того, почти все немцы были уверены, что деятельность коммунистов и социалистов Германии существенно подорвала боевой дух армии и повлияла на принятие нацией постыдных условий Антанты.

Обсуждение итогов Первой мировой войны неизбежно приводило к горькому признанию неожиданно тяжелых для страны условий Версальского мирного договора, навязанного стране в 1919 году. Несправедливо признав Германию виновной в разжигании войны, страны Антанты навязали ей выплату огромных репараций и потребовали сокращения немецкой армии до 100 тысяч человек, а также отобрали у нее все колониальные владения. Неудивительно, что многие немцы испытывали крайнюю неприязнь к Франции и Великобритании и считали их виновными в тяжелом экономическом положении своей

страны.

Я по-прежнему интересовался военной историей и часто беседовал с ветеранами войны в Пюггене и соседних деревнях. Они приглашали меня на встречи участников «Стального шлема», крайне правой полувоенной организации. В нее входили бывшие солдаты, принимавшие участие в Первой мировой войне. Носившие старую форму и не расстававшиеся с винтовками, ветераны собирались пару раз в год на уличные манифестации, проходившие по всей Германии.

Они вспоминали былые сражения, произносили патриотические речи, пили пиво и ели жареные колбаски, пели народные немецкие песни, приглашали прохожих посетить выставки оружия. Что было более важно для меня, они позволяли нам, мальчишкам, пострелять из винтовок. Это казалось мне восхитительным занятием, хотя от отдачи приклада после выстрела долго болело плечо.

Хотя я мало что понимал в политике в том нежном возрасте, я соглашался с тем, что рассказывали нам о немецком патриотизме ветераны войны. Их враждебное отношение к численному ограничению рейхсвера, немецкой армии, а также к несправедливым условиям Версальского договора казалось вполне оправданным. Хотя многие местные члены «Стального шлема» с неприязнью относились к крайнему шовинизму и антисемитизму, национальные организации «Стального шлема» время от времени сотрудничали с другими националистическими организациями, в том числе и с национал-социалистами.

Несмотря на то что национал-социалисты выражали такое же недовольство послевоенным устройством Германии, они не терпели никаких соперничающих группировок. Придя к власти, они поглотили «Стальной шлем», сделав его основой своих СА, штурмовых отрядов.

Приход Гитлера к власти

1933–1935 годы

Владельцы ферм нашей общины отдавали свои симпатии ультраконсервативной германской национальной народной партии. Ее политический курс поддерживали и мои родители, и мой дедушка. Они иногда приходили на организуемые ею митинги. И напротив, они не любили национал-социалистов, которых считали опасными экстремистами, которые лишь ненамного были лучше радикалов-коммунистов. В то же время мои родители не считали, что национальная политика играет большую роль в их жизни, и главным образом интересовались лишь тем, что происходило в нашей округе.

Несмотря на широко распространенное неодобрение политических и экономических условий, в которых находилась моя родная страна в 1930-х годах, я верил в то, что большинство немцев уважают тогдашнее правительство, которое возглавлял президент Пауль фон Гинденбург, герой Первой мировой войны. Они не рассчитывали на ликвидацию послевоенной Веймарской республики, учрежденной в 1919 году.

Хотя большинство немцев не требовали возвращения довоенной политической системы, они тем не менее испытывали ностальгию по временам правления кайзера Вильгельма. Однако по мере углубления экономического кризиса все прочие политические партии умеренного толка стали сдавать позиции таким экстремистским партиям, как коммунисты и национал-социалисты.

Различные партии часто выступали с речами в таких небольших общинах, как наша, а также раздавали листовки и расклеивали агитационные плакаты. Наиболее активными были национал-социалисты и их штурмовые отряды. Они искусно проводили пропагандистские акции, знакомя население со своей политической программой. Умело раздувая народное недовольство условиями Версальского договора, экономическими кризисом и неэффективностью действующих политических институтов Германии, их вождь Адольф Гитлер призывал к восстановлению былого величия нашей страны и мужественному

противодействию всем внутренним и внешним врагам. Его обещания вывести немцев из кризиса были особенно действенными и способствовали росту его популярности среди малообразованных пролетариев.

Хотя национал-социалисты не вызывали у нашей семьи симпатий, коммунисты были еще хуже. Многие немцы в те дни видели в национал-социалистах Гитлера самую сильную альтернативу коммунистической партии. Если бы коммунисты пришли к власти, то, скорее всего, установили бы такую же репрессивную экономическую и политическую систему, как и та, что существовала в советской России. Моя семья в равной степени не любила и коммунистов, и национал-социалистов, хотя и одобряла взгляды последних на восстановление былого величия Германии.

На выборах, состоявшихся в ноябре 1932 года, нацисты не получили мест в рейхстаге, германском парламенте, однако голосов собрали больше, чем любая другая политическая партия. В конечном итоге после политического маневрирования президент Гинденбург назвал Адольфа Гитлера будущим канцлером. Практически никто из немцев не предполагал, какие последствия будет иметь назначение Гитлера и его партии главой Германии.

Установив контроль над правительством, Гитлер вскоре привлек шесть миллионов немецких безработных к строительству системы скоростных шоссе, автобанов и тем самым приобрел их симпатии и лояльность.

Кроме того, национал-социалисты взяли новый внутривнутриполитический курс, введя ряд льгот, чтобы завоевать расположение большей части населения страны. Например, новый режим предложил рабочим, вступившим в государственный официальный профессиональный союз, дешевые зарубежные туристические поездки, предлагая лучшим рабочим ту же услугу совершенно бесплатно. Для этого государство оплатило переоборудование для этих целей некоторых кораблей вроде «Вильгельма Густлоффа». Программа национал-социалистической партии также предоставляла семьям, живущим в больших городах, возможность отправлять детей в специальные оздоровительные лагеря в сельской местности, которые пользовались огромной популярностью.

16 марта 1935 года Гитлер денонсировал условия Версальского договора и отдал приказ о милитаризации Германии. Помимо создания люфтваффе, военно-воздушного флота, нацистское правительство также приступило к формированию вермахта, численность которого раньше ограничивалось 100 тысячами солдат. Возрождающаяся экономика и армия Германии снискали поддержку деятельности национал-социалистов и дали немцам ощущение национальной гордости и уверенности в собственных силах.

Моя семья поддержала эти меры и была довольна улучшением делового климата, позволявшего нам продавать больше сельскохозяйственной продукции по лучшим ценам. Однако, несмотря на это, в целом мы все-таки не поддерживали национал-социалистов. Возможно, нас пугало укрепление диктаторского характера правительства и неумолимое превращение Германии в тоталитарное государство.

Когда в 1933 году произошел поджог рейхстага и вина за него была возложена на коммунистов, наша семья не выразила последним своего сочувствия. Подобно большинству немцев, мы были довольны тем, что правительство, судя по всему, начало восстанавливать общественную дисциплину и политический порядок в стране. Однако Гитлер воспользовался этим событием для того, что объявить в Германии особое положение и устранить политическую оппозицию. За короткий срок нацисты издали множество указов, которые ограничили последние остатки демократических свобод на немецкой земле.

Хотя мои родители и мой дедушка были достаточно аполитичны, они, возможно, обладали более независимым складом ума, чем многие другие немцы. Моя семья не одобряла расширения контроля правительства над жизнью граждан и не слишком обольщалась относительно будущего Германии под тиранией Гитлера.

Хотя в тот год, когда нацисты пришли к власти, мне исполнилось всего двенадцать лет, я тем не менее испытывал давление политики и выработал свое мнение о новом режиме. Хотя мне казалось, что при национал-социалистах жизнь в Германии немного улучшилась, я

все-таки испытывал смешанные чувства по отношению к Гитлеру и испытывал сомнения в правильности его курса.

В 1934 году в церковь Пюнгена приехал лютеранский пастор из другого прихода. Слушая проповедь, мы были потрясены его призывами к почитанию нацистской идеологии. Он утверждал, что Господь благословил Германию, подарив ей Гитлера и его власть. Заявив, что все, что делают нацисты для нашей страны, есть благо, он велел подчиняться им. Мои родители недоверчиво качали головами, поражаясь кощунственному поступку государства, использовавшего церковь для оправдания своей деятельности.

Правление нацистов

Подавление инакомыслия и близость репрессий, по-видимому, чувствовались сильнее в больших городах, чем в сельской местности, однако было бы преувеличением считать, что в деревнях сразу же воцарилась атмосфера страха. Хотя нацисты постоянно ограничивали свободу высказывания оппозиционных взглядов на публике, мы по-прежнему открыто обсуждали вопросы политики в кругу семьи и в обществе близких друзей. И все-таки еще в детстве я проявлял осторожность в высказывании собственного мнения, будучи не уверен, что собеседник разделяет такие же политические взгляды, даже если я хорошо знаком с ним.

Было понятно, что мы рисковали стать жертвой доноса в полицию или в местную организацию нацистской партии, если бы выражали антинацистские взгляды в присутствии незнакомых людей или просто недоброжелателей. Когда властям становилось известно, что вы придерживаетесь антиправительственных взглядов, вам непременно создали бы трудности на работе или стали бы мешать вашей коммерческой деятельности. Вас, по сути дела, поставили бы в невыносимые условия. Тому, кто открыто противостоял правящему режиму и сопротивлялся его давлению, грозил неминуемый арест и тюремное заключение. В условиях диктатуры устрашения и оскорблений было достаточно для того, чтобы заставить большинство людей держать рот на замке.

Политический курс Германии тех лет определяла кучка высокопоставленных нацистских чиновников, которая приняла решение привлекать в ряды национал-социалистической партии как можно больше простых людей. По моему мнению, примерно половина немцев, вступившая в эту партию, руководствовалась исключительно прагматическими причинами — таким образом можно было получить повышение по службе или выгодную работу. Лишь половиной новоиспеченных национал-социалистов двигала идейная убежденность. Разумеется, много людей, поддержавших тогдашний режим, имели на то смешанные причины, как экономические, так и идеологические.

В нашей многочисленной семье нацистским чиновником стал один из моих дядей, живший в соседней деревне Хоэндольслебен. Будучи крестьянином, он хотел улучшить свое финансовое положение, но при этом также разделял идеологию национал-социализма. Мои родители проявляли осторожность и избегали обсуждать вопросы политики с другими родственниками, однако не одобряли и не разделяли их взглядов. Их сын позднее записался добровольцем в войска СС и в возрасте 18 лет погиб в первую неделю войны во Франции.

Хотя высшие эшелоны национал-социалистической партии состояли из высокообразованных людей, веривших в нацистскую идеологию, сами они опирались на поддержку рядовых, менее образованных единомышленников из числа пролетариата. Мои родители и большая часть владельцев ферм в Пюнгене с трудом мирились с властью тех, кто совсем недавно стали партийными функционерами. Надев нацистскую форму, какой-нибудь бывший батрак мгновенно преображался и начинал вести себя как мелкий капризный тиран. Проявляя великую осторожность в выражении политических взглядов, в кругу семьи мы часто осуждали таких людей: «Этот сукин сын совсем недавно убирал у меня навоз, а теперь держит себя как какая-нибудь большая шишка! Смотрите, будьте осторожны с ним!»

Если какой-нибудь крестьянин или предприниматель обращался к местным властям с некой просьбой, то ее должна была одобрить сначала местная организация нацистской

партии. Если такой крестьянин не состоял в национал-социалистической партии или не проявлял к ней лояльности, то партийные функционеры нередко затрудняли ему получение необходимых документов.

Прямое обращение в партийную организацию могло разрешить проблему, однако оставляло такого гражданина униженным и зависимым от нацистов.

Мои родители никогда публично не высказывали неодобрения правящего режима, однако их истинное отношение к нацизму было понятно местным властям. В ответ они иногда обременяли нашу семью трудными и нежелательными заданиями. Когда один из новоиспеченных нацистских функционеров потребовал, чтобы мой дедушка выполнил какое-то его неразумное требование, тот просто отказался повиноваться ему. Уверенный в том, что унизил пожилого человека и подчинил своей воле, нацист пришел через пару дней на нашу ферму. Здесь он столкнулся с моим разъяренным дедушкой, который схватил лопату и пригрозил отрубить незваному гостю голову, если тот не уберется прочь и не оставит его в покое. Если бы нацист не ушел, то мой дед точно убил бы его. Нацисты редко оставляли безнаказанным чье-либо сопротивление, однако моего дедушку явно спас его преклонный возраст, и никаких репрессий, к счастью, не последовало.

Несколько лет спустя, когда деду исполнилось восемьдесят, он получил подарок от фирмы, которая покупала у нас зерно. Он был уверен, что в посылке находится несколько бутылок вина, но, к его разочарованию, там оказался лишь портрет Гитлера в рамке. Во всей нашей семье он был, пожалуй, самым непримиримым противником гитлеровского режима.

До прихода Гитлера к власти я никак не мог понять, почему национал-социалисты так враждебно настроены к еврейскому населению Германии, поскольку я считал евреев обычными немцами, исповедующими лишь другую религию, и никогда не видел какого-то зла с их стороны. Враждебность нацистов к ним представлялась мне иррациональной, бессмысленной. Так, наверное, казалось и большинству остальных немцев.

Несмотря на то что в Пюнгене евреи не жили, наша семья давно имела дружественные коммерческие отношения с одним еврейским торговцем из Берлина. До середины 1930-х годов он регулярно приезжал на нашу ферму на грузовике и покупал у нас яблоки. Другим евреем, которого я знал, был местный ветеран войны, инвалид.

В 1933 году министр пропаганды Йозеф Геббельс развернул масштабную пропагандистскую кампанию с широким использованием прессы, направленную против еврейского населения. Геббельс, будучи более образованным человеком, чем Гитлер, не уступал последнему в ораторском искусстве. Нацисты самыми различными способами пытались изобразить евреев эксплуататорами немцев и возложить на них вину за трудности, порожденные экономическим кризисом. Евреев также обвиняли в заговоре, имевшем целью подчинить себе большую часть Германии. То, что многие немцы поверили тому, что читали в газетах и слушали на политических митингах, свидетельствовало о тотальном контроле нацистов над средствами массовой информации и их искусном манипулировании общественным мнением.

Безжалостные обвинения постепенно убедили основную массу немцев в том, что евреи являются главными врагами общества. Хотя я не разделял антисемитских взглядов, меня не особенно интересовало то, что происходило в ту пору с немецкими евреями. Под воздействием нацистской пропаганды многие немцы вроде меня достаточно равнодушно относились к постоянно ужесточавшимся мерам, которые предпринимались в отношении еврейского населения в те далекие годы.

Глава 3

Прелюдия к войне

1936–1939 годы

7 марта 1936 года мы услышали радиосообщение о том, что Гитлер отдал приказ

немецким войскам занять Рейнскую область, территорию, граничившую с Францией. В соответствии с условиями Версальского договора эти земли были объявлены демилитаризованной зоной. Диктор также пересказал речь Гитлера и описал подробности ввода войск на названную территорию. Несмотря на то что это было установление полного суверенного контроля над немецкими землями, данное действие пробудило в жителях Германии гордость за восстановление поправленного достоинства нации, униженной другим государством. Не встретив сопротивления французов, эта военная операция увеличила популярность Гитлера в обществе.

Когда мы в середине 1930-х годов ходили в кино, то перед показом фильмов смотрели документальную хронику, в которой демонстрировались многолюдные митинги и торжественные шествия членов нацистской партии. Моим родителям удалось увидеть воочию нацистскую помпезность, когда в 1936 году они побывали на Олимпийских играх в Берлине. Наша семья и многие другие немцы считали, что подобные зрелища являются разновидностью пропаганды, прекрасно понимая, для чего все это делается. Тем не менее вполне возможно, что мы наивно полагали, будто наши отношения с иностранными государствами, особенно соседними, улучшатся, если они увидят мощь и успехи обновленной Германии.

Многие немцы продолжали испытывать неприязнь к Великобритании и Франции за изоляцию и унижение Германии, являвшейся частью цивилизованной и сильной Европы. Мы также ощущали угрозу, исходившую от коммунистического режима Советской России, казавшегося нам варварским и отсталым. Несмотря на то что безопасность Германии гарантировалась увеличенной численностью вермахта, которая превышала ограничения, определенные Версальским договором, Гитлер добился того, что мою родину стали опасаться, вместо того чтобы испытывать к ней уважение и питать добрососедские чувства.

С увеличением численности вермахта стремительно ускорился курс его боевой подготовки, и мы стали свидетелями возросшей активности наших вооруженных сил. 21 сентября 1936 года немецкая армия провела самые крупные после Первой мировой войны учения, в которых участвовал и мой двоюродный брат Генрих. В этой учебной операции целая дивизия всего за одну ночь была перебросена моторизованным транспортом с берегов Рейна на восток, к реке Одер. Генрих позднее рассказывал мне, что из-за нехватки грузовиков пришлось конфисковать у гражданского населения личные машины.

В шестнадцатилетнем возрасте я с восторгом относился к армии и боевой технике и живо интересовался подобными демонстрациями военной мощи. Стоя возле нашего дома, я подолгу мог наблюдать за длинной колонной машин, везущей солдат и артиллерийские установки, которые с грохотом мчались по главному шоссе мимо фермы. Желая стать солдатом, я еще не понимал, что нацистский режим постепенно ведет Германию к новой войне.

К этому времени мои мысли также стали занимать и представительницы противоположного пола. За год до этого я совершил в одиночку путешествие на поезде в Нордхаузен, к нашим родственникам. Там я познакомился с моей двоюродной сестрой Рут. Через два года она совершила ответный визит и побывала у нас дома, в Пюггене. Наши отношения переросли в первое романтическое увлечение, ограничившееся, впрочем, лишь несколькими невинными поцелуями. В знак моей любви к ней я обычно оставлял шоколадную конфету на ее постели в нашей гостевой комнате.

После того как мне исполнилось шестнадцать, я попросил родителей оплачивать еженедельные уроки танцев, которые устраивались для группы желающих в Беетцендорфе. Поскольку в школе мы не имели возможности общаться с девушками, такие танцевальные классы были одним из тех немногих мест, где юноши и девушки одного возраста могли встречаться за пределами своей общины. Таким образом, можно было видеться с девушками из других мест и завязать с ними более близкие отношения, которые в ту пору следовало держать в тайне.

Обучаясь вальсам, полькам и другим популярным в те дни танцам, я познакомился с

красивой девушкой по имени Хильда, жившей в соседней деревне Аудорф. Поскольку встречаться на людях согласно тогдашним нравам не разрешалось, нам приходилось держать наши отношения в тайне от ее родителей. Хотя моим родителям было известно, что я встречаюсь с какой-то девушкой, они верили, что я буду вести себя благоразумно, и не спрашивали, кто моя избранница.

Три или четыре раза мы с Хильдой готовили наши тайные встречи так, как будто это были какие-то шпионские операции. В шесть или семь часов вечера я садился на велосипед и преодолевал десяток километров, отделявшие Пюгген от Аудорфа, чтобы тайно встретиться с ней в сарае, принадлежавшем ее семье. Чтобы ее родители не заметили нас, мы сидели в нем, болтали и любезничали почти до полуночи. Несмотря на тогдашние социальные условности, которые категорически исключали поцелуи, мы все равно целовались. Как-то раз Хильда даже пригласила меня в свою комнату в доме, но я отклонил ее предложение, опасаясь, что мое присутствие вызовет неудовольствие ее родственников.

Помимо того, что мы постоянно боялись случайного прихода ее отца в сарай, я беспокоился о судьбе моего велосипеда, который могли похитить деревенские парни в отместку за то, что я ухаживаю за их соседкой. К счастью, этого мне удалось избежать.

Примерно в то же время в нашем доме поселились две семнадцатилетние девушки из восточной части Германии, которые помогали моей матери по хозяйству и должны были провести у нас целый год. Если раньше места ученичества можно было выбирать свободно, то теперь этим девушкам пришлось подчиниться приказу властей. Они были последними работницами, жившими в нашей семье. С приходом нацистов к власти такая лишенная добровольного выбора практика стала в Германии обычным явлением.

Поскольку в Пюггене проживало всего три-четыре местных девушки их возраста, новоприбывшие тут же вызвали живейший интерес у четырех-пяти парней нашей общины. Мои родители выделили гостям комнаты на втором этаже с южной стороны дома, однако наши парни ошибочно решили, что девушки живут с северной стороны.

Они несколько раз по ночам приходили под окна северной стороны и громко свистели, пытаясь обратить на себя внимание девушек, которые, по их мнению, там жили. К их великому огорчению, в той комнате жила моя тетя Хедвиг, которую сильно раздражали эти ночные концерты. Однажды чаша ее терпения переполнилась, она открыла окно и выплеснула содержимое ночного горшка на головы ничего не подозревавших парней. С той поры их визиты прекратились навсегда.

Несмотря на то что между мной и девушками из Восточной Германии никаких романтических отношений не сложилось, мы подружились и беззлобно подшучивали друг над другом и практиковали всевозможные розыгрыши. Имея, как уже было сказано, склонность к технике, я задумал одну шутку.

Однажды вечером, когда мы сидели за ужином и слушали по радио музыку, я извинился, встал из-за стола и вышел из столовой незадолго до того, как должны были начаться последние известия. Затем зашел в соседнюю комнату и взял в руки микрофон, подсоединенный к динамику радиоприемника, находившегося в столовой. Отключив трансляцию, я включил микрофон и, имитируя голос диктора, произнес: «В соответствии с решением правительства все молодые женщины, отправленные на практику в крестьянские хозяйства, остаются на прежних местах работы еще на шесть месяцев».

Поверив, что это действительно правительственное сообщение, обе девушки горько расплакались. Вернувшись в столовую, я признался, что пошутил над ними, но никто не поверил, что по радио говорил я, а не диктор. Когда я, наконец, убедил всех, что это был розыгрыш, наши гости все-таки крепко обиделись на меня.

Укрепившись во власти, нацисты взяли под контроль все социальные, культурные и образовательные группы и учреждения и создали новые организации, такие, как «Гитлерюгенд» («Гитлеровская молодежь»). Никого насильно не заставляли вступать в такие организации, однако правящий режим создал такие условия, которые активно побуждали немцев делать это. Тех, кто отказывался от вступления, могли ждать самые неприятные

последствия. Несмотря на мое желание не иметь ничего общего с нацизмом, я считал, что было бы неразумно полностью избегать общения с его представителями.

В середине 1937 года кто-то из моих друзей посоветовал мне записаться в «Национал-Социалистический Мотоциклетный Корпус» (НСМК). НСМК был отдельной от «Гитлерюгенда» организацией, однако существовал под контролем НСДАП. Если бы я отказался вступить в мотоциклетный корпус, то меня заставили бы вступить в «Гитлерюгенд». НСМК по сравнению с последним имел самое минимальное отношение к национал-социалистической партии. Кроме того, мне очень нравилось возиться со всевозможной техникой и кататься на мотоцикле.

Наш союз насчитывал от пяти до пятнадцати членов, мы носили особую форму и собирались по вечерам на несколько часов два раза в месяц в домах друг у друга. Примерно за полгода моего членства в мотоциклетном клубе, к моему великому сожалению, я смог всего несколько раз покататься на мотоцикле.

Однако раз в месяц я получал возможность выступить перед моими товарищами с политинформациями на темы текущих событий и рассказать им о том, чего они не знали. При этом я пользовался сведениями из газет и радиопередач, относящимися к вопросам внутренней и внешней политики. Несмотря на то что говорить свободно или обсуждать острые вопросы политики не мог, мне доставляло удовольствие оттачивать свои руководящие способности.

Профессиональное обучение

Январь — август 1938 года

Когда летом 1937 года подошел к концу мой восьмой год обучения в школе Беетцендорфа, я был уже готов взять дела в свои руки и определить собственную судьбу. Я вырос, постоянно видя, как родители каждый день подолгу работают на ферме, отчаянно пытаюсь оплатить счета за инвентарь и удобрения. Этот опыт и слабый интерес к сельскохозяйственному труду привели меня к решению избрать другую профессию, хотя это означало, что в таком случае ферму неизбежно унаследует то-нибудь из моих братьев. Обладая интересом к технике и всевозможным приборам, я сообщил родителям о намерении оставить ферму и приобрести профессию инженера-электрика. Несмотря на то что мое заявление стало для них полной неожиданностью, они поддержали мое решение. Поскольку в семье было семь детей, они получали возможность на какое-то время избавиться от лишнего рта.

Вскоре после того как я объявил о своем намерении, мы с отцом съездили в Зальцведель, самый большой город в округе, находившийся в пятнадцати километрах от Пюнгена, где побеседовали с одним знающим человеком, который оценил мои познания в технике. Хотя в школе я учился вполне посредственно, результаты собеседования превзошли ожидания и оказались едва ли не превосходными. Училища, в которых готовили инженеров, предусматривали два года реального практического опыта для всех студентов, намеревавшихся пройти три года академической учебы по программе инженерской подготовки с более практическим, нежели теоретическим, уклоном. Мой отец на поезде съездил в городок Люнебург, находившийся рядом с деревней, где он вырос, и помог мне найти крупную электротехническую мастерскую, где я мог пройти двухлетнюю практику в качестве «добровольного» — то есть не получавшего никакой оплаты — ученика электрика.

В январе 1938 года, когда я приехал в Люнебург, чтобы приступить к работе учеником электрика в фирме Иоганна Брокельта, директор мастерской дал мне ряд главных указаний и сразу же поручил конкретное дело. Я стал учиться разбирать, ремонтировать и снова собирать электромоторы, а также прокладывать электропроводку, и уже скоро выполнял достаточно сложные задания.

Каждое утро я приезжал на работу в полвосьмого и трудился до половины пятого дня.

По субботам я работал до обеда, чтобы восполнить день, в который я посещал в одной из городских школ занятия по электроинженерному делу. После того как я выбрал профессию по своему вкусу, моя успеваемость значительно улучшилась.

Большая часть моей работы в качестве ученика была связана с размещением электропроводки в только что построенных казармах. При этом я еще не догадывался, что моя будущая жизнь будет связана с армейской службой. Однажды зимой, особенно холодным днем, я стоял на лестнице, устанавливая лампы на полке огромного помещения без окон на территории казарм. Чтобы не замерзнуть, я закрыл дверь и затопил импровизированную печку, сделанную из бочки, забросив в нее уголь.

Неожиданно я почувствовал острую головную боль и испытал сильное головокружение. Теряя сознание, я быстро спустился с лестницы и, пошатываясь, вышел наружу. Лишь позднее я понял, что отравился угарным газом, образующимся при горении угля. Я едва не погиб. Мне повезло, что я инстинктивно вышел на открытый воздух. Несмотря на некоторые опасности, связанные с ремеслом электрика, учеба представлялась мне очень интересной и полезной.

Хотя я наслаждался независимостью и личной свободой, в Люнебурге мне жилось скучно. Этот город был расположен на берегу реки Ильменау и являлся речным портом и железнодорожным узлом с 40 тысячами жителей. Здесь размещался пехотный полк вермахта, кавалерийский полк, два артиллерийских батальона и две эскадрильи люфтваффе. Люнебург казался мне военным городом.

Несмотря на то что мне приходилось каждый день совершать долгую поездку на велосипеде, я предпочел жить не дома, а на ферме моего дяди Генриха. Она находилась в деревне под названием Хаген. Я занимал комнату в том самом доме, где вырос мой отец.

Еще до моего переезда отец договорился с братом, что в доме последнего во время моего ученичества я получу крышу над головой и питание. Отец пообещал давать мне карманные деньги и деньги на обеды в пансионе одной пожилой дамы в Люнебурге. Дядя Генрих обязался бесплатно предоставить мне комнату в своем доме, а также ужин и по воскресеньям завтрак, обед и ужин. Эта договоренность служила своего рода компенсацией за то, что мой отец не получил никакого наследства от своих родителей, в то время как дяде на правах старшего сына достался родительский дом.

Единственным источником моего недовольства в новом жилище являлась неудобная кровать, от которой у меня по утрам болела спина. Осмотрев ее, я обнаружил, что одна из пружин матраца торчит наружу. Взявшись за дело как истинный инженер, я снял ненавистную пружину, довольный тем, что проблема решилась так легко.

Когда я рассказал о моей «победе» дяде Генриху, тот взорвался негодованием: «Ты испортил мой матрац!» Когда на следующий день я вернулся домой после работы, то увидел, что матраца на кровати нет, а на его месте лежит мешок, набитый соломой, который все остальное время моего проживания в Люнебурге служил мне тюфяком.

Несмотря на достаточно сухие и формальные отношения с дядей Генрихом и тетей Дорой, время, проведенное в Хагене, в целом было приятным. Там проживало много молодежи моего возраста. Кроме моих кузена Хартвига и кузины Ирмы я познакомился с двумя-тремя девушками, жившими в дядином доме. Они приехали учиться ведению домашнего хозяйства и трудились под присмотром тети Доры. В нашу компанию также входил Бодо Фосс, мой дальний родственник, который учился крестьянскому труду у дяди Генриха. Вечером после ужина мы шестером или всемером отправлялись на прогулку. Мы от души веселились и часто подтрунивали друг над другом. Однажды я в шутку поцеловал в шею одну из наших практиканток. Прежде чем я успел что-нибудь сообразить, она залепила мне звонкую пощечину. Впоследствии кузины еще долго посмеивались надо мной по этому злосчастному поводу.

Иногда наша компания отправлялась в Люнебург, где мы ходили в кино или лакомились мороженым. Раз пять или шесть вместе с Хартвигом или Бодо я ходил на танцы или на свидания с местными девушками. Разумеется, иногда я отделялся от остальных и

проводил свободное время по своему усмотрению.

Иногда, возвращаясь на ферму поздно вечером, я заставал переднюю дверь закрытой. Поскольку своего ключа я не имел, то мне приходилось свистом вызывать Ирму, которая впускала меня в дом.

Летом 1938 года я однажды вечером где-то задержался и попытался проникнуть в дом таким же образом, но в этот раз на мой свист никто не отозвался. Тогда я пробрался внутрь другим способом, через коровник. Подойдя к комнате Ирмы, я постучал в дверь, чтобы спросить, почему она не смогла впустить меня. Не получив ответа, я открыл дверь и вошел в комнату, где обнаружил Ирму неподвижно лежавшей в постели.

Когда я заговорил с ней, она не ответила и даже не пошевелилась. В следующее мгновение я заметил пистолет возле ее руки и кровь на подушке. Увиденное потрясло меня, и я тут же разбудил ее старшего брата Генриха, который получил увольнительную и пришел домой. Я рассказал ему, что с Ирмой что-то случилось.

Всего за пару недель до того, как я обнаружил бездыханное тело кузины, она небрежно спросила меня о том, какой способ самоубийства представляется мне наиболее действенным. Не думая о том, что такая красивая девушка может всерьез подумывать о сведении счетов с жизнью, я предположил, что, наверное, эффективнее всего будет выстрел из пистолета. Хотя никто из родственников мне не объяснил истинных причин, толкнувших Ирму на самоубийство, я могу лишь предполагать, что она либо стала жертвой изнасилования, либо забеременела. Скорее всего, она не перенесла бы подобного стыда и поэтому решила застрелиться.

Ее трагическую смерть я не могу забыть до сих пор, хотя с тех пор хлебнул немало горя и часто видел, как гибли в бою мои товарищи.

Любовь в последние мирные дни

Сентябрь 1938 года — август 1939 года

В сентябре 1938 года я внимательно следил за сообщениями о встречах Гитлера с британским премьер-министром Чемберленом и французским премьером Даладье в Мюнхене, где было принято решение о передаче Германии Судетской области, населенной немцами. Судеты тогда принадлежали Чехословакии. Это казалось мне вполне разумным и обоснованным. Подобно аншлюсу Австрии, состоявшемуся в марте, этот триумф немецкой дипломатии получил широкую популярность в обществе и пробудил в немцах чувство национальной гордости, хотя такое одобрение уравнивалось серьезной озабоченностью — рейхсканцлер мог не ограничиться одними Судетами и нацелиться на земли других соседних стран.

Несмотря на то что я уже начал понимать, что меня скоро могут призвать на военную службу, мирные резолюции Мюнхенского соглашения, которые дружественно подкорректировали бывшее разделение нашего народа после Версальского договора, заставили меня и многих других моих соотечественников поверить в то, что войны удастся избежать.

В ночь на 9 ноября нацистские коричневорубашечники из СА атаковали принадлежавшие евреям магазины и устроили нападения на евреев по всей Германии. Эти погромы, получившие название «Хрустальная ночь», стали главной новостью следующего дня в контролируемых режимом газетах, которые оправдывали это варварство, утверждая, что случившееся — праведная месть немцев за «еврейские преступления».

В четверг утром, когда я приехал в Люнебург, я увидел кучку штурмовиков в коричневых рубашках, столпившихся перед разбитой витриной какого-то магазина на центральной улице города. Судя по всему, это был разгромленный магазин, принадлежавший какому-то еврею. Часто проходя мимо него, я никогда не задумывался над национальной принадлежностью владельца. К тому времени нацистская пропаганда сумела

заставить немцев не думать о страданиях евреев, однако большая часть моих соотечественников понимала, что национал-социалисты зашли слишком далеко и следует настороженно относиться к тому, что может последовать с их стороны дальше.

Обеспокоенный этой эскалацией насилия, я начал задавать себе вопросы. Что заставило нацистов поступить так зверски? Что происходит с Германией? При этом я боялся обсуждать это с другими людьми и надеялся, что обстановка в моей стране все-таки изменится к лучшему. Несмотря на то что в последующие годы меры, предпринимавшиеся нацистами в отношении евреев, стали менее заметны немецкому обществу, в тайне от него они, по всей видимости, невообразимо ухудшились.

Вспоминая те дни, я понимаю, что среди основной массы немцев существовало неприятие экстремистских действий национал-социалистов. Большинство моих соотечественников беспокоилось о будущем моей родной страны, и им не хотелось жить в условиях диктатуры, ущемляющей их свободу. Даже те, кто раньше поддерживал нацистов, осознали опасность тогдашнего политического режима для внутренней и внешней политики Германии. Каким бы ни было сопротивление власти, отдельные люди по-прежнему боялись возможных последствий открытого выражения своего инакомыслия.

В то же время некоторые действия нацистского правительства находили широкую поддержку среди населения германского рейха. Немцы доверили Гитлеру вопросы наведения порядка и экономического возрождения, приведшего к почти полной ликвидации безработицы. Что было более важно, они ощутили в те годы прилив патриотических чувств, который был вызван восстановлением былого величия страны, попранного условиями Версальского договора. Возможно, эти настроения и позволили нацизму так упрочить свои позиции в те годы.

Между тем атмосфера в Хагене сделалась для меня более напряженной и менее радостной после трагической смерти Ирмы. Хотя я продолжал наслаждаться молодостью и приятно проводил время в обществе кузин и кузенов, а также практиканток, мои отношения с дядей и тетей сделались еще более неприязненными. Я старался чаще бывать в городе, где искал возможных встреч с другими девушками.

Весной 1939 года, когда стало теплее, я решил съездить на велосипеде в Люнебург, чтобы сходить на танцы, устраивавшиеся в субботние вечера в отеле, который располагался в центре города. Тогда было принято появляться на танцах в пальто и с галстуком. Кавалеры стояли у одной стены ярко освещенного зала, а дамы сидели за столиками возле противоположной стены.

Оркестр уже исполнял какую-то мелодию, когда мы с Бодо вошли внутрь. Через полчаса мое внимание приковала к себе одна красивая девушка. Я пересек комнату и подошел к столику, за которым она сидела вместе со своей подругой. Поклонившись, я пригласил ее на танец. Мы станцевали несколько вальсов и фокстротов, прежде чем танцевальный вечер закончился. После танцев она согласилась, чтобы я проводил ее. Незнакомка жила в паре кварталов от отеля, в том же доме, где находился цветочный магазин, в котором она работала. Войдя в темный магазин, мы сели на скамеечку. В течение следующего часа мы придвигались друг к другу все ближе и ближе и перемежали разговор короткими поцелуями. Хотя ни один из нас не представлял себе этого, нашему неожиданному знакомству было суждено сыграть огромную роль и дать начало любви, прочность которой проверили тяжелые годы будущей войны.

Аннелиза Берндт был на год младше меня. У нее были каштановые волосы и карие глаза. Рост метр шестьдесят пять сантиметров. Ее приятная внешность идеально сочеталась с грациозной и прелестной осанкой и невинной простотой. Хотя Аннелиза казалась бойкой и открытой, на самом деле она отличалась спокойствием и уравновешенностью, на что я неизменно обращал внимание, оставаясь с ней наедине. Ее сдержанность и романтическая задумчивость очаровали меня. Мне было трудно представить другую такую же девушку ее возраста со столь же приятной наружностью и характером.

Аннелиза выросла в пригороде Гамбурга, Вандсбеке, в семье среднего достатка. Ее

отец владел четырьмя акрами земли, на которых располагались шесть-восемь теплиц, где он выращивал цветы и продавал их местным цветочным магазинам. Когда родители развелись, Аннелизе было восемь лет. Ее мать тяжело болела и не могла заботиться о своих двух дочерях. Позднее младшая дочь, Фридель, осталась с матерью, а Аннелиза — с отцом. Теперь теплицами и землей совместно владели обе сестры отца и муж одной из них.

К сожалению, эти родственники отвели Аннелизе роль нелюбимой падчерицы. Хотя ее отец был человеком добрым, сильной волей он не обладал и не мог добиться у остальных, чтобы к его дочери относились нормально. Несмотря на любовь отца, Аннелиза остро переживала, что лишена материнской ласки. Эта психологическая травма, произошедшая в детстве, негативно сказалась на ней и мучила ее уже во взрослой жизни.

Закончив десять классов, Аннелиза решила покинуть неласковый отцовский дом и в октябре 1937 года уехала из Гамбурга в Люнебург учиться на продавщицу цветочного магазина. Период ученичества должен был продлиться три года. Неудивительно, что ей было неприятно делиться воспоминаниями детства с посторонними людьми, и поэтому более полную картину о ее прошлом я получил не сразу, а постепенно.

Мои отношения с Аннелизой первоначально не носили серьезного характера, но мало-помалу я привык к общению с ней и, после того как мы лучше узнали друг друга, стал получать огромное удовольствие от наших разговоров. Встречаться нам удавалось лишь в конце дня, и мы раз в неделю ходили в кино или гуляли по окрестностям Люнебурга. Подходя к цветочному магазину, в котором она училась ремеслу продавщицы, я сообщал о своем появлении особым свистом. Услышав меня, она выходила из дома или выглядывала в окно. Хотя мне всегда катастрофически не хватало денег, я иногда все-таки ухитрялся пригласить ее в ресторан в главном парке пригорода Люнебурга.

Однажды во время продолжительной прогулки по парку мы с Аннелизой не на шутку перепугались, увидев моих люнебургских дядю и тетю Шторков, когда те появились на тропинке неподалеку от нас. Мы тут же юркнули в кусты. К счастью, нас не заметили. Сегодня подобное поведение может вызвать улыбку, однако в те дни прогулки незамужних молодых мужчины и женщины считались просто неприличными. Если бы мы попались на глаза моим родственникам, ситуация оказалась бы крайне щекотливой.

Аннелиза никогда не видела Шторков, я же иногда приходил к ним на обед. Когда в апреле 1939 года они усыновили моего десятилетнего брата Германа, я сначала одобрил этот поступок, посчитав его выгодным для всех. Мать неохотно пошла на это, в отличие от моего деда, который настаивал на усыновлении, полагая, что это немного ослабит наши вечные финансовые трудности и подарит сына его бездетной дочери.

Летом 1939 года мой оптимизм в отношении Мюнхенского договора, который я раньше считал серьезным достижением в европейской политике, пошел на убыль. Это началось после того, как международная обстановка снова накалилась. Несмотря на становившуюся все более ощутимой угрозу грядущей войны, я без особых колебаний решил пойти на службу в армию. Юноше, достигшему восемнадцатилетнего возраста, надлежало провести в рядах вермахта два года. Если бы служба не была обязательной, я, пожалуй, вряд ли сделал бы подобный шаг добровольно. Несмотря на мое давнее желание испытать себя в роли солдата, я не мечтал о карьере профессионального военного.

Вместо того чтобы дожидаться повестки, я решил добровольно прийти на призывной пункт и начать службу в январе 1940 года, когда закончу двухгодичные курсы учебы на электрика. Это позволит мне пройти два обязательных года военной службы до начала академических занятий.

В начале мая я на поезде приехал в армейский сборный пункт в соседний городок Винзен, чтобы сначала сдать документы, а саму службу начать в начале будущего года. Несмотря на то что мне нравилось читать о подвигах военных моряков в годы Первой мировой войны, на флот мне идти не хотелось. Я также не желал быть летчиком. Задолго до наступления призывного возраста я решил стать солдатом вермахта.

Поскольку я всегда проявлял огромный интерес к различным машинам и механизмам,

моей мечтой было попасть в моторизованные части. После короткого медицинского осмотра и заполнения необходимых бумаг какой-то офицер сообщил мне, что согласно моей просьбе в январе будущего года я начну учебную подготовку в танковой дивизии, дислоцирующейся в Берлине.

В то время все немецкие мужчины должны были отбыть шестимесячный срок обязательной национальной трудовой повинности до призыва в армию. Соответствующая структура оказывала помощь военным, однако молодым мужчинам чаще приходилось иметь дело с лопатами, чем с оружием. Таким образом, государство получало бесплатную рабочую силу и осуществляло подготовку молодежи к предстоящей воинской службе. Отбывать трудовую повинность мне не пришлось, потому что я вызвался служить в армии добровольно. Не исключено, что мне пошли навстречу из-за того, что война была уже не за горами.

Во время моего пребывания в Люнебурге я несколько раз приходил смотреть на парад местного кавалерийского полка. Летом на узких улицах города можно было увидеть процессию из 30–40 всадников на прекрасных конях, медленно движущуюся под аккомпанемент духового оркестра. Европа находилась на грани новой войны, которой было суждено продлиться целых шесть лет.

Глава 4

Боевая подготовка

Август 1939 года — май 1940 года

В конце лета 1939 года нацистский режим развернул масштабную пропагандистскую кампанию, потребовав у Польши так называемый Данцигский коридор, узкую полосу земли, которая соединила бы Восточную Пруссию и остальную Германию. Антипольские настроения значительно усилились, и в печати стали часто появляться обвинения в адрес поляков, которые жестоко преследовали немцев, проживавших в Польше.

23 августа 1939 года был заключен пакт о ненападении между Германией и Советским Союзом, подписание которого состоялось в Москве. Несмотря на острые идеологические разногласия нацистского и коммунистического режимов, этот дипломатический шаг должен был стать гарантией мира с Россией на тот случай, если между Германией и Польшей возникнет вооруженный конфликт. Поскольку мы понимали, что в подобной ситуации Франция и Великобритания вряд ли вступятся за Польшу, то расширение войны на землях Европы казалось нам маловероятным.

Когда 27 августа я вернулся в Хаген из Люнебурга, тетя Дора протянула мне только что полученную телеграмму. Это было армейское предписание, обязывавшее меня прибыть на следующий день в казармы Люнебурга на краткосрочные курсы военной подготовки. До этого я все еще продолжал верить в то, что до призыва у меня останется четыре месяца и я успею закончить учебу на электрика. Теперь стало ясно, что моим планам не суждено сбыться. Несмотря на легкое разочарование, я мгновенно испытал нетерпение, присущее любому молодому человеку, которого ожидает новое приключение. Испытывая подобное возбуждение, я не знал, что мне делать — навестить родителей или немедленно начать собирать вещи. Когда я позвонил по телефону родителям, то понял, что они огорчены. Особенно встревожилась мать. Она собиралась на днях навестить меня в Хагене, и теперь наша встреча не состоится.

Неожиданно скорый призыв в армию вызвал у меня противоречивые чувства. Я понял, что попасть в танковую часть, что находится в Берлине, мне не удастся. В повестке говорилось, что мне надлежит отправиться в только что созданную 58-ю пехотную дивизию.

Следуя тщательно разработанному плану военной экспансии, вермахт сформировал новые дивизии, используя в качестве ядра уже существующие регулярные дивизии. Существующие 20, 22 и 30-я пехотные дивизии, дислоцируемые в Северной Германии,

предоставили опытные унтер-офицерские кадры для подготовки новобранцев, только что зачисленных в полки 58-й пехотной дивизии. В эту дивизию было передано примерно двадцать процентов ветеранского ядра старослужащих.

В соответствии с вышеупомянутым планом вермахта большая часть дислоцировавшегося в Люнебурге 47-го пехотного полка и 22-й пехотной дивизии была направлена к границе с Францией на случай возможного военного конфликта на Западе. Для подготовки новобранцев, которым предстояло дополнить численность 58-й пехотной дивизии, осталось лишь ядро офицерского и унтер-офицерского состава. Ее ряды на время нашей боевой подготовки дополнили ветеранами Первой мировой войны, которые заменили тех солдат, что были отправлены для укрепления наших западных границ. По завершении учебки нам, молодым солдатам, предстояло заменить резервистов на фронте. В то время я еще верил в то, что мое предварительное знакомство с азами воинского мастерства продлится недолго.

Рано утром в понедельник, когда я прибыл на бывшую базу 47-го пехотного полка, располагавшуюся в западной части Люнебурга, мой пыл несколько охладел, хотя я и не разделял тревоги большинства остальных призывников. Про себя я подумал следующее: «Вот оно как. Я собираюсь стать солдатом и поэтому должен старательно учиться военным премудростям». С самого начала во мне проснулся соревновательный дух, подстегивавший желание стать образцовым солдатом моей воинской части. Я поставил себе цель — получить признание окружающих и занять место лидера.

После прибытия в казарму призывников отправили на склад, где каждому была выдана форма, каска и сапоги. В то время мужчины носили короткие стрижки, и поэтому головы никому брить не стали. После того как новобранцев научили правильно отдавать честь, всех распределили по учебным ротам.

Нас расселили по восемь человек в комнате. Мебели практически не было: лишь четыре двухэтажные койки и столик. Поскольку, как я уже говорил, мне приходилось раньше бывать в казармах, где я прокладывал электропроводку, мне были хорошо знакомы массивные четырехэтажные здания из кирпича и бетона, характерные для немецких воинских частей. Хотя там и имелись такие удобства, как туалет и душ, в остальном внутреннее убранство было чрезвычайно простым и аскетичным. Согласно строгим правилам внутреннего распорядка здания должны были содержаться в образцовой чистоте. Если дежурный из числа унтер-офицеров находил даже малейшее его нарушение, на виновных налагалось строгое дисциплинарное взыскание.

На следующее утро, в семь часов, мы отправились на открытое пространство в сосновый лес, тянувшийся позади казарм, где наши ротные наставники построили нас по росту. После этого все призывники предварительно заняли новое место в армейской иерархии: это были уже не призывники, а рядовые вермахта, точнее, будут ими после принятия присяги. Оставшуюся часть недели нас непрерывно учили строевой подготовке, в том числе и так называемому гусиному шагу. Так началось наше превращение из гражданских лиц в военнослужащих.

Проснувшись в пятницу утром 1 сентября 1939 года, мы услышали по радио о том, что Германия объявила войну Польше. Окружавшие меня молодые солдаты единодушно признали, что с началом войны наша служба явно затянется и мы не скоро вернемся в прежнюю гражданскую жизнь. Хотя ввиду нашей неопытности нас вряд ли тотчас же отправят на фронт, моя мать — как я узнал позднее — сразу поняла, что означает эта тревожная новость, и сказала моим родственникам: «Нашего Вилли скоро отправят на войну».

Лишь немногие немцы сомневались в уверениях правительства о том, что войну первыми начали поляки, напав на немецкую радиостанцию. Насколько мне известно, в те дни никто не смел усомниться в справедливости войны, даже в частных разговорах.

Подобно остальной массе моих соотечественников я верил в обоснованность политических позиций Германии, которая дала смелый отпор агрессивному соседу, исчерпав

все возможные дипломатические меры. По прошествии многих лет мне стало ясно, что Гитлер стремился к войне и просто воспользовался удобным поводом, чтобы добиться в конечном итоге своей цели. Для него вооруженный конфликт с поляками был всего лишь очередным шагом агрессивного плана завоевания Европы и всего остального мира и установления тотального господства Германии.

На следующий день после начала войны состоялась церемония принятия военной присяги. Нас выстроили на плацу позади казарм и заставили встать по стойке «смирно». Затем мы подняли правую руку и принесли клятву верности вермахту:

Перед богом приношу эту священную клятву Клянусь хранить беспрекословную верность Адольфу Гитлеру фюреру рейха и немецкого народа, верховному командующему вооруженных сил. Обязуюсь быть храбрым солдатом, готовым в любую минуту отдать свою жизнь во исполнение этой клятвы.

В следующие дни я с моими новыми товарищами пытался следить за ходом польской кампании. Мы регулярно обсуждали ее между собой. Хотя мы и ждали скорого окончания военных действий, многие из нас все-таки втайне надеялись в них поучаствовать. Возможно, это было наивно, но мы не рассчитывали принять участие в другом вооруженном конфликте, хотя в начале сентября Великобритания и Франция объявили войну Германии. Никто из офицеров не стал убеждать нас в обратном.

Учебная подготовка в Люнебурге

4 сентября 1939 года — 9 января 1940 года

После того как мы в первую же неделю научились ходить строем, наша рота приступила к полевой подготовке. Она проходила каждый день независимо от погоды и в равной степени давала нам физическую подготовку и формировала выносливость, а также учила обращаться с оружием и другим боевым снаряжением. Но самое главное состояло в том, что полевая подготовка учила нас беспрекословному повиновению приказам.

Мы вставали до рассвета, принимали душ и завтракали. Затем надевали на плечи десятикилограммовые рюкзаки, строились и отправлялись пешком на стрельбище в Вендиш-Эверне, находившееся в нескольких километрах от казарм.

В начале марш-броска дежурный офицер давал команду: «Песню запевай!» и уточнял название. С воодушевлением затянув какую-нибудь строевую песню, мы отправлялись в путь.

В первый же день полевой подготовки нас стали обучать передвижению по песчаной местности среди невысоких холмов и сосновых лесов. После знакомства с устройством винтовки «98 К Маузер», которая должна была стать нашим главным оружием, мы приступили к стрелковой подготовке. И днем, и в сумерках мы учились разбирать и чистить эту винтовку. Чистку необходимо было производить дважды в неделю во избежание осечки. Кроме обращения с маузеровской винтовкой, наши инструкторы преподали нам уроки обращения и с другими видами оружия. Все солдаты нашей учебной роты также получили краткие сведения, например, о 75-мм гаубице. Это позволило обрести общие навыки владения крупнокалиберным оружием на тот случай, если возникнет необходимость применить его в бою. Кроме того, нам кратко объяснили, как определять координаты вражеской цели и направлять огонь нашей тяжелой артиллерии. Мне это очень понравилось и впоследствии сильно пригодилось на войне.

Помимо строевой и полевой подготовки нас также научили жизненно важным навыкам выживания в бою. Нам объяснили, что умение быстро вырыть окоп и правильно занять в нем место будет часто спасать нам жизнь под огнем противника.

Хотя мы чаще всего возвращались со стрельбища до наступления темноты, нам порой приходилось заниматься боевой подготовкой и поздно вечером. Возвращаясь в казармы, мы

иногда получали приказ перейти на бег, и в таких, с позволения сказать, соревнованиях принимали участие около ста солдат моей учебной роты. Это не представляло для меня особой трудности, и я постоянно обгонял своих товарищей. Лейтенант, отвечавший за нашу подготовку, по-видимому, заметил мои старания и часто давал мне задание отвести его лошадь в конюшню, тогда как другим солдатам приходилось убирать казармы или выполнять какую-нибудь другую менее приятную работу.

В то время как часть солдат нашей роты стали специально обучать обращению с минометами и 75-мм короткоствольной гаубицей, меня сразу определили во взвод связи. Это было вполне естественно, поскольку я имел опыт работы электриком. Кроме того, учли мои физические данные — связист должен обладать выносливостью и быстро бегать, чтобы доставить донесение, если линии коммуникации окажутся повреждены или еще не проложены.

Первые две недели после моего зачисления во взвод связи мы проходили специализированную подготовку. Наши инструкторы учили нас работе с радиоприемниками, полевыми телефонами, телеграфным и прочим оборудованием и умению их ремонтировать. Однако большую часть времени мы прокладывали линии связи. На поле боя они используются для корректировки артиллерийского огня с помощью передовых артиллерийских наблюдателей.

В ту осень наш взвод по утрам тренировался в прокладывании линий связи на всем расстоянии от казарм до полигона. Каждый из нас тащил на спине большую катушку с проводом. Когда он заканчивался, к нему наращивали новый, и так далее. Провода устанавливали на шестах или закрепляли на ветвях деревьев, где они были менее уязвимы при артиллерийском обстреле в боевой обстановке.

Поскольку дом моих дедушки и бабушки располагался в Вендиш-Эверне неподалеку от нашего тренировочного лагеря, я иногда заходил к ним на обратном пути в Люнебург, в казармы. Несмотря на риск дисциплинарного взыскания, слишком велик был соблазн выпить чашку кофе в доме моих дорогих родственников.

Один или два раза в неделю после возвращения с полигона лейтенант, отвечавший за нашу боевую подготовку, объявлял: «Сейчас пять часов. Через пятнадцать минут вы оказываетесь за пределами нашего формирования в чистой форме». Переодевшись в чистую форму, мы устало направлялись на учебный плац, располагавшийся в сосновом лесу позади казарм.

В целом мои усилия показать себя с лучшей стороны и получить высокие оценки по боевой подготовке оказались успешными, однако мне тяжело давалось лазание по деревьям.

Даже после того как наш унтер рявкнул на нас: «Быстро на дерево!», я быстро забирался лишь на высоту трех метров. Даже если мне и удавалось вскарабкаться выше, лезть дальше я не мог. На мое везение, я преуспевал в другом — умел хорошо окапываться или ползать, прижимаясь к земле под колючей проволокой.

Как только началась наша учеба, я познакомился с двумя призывниками, Вилли Шютте и Вилли Зауке, которые и в будущем остались моими лучшими товарищами. Особенно я сблизился с Вилли Шютте, с которым часто играл в карты, когда выпадала свободная минута. Это был прекрасный парень из небольшого городка Блекеде. Хотя рост его был невелик, всего метр семьдесят, он отличался крепким телосложением и большой силой. Он обладал спокойным характером, но подобно мне всегда был готов устроить какой-нибудь розыгрыш. В конечном итоге его назначили в один из артиллерийских расчетов нашей части. Питались мы в столовой. Еда была сытная, но мы никогда точно не знали, что едим или пьем. По утрам солдат каждого из взводов отправлялся в столовую за большим бачком кофе. Если кто-то из новобранцев допускал провинность, то взводный командир заставлял его носить кофе всю неделю.

Один из солдат нашего взвода как-то раз был вынужден две недели подряд выполнять эту малоприятную обязанность. Когда ему сказали, что наказание отменяется, он с довольным видом ответил: «Отлично, теперь мне больше не придется мочиться в бачок с

кофе». Несмотря на то что в других взводах эту шутку сочли забавной, солдаты моего взвода еще долго обсуждали, что же такое они пили эти две недели.

В другом случае один обер-лейтенант нашего полка привел в казарму лошадь, поднявшись с ней вверх по лестнице. Скорее всего, он был при этом изрядно пьян и, я нисколько в этом не сомневаюсь, пожелал продемонстрировать нам свое прусское аристократическое происхождение. Позднее мы столкнулись с другим типом прусского офицера в лице первого командира нашей роты.

Поскольку мы были новобранцами, нам разрешалось всего пару часов провести в увольнительной в воскресенье вечером. Иногда я навещал дядю и тетю Шторков и моего брата Германа, и мы ужинали вместе. Однако большую часть свободного времени я проводил в обществе Аннелизы. Еще до начала войны мы иногда ходили на танцы или в кино. Чаще всего мы просто гуляли или сидели на скамейке в парке и болтали. К тому времени мы уже всюду целовались, но Аннелиза всегда боялась, что в эти минуты нас могут увидеть посторонние.

Однажды, провожая ее домой, я настолько увлекся разговором, что потерял счет времени. Далекий звук горна напомнил мне, что остаются считанные минуты до вечерней десятичасовой переключки. Быстро поцеловав Аннелизу, я как безумный помчался со всех ног в казарму. Наверное, я никогда в жизни не бегал так быстро. Запыхавшись и смертельно устав, я прибежал на построение вовремя.

В другом случае, получив увольнительную, я находился у себя дома в Пюнгене и опоздал на поезд, на котором намеревался вернуться из Зальцведеля в Люнебург. Не видя иного выхода, я поймал такси, чтобы добраться на нем в казарму до десяти вечера. Поездка, длившаяся около часа, обошлась мне в кругленькую сумму, однако я успел вовремя и благополучно избежал наказания.

Офицеры и унтер-офицеры во время учебного курса новобранцев установили очень жесткий режим, но я не переживал по этому поводу, потому что мне нравилась строгая дисциплина, дух товарищества, приключения и аскетический казарменный быт. В конце учебного курса, в январе 1940 года, мое чувство удовлетворения и гордости было очень велико, особенно если учесть тот факт, что я получил признание как отличник боевой подготовки.

Планирование сражений

9 января 1940 года — 9 мая 1940 года

Сразу по окончании подготовки в тренировочном лагере нас перевезли на запад, в Дельменхорст, находившийся на расстоянии 150 километров от Люнебурга, на базу 154-го пехотного полка и 58-й пехотной дивизии. По прибытии мы сразу же влились в состав 154-го пехотного полка, который только что завершил боевую учебную подготовку под руководством опытных унтер-офицерских кадров из 22-й пехотной дивизии.

Поскольку в разных армиях мира существует разная структура подразделений, возможно, будет целесообразно вспомнить о численности личного состава и структуре вермахта образца 1940 года. Отделение — самое мелкое воинское формирование — состояло из 10 солдат. Взвод состоял из четырех отделений. В пехотной роте насчитывалось примерно 180 человек, однако отдельные роты имели большее количество солдат. Четыре роты образовывали батальон. В каждом полку насчитывалось три батальона и две специализированные роты.

Пехотная дивизия состояла из трех пехотных полков, артиллерийского полка, противотанкового дивизиона, разведывательного батальона, штаба и частей поддержки, общей численностью 17 тысяч человек. Выше дивизионного уровня находились корпус, армия и группы армий, сильно разнившиеся по численности и структуре.

После того как 5 февраля в Дельменхорсте завершилось формирование нового 154-го

пехотного полка, мы отправились на юг, преодолев расстояние в 400 километров, и оказались в тренировочном лагере в Ордруфе в гористом, поросшем лесами районе Тюрингии. По прибытии туда наш полк слили с только что прошедшими боевую подготовку солдатами 209-го и 220-го пехотных полков и артиллерийским полком и образовали 58-ю пехотную дивизию.

Через две недели наши полки разделили на роты. Получив назначение во взвод связи 13-й стрелковой роты 154-го пехотного полка, я вошел в состав самой многочисленной из 14 рот полка, насчитывавшей 300 человек. В нашем взводе связи было 25 солдат, которые все до единого прошли обучение в тренировочном лагере в Люнебурге. Если не считать тех солдат нашего взвода, которые непосредственно занимались перевозкой оборудования и уходом за лошадьми, нас было 15 человек, в чью задачу входило прокладывание линий связи и при необходимости выполнение роли вестовых.

Две короткоствольные 150-мм гаубицы и шесть короткоствольных 75-мм гаубиц 13-й роты должны были устанавливаться на расстоянии километра от линии фронта и при боевых действиях поддерживать пехотный полк легким артиллерийским огнем. В отличие от нас артиллерийский полк дивизии имел дальнобойные орудия, которые размещались в нескольких километрах за линией фронта и вели обстрел тылов противника.

Тогда как 13-я рота была вооружена гаубицами, а 14-я имела противотанковые орудия, остальные двенадцать рот, образовывавшие три батальона нашего полка, были регулярными пехотными частями со стрелковым оружием, пулеметами и мелкокалиберными минометами. В то время как двенадцать регулярных пехотных рот главным образом подчинялись командирам своего батальона, 13-я и 14-я роты действовали независимо и подчинялись напрямую командиру полка по причине своего специфического назначения.

Когда были сформированы наш и новые полки, вермахт демобилизовал ветеранов Первой мировой войны, призванных в качестве пополнения в ряды 58-й пехотной дивизии, которая находилась на французской границе во время нашей учебной подготовки. Демобилизация ветеранов также высвободила руководящий кадровый состав из старой регулярной армии, часть которого попала в нашу роту, хотя в целом их число не превышало двадцать процентов.

Вскоре после того как в Ордруфе окончательно была сформирована наша рота, нам представили начальство — офицера по имени Роберт Рейнке, а также командиров взводов. Рейнке был ветераном войны, ему уже пошел шестой десяток. В самом начале своей службы в кавалерии он получил звание риттмейстера, или капитана. Он был опытным наездником и даже возглавлял немецкую команду по конному поло на Берлинских Олимпийских играх 1936 года.

Он занимался коммерцией в Гамбурге, когда его как опытного военного повторно призвали на службу. Подобно другим представителям прусской офицерской касты, он держал дистанцию в отношениях с подчиненными, однако само его присутствие лишь усиливало уважение к нему. Наше доверие к его командирским способностям впоследствии вполне оправдалось.

Под началом Рейнке находились два обер-лейтенанта, однако в равной степени значительную роль в руководстве ротой играли унтер-офицеры. Важной персоной среди них был гауптфельдфебель Юхтер, служивший квартирмейстером и отвечавший за поставки продовольствия и боеприпасов. Он прекрасно разбирался в своем деле. Его искренне уважали и за глаза называли «матушкой нашей роты» или «добрым ангелом».

В Ордруфе командиром нашего взвода связи стал обер-фельдфебель Элерт, пришедший в нашу часть вместе с унтер-офицерами, ранее служившими на французской границе. Он был добродушен, образован и молод, лет двадцати пяти. В течение следующих трех с половиной лет Элерт был моим непосредственным начальником. Он всегда держал с нами ровную дистанцию и отличался замкнутым характером, однако был хорошим солдатом, достойным своего унтер-офицерского звания, и прекрасным образцом для подражания.

Сразу по прибытии в Ордруф мы получили приказ скрывать наше истинное

местоположение в письмах родителям или знакомым девушкам. Такие меры предосторожности казались мне излишне секретными, и я иногда прилагал к письму фотографию, на которой «случайно» была какая-нибудь табличка с названием соседнего с нашей частью города или деревни.

Помимо переписки с родителями, я также обменивался письмами с Аннелизой, хотя наши отношения еще не приняли достаточно серьезного характера. Она ни разу не высказала особой тревоги о моей солдатской судьбе в свете грядущей войны, хотя и я сам не часто задумывался о том, что может произойти со мной в бою. С пылом и легкомыслием, свойственным молодости, я чувствовал себя неуязвимым, а возможную войну рассматривал как увлекательное приключение. Если бы мы были опытнее и старше, то мы бы в большей степени опасались военных действий.

Во время боевой подготовки в Люнебурге мы усовершенствовали главные солдатские навыки и умения и получили специальные знания, например о средствах связи. В Ордруфе нам стали преподавать дальнейшие военные премудрости, имеющие целью сражаться с противником в бою и побеждать его. Офицеры настойчиво учили нас основам наступательной и оборонительной тактики пехоты. Начав с действий минометной роты, мы приступили к усвоению правил боевых действий в составе более крупных формирований. В конце концов в полевых учениях приняла участие вся наша дивизия. Несмотря на холодную и снежную зиму Тюрингии, мы практиковались постоянно и вскоре приступили к имитированию полномасштабных боев. Офицеры пытались создать условия, максимально близкие к реальной войне. Помимо маневров, дивизия занималась и другими аспектами боевой подготовки, в том числе и стрелковой.

Зная, что нас готовят к войне, мы не испытывали недостатка в мотивации для достижения высоких результатов солдатского мастерства, учась с утра и до позднего вечера. На все остальное времени у нас практически не оставалось — только боевая подготовка да сон в домиках или палатках. Иногда нас даже ночью поднимали по тревоге.

В зимнюю стужу никому из нас не хотелось отправляться в караул. Тем не менее считалось большой честью попасть в караул в День памяти героев, посвященный миллионам немецких солдат, погибших в годы Первой мировой войны.

В 1940 году этот день выпал на 10 марта, на очень холодное воскресенье. Мне пришлось на 45 минут занять пост возле памятника героям войны в Ордруфе. Подошедшие к нему местные мальчишки изо всех сил пытались рассмешить меня. Оказалось, что не так уж сложно заставить себя не обращать на них внимания, но почти невозможно было удержаться от дрожи, охватившей мое тело из-за невыносимого, как мне тогда казалось, холода. Лишь позднее я узнал, что такое настоящий мороз.

Четыре дня спустя дивизия села в поезд и, преодолев расстояние в 450 километров, прибыла в город Трир, расположенный на излучине реки Саар неподалеку от города Оршольца. Затем в качестве части XXIII корпуса 16-й армии группы армий «А» мы передислоцировались на позиции напротив северного угла французской оборонительной линии Мажино, протянувшейся вдоль франко-германской границы.

В то время как наша пехотная рота заняла бункеры Западной стены, немецкой линии обороны, другие войска расселили в соседних деревнях или в палатках. Вскоре мы получили повышение в званиях, это делалось на основании наших успехов в тренировочных лагерях Люнебурга и Ордруфа.

Получив звание ефрейтора, я испытал чувство законной гордости и воспринял это как заслуженную награду за мои старания.

Хотя на фронте редко обсуждались военно-политические вопросы, я знал, что большинство немцев понимало необходимость и справедливость нашей борьбы с Францией и Англией, которые объявили войну Германии, вступившись за Польшу. Нам тогда казалось, что эти страны пытаются отстоять условия позорного для немцев Версальского договора и не желают нового политического устройства Европы, которое мы пытались отстоять силой оружия. На нашем участке фронта уже произошли случайные перестрелки с французскими

войсками, а также отдельные воздушные бои между самолетами люфтваффе и французских ВВС. Мы были уверены, что если нам будет отдан приказ начать полномасштабную войну, то мы выполним его быстро, действенно и решительно. По нашим предположениям, в отличие от долгой позиционной войны прошлого, новая военная кампания на западе будет быстрой, такой, как та, что совсем недавно имела место в Польше.

По мере того как погода той весной становилась теплее, настроение наших войск наполнялось тревожным ожиданием. Хотя в наших настроениях преобладала любовь к родине и гордость за свою роту, полк и дивизию, мы очень быстро поняли, что самое главное в бою — подчинение приказам и осторожность за свою жизнь и жизнь товарищей.

Глава 5 **Война на Западе**

Май 1940 года — апрель 1941 года

Мы начали войну в качестве зрителей ранним ясным днем 10 мая 1940 года. В небе у нас над головой немецкие летчики вступили в бой с английской и французской авиацией. Мы с восхищением наблюдали за этим поединком. Нам хорошо был слышен рокот пулеметов крылатых машин, вступивших в схватку за господство в воздухе.

Когда вниз устремился объятый огнем самолет мы восторженно захлопали победителю, подбившему его. Мы как будто стали свидетелями какого-то спортивного поединка, правда, точно не зная, кому принадлежит горящий самолет — нам или противнику. За очень короткое время было сбито пять или шесть самолетов, причем некоторые из них на незначительном расстоянии от нас, примерно в пяти-шести километрах. Известие о том, что сбит, по крайней мере, один немецкий самолет, охладило наш бессмысленный восторг.

После передислокации на французскую границу несколько подразделений 58-й дивизии были отправлены на другой берег реки Мозель, южнее Люксембурга. Последующее наступление на оборонительные укрепления линии Мажино, возможно, имело важную стратегическую цель, однако ее удалось добиться ценой тяжелых потерь с нашей стороны. 18 мая нашу дивизию заменила другая военная часть, и нас отвели обратно в тыл.

Эта военная операция существенно отличалась от тех боевых действий, которые мы отрабатывали во время маневров. Во Франции мы следовали приказам, выполняя их так, как нас учили. Если нам приказывали занять некую позицию в назначенное время, мы атаковали ее в лоб и несли при этом тяжелые потери.

Позднее в годы войны наши офицеры, как правило, не осуществляли боевых операций, не определив предварительно эффективную тактику, чтобы по возможности снизить потери пехоты. Такой подход частично практиковался и во Франции, однако в основном преобладал прусский стиль военного руководства, заключавшийся в одном слове — «Выполнять!». Через два дня после возвращения в Оршольц наша дивизия пересекла территорию Люксембурга длинной колонной людей, лошадей и машин. Главным транспортным средством нашей роты были пароконные фургоны для припасов. На них перевозились наши вещи вроде обмундирования и продуктов, что позволяло нам передвигаться пешком налегке с одной лишь винтовкой и боеприпасами. Несмотря на то что нам не нужно было нести рюкзак, флягу с водой, противогаз и прочее снаряжение, долгие пешие переходы были очень утомительными. Чтобы поберечь ноги, большинство из нас старалось занять место в фургоне или на соединенных вместе двух телегах-двуколках. На одной находились боеприпасы и артиллерийский расчет, вторая тащила гаубицу. Если для перевозки 75-мм гаубицы требовалось четыре лошади, то для более тяжелой, 150-мм гаубицы — уже шесть.

Как то было положено любому командиру роты, риттмейстер Рейнке ездил на лошади, для которой выделялся солдат-конюх, однако таким солдатам чаще всего

приходилось ухаживать еще за четырьмя-пятью лошадьми.

Чтобы получить необходимое количество тягловой силы в период, предшествовавший началу войны, вермахт по всей Германии реквизирует лошадей у крестьян, которые при этом лишались порой половины поголовья. Ввиду того что подобные реквизиции считались лишь временной мерой на период кратковременного — так представлялось руководству вермахта — военного конфликта, крестьяне не получали никакой компенсации. Поэтому не стоит удивляться, что вскоре вермахт прекратил столь непопулярные меры, как только получил в свое распоряжение лошадей на оккупированных территориях.

Наш марш-бросок через аккуратные и живописные городки и деревни Люксембурга вскоре привел нас в южную Бельгию, что позволило нам обойти линию Мажино с севера. Несмотря на следы транспорта на дорогах, мы не знали, что всего за несколько дней до нас танковые дивизии вермахта прорвали французскую линию обороны именно в этих местах.

Теперь эти танковые части находились далеко на западе, двигаясь к Ла-Маншу и смяв оборону англо-французских войск. В стратегическом отношении Французская кампания была уже выиграна вермахтом, однако нам предстоял еще целый месяц боевых действий.

23 мая, преодолев за пять дней 130-километровое расстояние, 209-й и 220-й полки нашей дивизии вошли на территорию Франции и заняли позиции на линии фронта примерно в пятнадцати километрах юго-восточнее города Седана. Заменив другие немецкие части, эти полки заняли участок протяженностью шесть километров между французскими городами Кариньян и Музон. Между тем 154-й полк временно находился в резерве на северном берегу реки Маас в бельгийском городе Арлоне, дожидаясь прибытия новых немецких частей.

После того как наш полк оказался на фронте, я на личном опыте познал горечь первого сражения. Когда нашу дивизию бросили в бой, мы столкнулись с яростным сопротивлением франко-алжирской дивизии, переброшенной в Европу из Северной Африки. Во время боя, оказавшегося для 58-го полка самым трудным за всю Французскую кампанию, алжирцы обстреливали нас из потайных мест, с верхушек деревьев. Для продвижения вперед нашим пехотинцам приходилось задействовать своих снайперов или поливать деревья пулеметным огнем. В отдельных случаях мы даже были вынуждены использовать огнеметы.

В ходе таких боев линия фронта постоянно менялась, и в такой обстановке наша рота не могла обеспечивать гаубицами огневую поддержку других подразделений. Вместо них нам приходилось рассчитывать на дальнобойную артиллерию дивизии, огнем которой удавалось помешать подкреплениям противника выйти к линии фронта.

25 мая наш полк прошел 70 километров, выдвинувшись из Арлона к новой линии фронта близ французского города Бомон-ан-Аргонн. В тот день я получил приказ оберфельдфебеля ЭлERTA доставить донесение в одну из наших частей, находившуюся на линии фронта. Моей целью была небольшая деревушка Пуилли-сюр-Мез, располагавшаяся в долине реки Маас примерно в трех милях от Бомон-ан-Аргонна.

Я без малейшего колебания или сомнения принял этот приказ — приказам следует подчиняться беспрекословно. Будучи более горячим и энергичным, чем остальные солдаты моего взвода, я непременно хотел доказать себе, что не боюсь опасностей боя. Моя наивность в ту пору оправдывалась тем, что я просто не знал, что меня может ожидать.

Дорога к деревне пролегла по спуску с холма и была лишена каких-либо укрытий в виде деревьев. Для неприятельских наблюдателей и артиллеристов я был открыт и виден как на ладони. Спускаясь вниз по склону, я никого не видел впереди. Заметив меня, французские артиллеристы тут же открыли огонь. Услышав свист летящего в мою сторону снаряда, я мгновенно бросился в придорожный кювет, прежде чем он разорвался в 100 метрах впереди меня.

Позднее я научился по звуку летящего снаряда определять место его взрыва. Находясь в России, я обычно повторял: «Еще сто метров — и пусть стреляют». Впервые оказавшись под артиллерийским огнем противника, я в этом еще совсем не разбирался. Снаряды продолжали падать справа и слева от меня на расстоянии примерно 50 метров.

Каждый раз, услышав, что произведен очередной выстрел, я снова бросался в кювет. Через минуту я вскакивал на ноги, и, согнувшись, бежал дальше, тревожно ожидая нового выстрела. Повторив этот прием с десятков раз, я примерно за полтора часа преодолел лишь полтора километра пути.

На закате я, наконец, прибыл на наши передовые позиции в Пуилли-сюр-Мез и доставил донесение названному мне офицеру. Деревушка находилась под прикрытием холма, и в ней можно было не так сильно опасаться французской артиллерии, которая продолжала вести заградительный огонь со скоростью пять-шесть снарядов в минуту.

В ту ночь я устроился в винном погребе одного из домов, сложенных из дикого камня, куда набились 20 или 30 немецких солдат. От залпов, которые обрушивала на Пуилли французская артиллерия, постоянно вздрагивала земля. Мы находились в непроглядной тьме, и на головы нам постоянно сыпалась пыль. Если бы снаряд угодил в наш дом, то последствия могли бы быть самыми катастрофическими.

Ранним утром обстрел прекратился, и я покинул изуродованную снарядами деревушку прежним путем еще до того, как начало светать. Я спокойно поднялся вверх по холму и направился в расположение моей части, в Бомон-ан-Аргонн.

Наткнувшись на неразорвавшийся 75-мм снаряд, которым французы пытались попасть в меня, я решил сохранить его в качестве сувенира на память о своем первом крещении огнем и, взяв его под мышку, понес с собой.

За выполнение этого, а также ряда других заданий 10 декабря 1941 года я был награжден Железным крестом 2-го класса. Тем не менее я в то время чувствовал, что достиг много большего. Если бой делает из юноши мужчину всего за один день, то мой поход под огнем в Пуилли-сюр-Мез и ночь в винном погребе можно считать моим ускоренным взрослением, несмотря на то что это была лишь прелюдия к тому, что мне довелось испытать впоследствии.

На следующий день, 27 мая, 209-й и 220-й полки попытались захватить деревню Инор, расположенную примерно в миле от Пуилли-сюр-Мез. На третий день боев за Инор 71-я пехотная дивизия пришла на помощь нашей сильно потрепанной части на восточном участке фронта, занимаемом 58-й дивизией.

В конце мая — начале июня, после эвакуации французов и англичан из Дюнкерка в Англию, вся немецкая армия была нацелена на юг для наступления на остатки французских войск.

5 июня Германия развернула наступление, начав так называемую «Битву за Францию». Через четыре дня 154-й полк предпринял атаку, имевшую целью захват леса Буа де ля Ваш, граничившего с главной дорогой на юго-восток, расположенной в паре километров от Бомон-ан-Аргонна.

Когда мы начали наступление на юг, нас снова стала обстреливать французская артиллерия, на этот раз применив снаряды с газом. Поскольку нас готовили к таким непредвиденным случайностям, мы быстро надели противогазы. К нашему удивлению, снаряды не разорвались, и когда мы внимательно осмотрели их, то выяснилось, что они были произведены компанией «Крупп» и в 1918 году отправлены во Францию в счет репараций.

Наше наступление на Буа де ля Ваш снова встретило яростное сопротивление североафриканских дивизий французов и было сломлено. Понеся тяжелые потери, мы были вынуждены отступить. Однако последующий перелом в «Битве за Францию» заставил самих французов начать отступление на юг.

11 июня мы смогли продолжить наступление.

Военная кампания во Франции

11–25 июня 1940 года

В дальнейшем боевые действия во Франции разворачивались более активно. По

дорогам тянулись бесконечные колонны наших пехотинцев и конных подвод. Мы следовали по пятам стремительно отступавших французов. Во время наступления на юг наши пехотные части всего три или четыре раза перестраивались в боевые порядки.

Бои, в которые нам приходилось ввязываться, были, как правило, короткими перестрелками, длившимися не более часа. Они начинались с заградительного огня французской артиллерии, вынуждавшего нашу пехоту рассредоточиваться и искать укрытия. Если наши пехотинцы натыкались на мощные оборонительные сооружения французской армии, то полк просил огневую поддержку у нашей минометной роты.

В таких случаях 13-я рота размещала гаубицы и боеприпасы как можно ближе к фронту, чтобы не попасть под обстрел врага, примерно в полукilометре от первой линии. В большинстве случаев нашим 75-мм гаубицам удавалось решать любые возникавшие проблемы, и 150-мм орудия в бой не вводились.

Если требовалось вмешательство нашей дальнебойной артиллерии, то мы даже не открывали ящики с боеприпасами. Лошади с возками, на которых были установлены гаубицы, отправлялись в обоз, но держались в полной готовности, чтобы, если возникнет необходимость, можно было быстро вернуть их на линию фронта.

За редким исключением мой взвод связи регулярно размещал телефонные линии между передним обозревателем на передовой и позициями роты и штабами роты и полка, находившимися в тылу. Нам также приходилось обеспечивать целостность этих линий, легко уязвимых при обстреле противника.

Извещенные начальством о том, что колодцы могут быть отравлены, мы старались не пить местную воду. Чтобы утолить жажду, мы стали искать вино в погребах домов. После недолгих поисков несколько солдат из моего взвода связи «освободили» деревянный бочонок с вином и вытащили его наружу. Водрузив его на передок повозки, кто-то спросил: «А как же открыть эту чертову штуку?»

Ответ нашел другой солдат, который вытащил «люгер» и выстрелил в бочонок. Из пробитого отверстия прямо на землю полилась струйка красного вина, и мы тут же, не переставая идти, начали подставлять под нее рот, чтобы напиться.

Придя к церкви небольшого городка, я услышал о том, что на ее крыше сидели два французских снайпера, пару часов назад подстрелившие нескольких немцев. Поймав двух французских солдат, мы собрались отомстить им за смерть наших товарищей. В качестве наказания один офицер нашего полка приказал снайперам несколько часов стоять на коленях на бетонных ступеньках перед церковным алтарем. После этого их отправили в лагерь для военнопленных.

16 июня мы вошли в Дюн-сюр-Мез, расположенный примерно в 25 километрах от Бомон-ан-Аргона. На следующий день, в день моего двадцатилетия, 58-я пехотная дивизия достигла Вердена, пройдя еще 30 километров на юг. На высоком холме располагалось большое кладбище, где покоились те, кто погиб во время кровопролитного сражения французских и немецких войск. Оно напомнило нам о той ужасной цене, которую наши отцы заплатили за Первую мировую войну. Какими бы ни были исторические параллели, но наше наступление во Франции в эту войну после всего одного месяца боев оказалось относительно легким.

На следующий день мы совершили 30-километровый марш-бросок и, не встретив сопротивления, вошли в Сен-Миля. Город сдался нам достаточно легко, несмотря на огромное количество гражданских лиц, французов, заполонивших все ведущие на юг дороги и надеявшихся спастись бегством.

Оттесненные на обочину, чтобы дать нам дорогу, повсюду толпились беженцы, главным образом женщины и дети с ручными тележками, набитыми домашним скарбом. Потерянные мрачные лица и безнадежные взгляды свидетельствовали о том, что их дух сломлен. Это было душераздирающее зрелище, на которое невозможно было смотреть без жалости.

После Сен-Миля мы добрались до Тюля, преодолев за один день 50 километров. С

господствующей высоты открывался хороший вид на город, где располагался французский гарнизон. Скоро подтянулись наши 75-мм и 150-мм гаубицы и вместе с другими артиллерийскими частями дивизии открыли огонь по оборонительным укреплениям французов.

В данных обстоятельствах задача наших минометов и крупнокалиберных орудий заключалась в том, чтобы сломить дальнейшее сопротивление противника и заставить его отступить. Если пехоте под нашим артиллерийским прикрытием удастся продвинуться вперед, то полностью уничтожить цель не имело смысла. После двадцатиминутного заградительного огня наши войска захватили боевые укрепления французов, которые частично отступили, частично сдались в плен.

Заняв Тюль, мы приостановили движение вперед. 22 июня до нас дошли слухи о том, что французское правительство, поняв тщетность дальнейшего сопротивления, согласилось подписать перемирие, вступающее в действие с 25 июня. Несмотря на то что мы всего за шесть недель сделали то, чего наши отцы не смогли добиться за четыре года, радость победы немного горчила. Если это настоящая война, то она была легче, чем мы предполагали.

После недолгого пребывания на окраине Тюля мы двинулись дальше и вскоре оказались в соседней Шампани. Здесь мы поспешили воспользоваться несколькими днями передышки. Поскольку хозяева брошенных домов, в которых мы остановились на постой, набили свои погреба парой сотен бутылок местного сухого искристого вина, мы, естественно, выпили его столько, сколько смогли. Шампанского обнаружилось так много, что мы не только использовали его для чистки зубов, но и мыли им пол в комнатах.

Тем временем в Германии Гитлер и его режим обрели еще большую популярность, чем прежде. В отличие от большинства немцев, которые считали, что успехи Французской кампании вызваны высоким уровнем подготовки офицеров и солдат вермахта, я полагал, что они обязаны просчетам военного командования французов и недостатку мужества их солдат.

Национальные стереотипы рисуют французов изнеженными жизнелюбами, готовыми за комфорт отдать все на свете, а немцев педантами, послушными исполнителями приказов и прирожденными вояками. Французские солдаты казались мне тогда слабавольными людьми с низким моральным духом, заботящимися лишь о спасении собственной шкуры.

В отличие от них немецкие солдаты, окружавшие меня, были целеустремленными и решительными патриотами, настроенными любой ценой выполнить воинский долг.

В бою ментальность французского солдата была такой: «Дела плохи, нужно скорее сматываться отсюда!» В подобной ситуации немецкий солдат думает по-другому: «Нужно разбить этих сукиных детей во что бы то ни стало!»

Несмотря на мужество немцев, 58-я пехотная дивизия понесла тяжелые потери. Погибло 23 офицера, 120 унтер-офицеров и 533 других военнослужащих, большая часть которых была приписана к пехотным ротам, которые всегда принимали на себя главный удар атаки. Выполнив задание, возложенное на нас командованием, мы сейчас мечтали об одном — поскорее вернуться домой.

Став свидетелями нашей победы над Францией, основная масса немцев была уверена в том, что Великобритании скоро придется сесть с Германией за стол переговоров. Однако мы, солдаты, прекрасно знали, что пока англичане все еще противостоят нам, война не закончена. Некоторые из нас считали, что необходимо осуществить высадку на Британских островах, однако никто не мог предполагать, что через год мы будем воевать в России.

Оккупационная служба в Бельгии

4 июля 1940 года — 24 апреля 1941 года

В начале июля мы покинули Шампань и отправились на оккупационную службу в Бельгию. В одном месте на нашем пути встретились оборонительные сооружения линии Мажино, теперь показавшиеся нам символом тех бед, что случились с Францией.

Преодолев 300 километров за десять дней, 58-я дивизия, наконец, прибыла в город Тонгерен, располагавшийся во фламандской части Бельгии, в 25 километрах к северу от Льежа. Наше пребывание в Тонгерене оказалось краткосрочным. В последних числах июля нас перебросили в город Вервье, что во франкоговорящей части Бельгии.

В Вервье наш полк разместили в комнатах, а также в отдельных домах, реквизированных нашей армией в маленькой деревушке на южной окраине города. Мы спали по трое-четверо в комнате. Я немного говорил по-французски, и поэтому меня часто использовали в качестве переводчика при общении с местным населением, когда возникали какие-нибудь проблемы. К счастью, они в основном носили крайне несущественный характер.

Наша служба была не слишком обременительной, и поэтому ротный командир вскоре стал отправлять нас в отпуск. Его выбор основывался главным образом на советах гауптфельдфебеля Юхтера, который вел учет нашим увольнительным. В среднем отпуск длительностью три недели предоставлялся один раз в год.

Получив 10 августа отпуск, я сел в Вервье на поезд и поехал домой. При этом я не забыл захватить с собой тот самый снаряд, который решил сохранить на память о моем крещении огнем. Когда я прибыл в Пюгген, моя семья встретила меня как настоящего героя. Чувствуя себя на отдыхе, а не в солдатском отпуске, я довольно легко втянулся в привычную жизнь на ферме. После моего непродолжительного опыта боевых действий во Франции я чувствовал себя взрослым мужчиной, хотя на самом деле я относительно мало изменился. В середине отпуска я совершил поездку в Гамбург, чтобы провести несколько дней в обществе Аннелизы. После разлуки, продлившейся полтора года, мы решили отложить знакомство с ее семьей и вместо этого побыть вдвоем и погулять по городу.

После того как 30 августа я вернулся из Пюггена обратно в Вервье, мне снова пришлось погрузиться в размеренную рутину оккупационной службы. Каждый день мы четыре часа занимались боевой подготовкой, имевшей целью совершенствование наших солдатских навыков и умений. Учебный лагерь неплохо подготовил нас к тяготам боевых действий, и поэтому мы не хотели расслабляться и терять былой сноровки. В нашем полку пару раз прошли спортивные соревнования среди солдат. В забеге на дистанцию 400 метров я показал хорошие результаты, но для победы над моими товарищами мне не хватило какой-то доли секунды.

В выходные дни нам часто предоставлялась возможность отправиться в увольнительную. Мы садились в трамвай и за 15–20 минут доезжали из деревни, в которой размещались, до города. Увольнительная продолжалась с полудня до девяти вечера. Иногда мы сталкивались с проявлениями враждебности со стороны местного населения, однако гражданские в основном вели себя вполне корректно или, по крайней мере, относились к нам безразлично. Мы без особых проблем прогуливались по улицам и делали покупки.

Это может показаться удивительным, но некоторые местные девушки охотно знакомились с немецкими солдатами и бесстыдно заигрывали с ними. Они были не прочь выпить вместе с нами спиртного и кофе в уличных кафе и ресторанах. Хотя немецкие солдаты чаще всего довольствовались невинным флиртом с молодыми бельгийскими женщинами, кое-кто из нас сумел установить и более интимные отношения с ними.

Во время пребывания в Вервье мы получили черно-бело-красные шнурки, которые полагалось носить на левом плече, — отличительный знак 58-й пехотной дивизии. Подобно большинству других дивизий наша 58-я набиралась и пополнялась из какой-нибудь одной части страны, в нашем случае — из северной Германии и Нижней Саксонии. В память о том, какую важность имело для традиций и экономики нашего региона коневодство, знаки различия 58-й дивизии включали в себя изображение двух лошадиных морд, повернутых в разные стороны. Такие нашивки мы носили на левом рукаве мундира. Подобная эмблема была призвана укрепить наши земляческие связи, чувство гордости за дивизию и фронтовое братство.

Через пару месяцев после прибытия в Бельгию мы выслушали наставления нашего

ротного командира ритмейстера Рейнке. По той причине, что у него были родственники в Англии, он каким-то образом мог знать о том, что англичане ждут нашего вторжения на Британские острова, и, видимо, решил нас психологически подготовить к этому. Построив нас по стойке «смирно», он предупреждал: «То, что вы видели во Франции, парни, это пустяки. В будущей войне вы будете рады, если вам представится возможность окопаться как можно быстрее. То, что ждет вас там, будет покруче всего остального».

Ветеран Первой мировой войны, Рейнке знал из собственного опыта, какой ужасный оборот может принять война. Позднее нам было жаль лишиться такого уважаемого офицера, когда его назначили командовать 2-м батальоном 154-го пехотного полка. На его место пришел обер-лейтенант фон Кемпски, ранее командовавший одним из взводов нашей роты.

Находясь в Вервье, мы пытались держаться в курсе происходящих политических событий, однако из Бельгии было трудно следить за ходом Битвы за Британию — соперничеством за превосходство в воздухе между люфтваффе и Королевскими ВВС Великобритании. Хотя мы в то время почти не знали ее подробностей, штаб нашей дивизии подыскивал участки для проведения учений на территории Голландии, готовя плацдармы для переброски наших войск через Ла-Манш. Отдельные части нашей дивизии отрабатывали высадку на берег с кораблей в Антверпене и Роттердаме. Наша минометная рота в этом участия не принимала.

Существовало широко распространенное мнение о том, что высадка морского десанта на Британские острова — дорогостоящая затея, однако большинство моих товарищей с одобрением относились к ней. Мы не знали, что у нашего военного руководства уже имелись планы операции «Морской лев», предусматривавшие участие 9-й и 16-й армий вермахта в захвате участка побережья юго-восточной Англии.

58-й дивизии, входившей в состав 16-й армии, предстояло прибыть в третьем эшелоне войск и высадиться в районе между Фолкстоном и Нью-Ромни в 100 километрах к юго-востоку от центра Лондона. Когда в апреле 1941 года мы поняли, что высадка на Британские острова не состоится, то испытали разочарование, удивляясь тому, как Германия сможет добиться мира, если Великобритания остается непобежденной.

Осенью 1940 года я познакомился с двумя сестрами, родственницами той бельгийской семьи, в доме которой мы размещались. Они пытались говорить со мной по-немецки, а я желал попрактиковаться в разговоре по-французски. Они раз десять приглашали меня к себе домой в Вервье, и мы по несколько часов учили друг друга своим языкам.

Во время этих встреч мы часто шутили и много смеялись, но это скорее был невинный флирт, чем действительно романтические отношения. Для меня это была лишь приятная возможность мило провести время, а также усовершенствовать мой французский. Иногда я легко забывал недавние бои, но всегда помнил о том, что для бельгийцев я солдат вражеской армии, оккупировавшей их страну.

С отличием закончив в конце сентября трехлетний срок ученичества в цветочном магазине, Аннелиза уехала из Люнебурга и вернулась в Гамбург, где нашла работу в магазине на главном вокзале. Мы условились встретиться на гамбургском вокзале, когда я буду возвращаться из Пюнгена в Вервье в конце моего второго отпуска, продолжавшегося с 17 ноября по 12 декабря. Прибыв в назначенный день на поезде в Гамбург, я сразу же отправился в магазин, в котором работала Аннелиза. Сняв передник, она пошла прогуляться со мной по вокзалу. Когда мы нашли укромный уголок на северном его краю, я протянул ей флакон дорогих духов, купленных в Вервье. Аннелиза благодарно обняла меня, и флакон выскользнул из ее рук и разбился, наполнив все вокруг крепким ароматом. Это показалось мне плохим знаком.

Хотя наши отношения не прерывались, мы еще не выразили обоюдного согласия придать им особый, исключительный характер. Следует признаться, что у меня была одна симпатичная девушка из Рурской области, из Дуйсбурга, с которой я познакомился в 1937 году, когда она приезжала в Пюнген навестить родственников. Через три года после нашей первой встречи я решил возобновить наше знакомство и раздобыл ее новый адрес.

После того как мы обменялись парой писем, она согласилась с тем, что я навещу ее на моем пути обратно в Бельгию, не зная, что я буду возвращаться после встречи с Аннелизой в Гамбурге. Наша последующая вечерняя встреча в Дуйсбурге побудила мою знакомую склониться к более серьезным отношениям, но я при этом понял, что меня привлекает только ее приятная внешность.

Примерно месяц спустя я как-то выпивал в Вербье вместе с моим товарищем Шютте и еще несколькими другими солдатами. Сильно опьянев, мы начали жаловаться на трудности в отношениях с подругами, оставшимися в Германии. Когда кто-то предложил написать им письма и сообщить о разрыве всех отношений, мы все поклялись поступить именно таким образом.

Это сделанное в состоянии опьянения обещание подтолкнуло меня к разрыву с Аннелизой, к которому, по моему мнению, дело уже подошло. В своем письме, отправленном 10 января, я сообщил ей, что не готов к серьезным обязательствам, которых она, видимо, ждет от меня. Мы были слишком молоды для брака, особенно ввиду продолжающейся войны и моей незавидной солдатской судьбы. Хотя наша переписка с девушкой из Дуйсбурга после нашей последней встречи прекратилась, я считал нужным признаться Аннелизе, что встречаюсь с другой. Не вдаваясь в подробности, я написал, что наши встречи не носят серьезного характера, но решил не обманывать ее, Аннелизу, и честно рассказать обо всем. Даже если у меня не было намерений и дальше встречаться с девушкой из Дуйсбурга, мы с Аннелизой должны быть свободны в желаниях и можем встречаться с кем хотим. Я также высказал пожелание оставаться друзьями и поддерживать связь друг с другом.

Позднее мне стало известно, что, получив мое письмо, она несколько дней плакала.

В конце 1940 года все полки нашей дивизии получили приказ отказаться от одного из трех батальонов, которому было суждено стать ядром для заново формируемой дивизии. Как это было тогда принято, данную потерю должны были восполнить новобранцы, только что призванные в ряды вермахта. Немецкая армия продолжала наращивать свою численность, однако никто из нас пока не знал истинных причин этого.

Весной 1941 года наша дивизия была переброшена на расстояние 40 километров к востоку от Вербье для интенсивной боевой подготовки близ бельгийского города Эльзенборна, на границе с Германией. Под холодным, пронизывающим до костей дождем мы провели маневры нашего батальона, согласовывая действия вместе с танковыми частями и авиацией. В то время как взвод связи периодически прокладывал линии коммуникации, наша рота тренировалась в обращении с гаубицами, заряженными боевыми снарядами. Когда маневры подошли к концу, мы почувствовали, что отточили необходимые навыки до автоматизма.

21 апреля 1941 года наш передовой отряд был отправлен на восток. Через два дня 58-я дивизия получила приказ в течение суток покинуть территорию Бельгии. Планированием нашей переброски занялся штаб. Передислокация дивизии — сложный процесс, отнимающий много времени, для ее подготовки следует учесть возможности транспорта и объем боевого снаряжения. Отсутствие новых предварительных директив усложняло дело планирования, однако тем самым обеспечивалась максимально возможная секретность нашей передислокации.

Ближе к вечеру 24 апреля наша дивизия практически полностью была готова к отъезду, однако некоторым подразделениям предстояло последовать за нами позже. Сев на поезд в Вербье, мы по-прежнему не знали о нашем месте назначения. Даже ротный командир не знал, куда мы направляемся. Пока мы ехали по территории Германии, все задавали друг другу одни и те же вопросы: «Куда мы, черт возьми, едем?», «Что будет дальше?». У военной жизни есть одна забавная сторона — широкое распространение слухов и их несомненная сила. Атмосфера была наэлектризована возбужденным ожиданием. В поезде строились самые разные догадки и предположения относительно того, куда мы направляемся. Скорее всего, нас перебрасывают куда-то на север. Одни предрекали: «Нас

везут в Финляндию», другие высказывались иным образом: «Скоро мы будем в Швеции». Оба предположения не оправдались.

Глава 6 Блицкриг в России

Апрель — июль 1941 года

Прелюдия к вторжению

24 апреля — 22 июня 1941 года

Двигавшийся на восток-северо-восток Германии поезд без остановок проехал Гамбург и Любек. За 30 часов пути были сделаны всего несколько коротких остановок для смены локомотива. Проехав 1000 километров после Вервье, мы прибыли в Восточную Пруссию, в город Эльбинг.

Оттуда наша дивизия немедленно отправилась на восток, проделав первый из двух ночных пеших переходов. На рассвете мы остановились в лесу возле дороги и позавтракали сухими пайками. Скрытые от возможного воздушного наблюдения противника с воздуха кронами деревьев, мы устроились на плащ-палатках и немного отдохнули, прежде чем на закате снова тронуться в путь.

Прибыв в Хайлигенбейль, расположенный в 40 километрах от Эльбинга, мы разместились в казармах. Следующие шесть недель мы усиленно занимались боевой подготовкой, что лишь усилило предположения относительно нашей будущей миссии. Большинство окружавших меня солдат были по-прежнему уверены в том, что нас вскоре перебросят куда-то в Скандинавию. Нам и в голову не могло прийти, что Германия собралась напасть на Советский Союз. По-видимому, советско-германский пакт о ненападении, подписанный в 1939 году, настолько повлиял на образ мыслей немцев, что никто не верил в перспективу возможного военного конфликта между двумя государствами.

К этому времени новости о войне стали вполне привычными и уже не казались интересными. Прибытие «Африканского корпуса» в Северную Африку на помощь итальянским войскам в начале 1941 года, а также оккупация Германией Югославии и Греции весной того же года вызвали у меня и у моих товарищей довольно сдержанный интерес. Несмотря на то что мне хотелось попасть на Крит вместе с нашими десантниками, которые высадились там в конце мая, все эти события представлялись слишком далекими и имеющими малое отношение к нам.

8 июня наша дивизия двинулась дальше на восток и совершила еще несколько ночных марш-бросков к новому неназванному месту. Наш поход закончился через три дня в Лабиау, в 80 километрах к северо-востоку от Хейлигенбейля. Мы устроились в лесу, по-прежнему готовясь к неназванной военной операции, но занимаясь этим скрытно.

Нас разместили на территории, соседней с контролируемой Советами Литвой, что усиливало наши подозрения в том, что нашей целью может быть СССР, хотя полной уверенности в этом у нас не было. Находясь в лесу, мы не видели концентрации пехотных войск, танков и артиллерии, предназначенных обычно для крупных боевых операций. Неподалеку от нас находился портовый город Мемель, и поэтому мы считали, что в любую минуту нам дадут приказ грузиться на корабли и следовать через Балтийское море на помощь нашей союзнице Финляндии. Что касалось времени возможной операции, то мы не имели о ней ни малейшего представления.

После 17 июня, моего двадцать первого дня рождения, нам сообщили, что в ближайших числах месяца состоится вторжение в Россию. Вскоре после получения директивы о готовности к наступлению нас перебросили из Лабиау в окрестности Хайдекруга, лесистую местность в северо-восточном углу Восточной Пруссии. Это место

находилось севернее Тильзита, и от границы с контролируемой Красной Армией Литвой нас отделяло всего 15 километров.

Возможно, сегодня это может кого-то удивить, но вышеупомянутое известие не вызвало особого удивления или обсуждений в окружавшей меня солдатской среде. Вместо этого наблюдалось чувство облегчения — долгие недели ожидания и неопределенности, наконец, остались позади. Теперь у нас был приказ, и мы тут же сосредоточились на подготовке к войне.

Кроме того, не следует забывать, что мы были молодыми людьми, не склонными к глубоким и длительным раздумьям. Таково, очевидно, главное свойство любого солдата. Если бы на нашем месте были солдаты среднего возраста, то их вряд ли удалось бы отправить в бой, не убедив в необходимости сражаться. Мы отнюдь не безразлично относились к тому, что нас ожидало на войне, просто нас приучили повиноваться приказам, и мы уже имели опыт боевых действий.

Хотя большинство моих товарищей в основном мало интересовались политикой, нам всем тогда было ясно, что война между Германией и Россией будет иметь историческое значение. Когда немецкие войска и гражданские лица в тылу узнали о войне с Советским Союзом, эта новость была воспринята с огромной неуверенностью. Это было чувство, отличное от того, что преобладало в начале военных действий вермахта на Западе. Вопросы, циркулировавшие в немецком обществе, отражали эту обеспокоенность: «Почему войну против России начали до того, как победили Великобританию?»; «Неужели мы хотим повторить неудачный опыт Наполеона?»; «Что будет дальше?»

Лишь немногие мои соотечественники сомневались в победе, но многие задумывались о том, какой будет ее цена и сколько продлится новая война на Востоке. Почти все немцы были уверены в правильности крестового похода против Советской России, имевшего целью уничтожение советского большевизма, но были и те, кто подобно мне разделял некоторые опасения. Войска Германии были в основном брошены на покорение стран Западной Европы, и мне казалось, что Гитлер сильно рискует, переоценивая мощь рейха при развертывании такой колоссальной военной кампании на Востоке.

Для большинства немцев война не являлась выражением нацистской мечты о расширении жизненного пространства на Востоке в целях колонизации отсталых народов «арийской расой господ». Подобно другим немецким солдатам я сражался за свою родину, движимый патриотическими побуждениями и верой в то, что советский коммунизм представляет собой угрозу Европе и всей западной цивилизации. Хотя нацистская пропаганда представляла славянское население «унтерменшами», или «недочеловеками», то есть неполноценными в физическом и умственном отношении, мои товарищи не разделяли таких экстремистских расистских взглядов. Для нас славяне не были неполноценной расой, мы считали их просто неграмотными людьми, жителями отсталой, нецивилизованной страны.

В начале войны с Советским Союзом Германия обладала огромной армией опытных, хорошо подготовленных солдат, глубоко веривших в свою способность победить врага. После побед, одержанных в Польше, на Западе и на Балканах, мы вряд ли могли чувствовать неуверенность в собственных силах. Письмо, которое я позднее отправил Аннелизе, излучало оптимизм, который я в то время испытывал: «Здесь приходится нелегко, но мы сражаемся за справедливое дело, и я абсолютно уверен в нашей победе».

Поход на Восток

22 июня — 5 июля 1941 года

В воскресенье 22 июня 1941 года предутренняя тишина была расколота грохотом пушек. Это трехмиллионная немецкая армия начала операцию «Барбаросса», обрушив всю свою мощь на Россию на линии протяженностью 3900 километров, от Балтийского и до

Черного моря. Позиции советских войск подверглись ураганному обстрелу немецких орудий, и горизонт на Востоке озарился яркими вспышками огня.

В небе появились армады устремившихся на восток самолетов люфтваффе: бомбардировщиков «хейнкель» и «юнкерс», пикирующих бомбардировщиков «штука» и истребителей «мессершмитт». За гулом авиационных двигателей раздался рокот моторов танковых дивизий, устремившихся в том же направлении. Лавина немецких войск с быстротой молнии накатила на части Красной Армии, защищавшие границы России, и заставила их отступить.

Утром того же дня 58-я дивизия получила приказ наступать вместе с частями второго эшелона войск XXXIII корпуса 18-й армии. 18-я и 16-я армии, а также 4-я танковая группа образовали группу армий «Север», одну из трех массивных армейских группировок — «Север», «Центр» и «Юг», — созданных руководством вермахта для вторжения в Советский Союз.

Когда мы перешли границу, никаких пограничных частей мы не встретили, но сразу же отметили скверное качество местных дорог, преимущественно грунтовых. На следующее утро 154-й пехотный полк вступил в короткие бои с советскими войсками близ небольших литовских городов Паджуралис и Кведама, расположенных примерно в 40 километрах к востоку от Хайдекруга. В этих кратковременных боевых действиях против частей, которые были, скорее всего, советскими пограничниками, нам не пришлось использовать минометы, и мы были готовы следовать дальше.

Пройдя за день приблизительно 25 километров, 28 июня мы приблизились к городу Шауляю, находящемуся примерно в 95 километрах к северо-востоку от Паджуралиса. Хотя наши танковые части нас опередили и ушли далеко вперед, благодаря своему быстрому продвижению 58-я дивизия оказалась в авангарде пехотных дивизий группы армий «Север». Несмотря на дорожные заторы, масса наших войск стремительно двигалась на восток, все больше укрепляя нашу уверенность в победе. Мы нисколько не сомневались, что разгромим Советский Союз если не зимой 1941 года, то весной следующего.

Наш поход продолжался долгими летними днями, когда темнеть начинает поздно. На привал мы останавливались в полях возле дороги. Поужинав, наша рота искала скрытое место для ночлега, опасаясь внезапных атак Красной Армии. Останавливаясь в какой-нибудь деревне, мы спали возле домов, но никогда — внутри, зная, что жилые сооружения являются главной целью вражеской артиллерии.

В тех случаях, если мне не надо было ночью заступать в караул, я подкладывал каску под голову и мгновенно засыпал. Долго спать не удавалось, потому что часа через два или четыре кто-нибудь бесцеремонно будил нас пинком под зад. На завтрак отводилось примерно полчаса, после чего мы снова отправлялись в путь.

Страдая от невыносимой жары и густой дорожной пыли, мы преодолевали бесчисленные километры пути. Днем мы практически не отдыхали и шли без остановок, лишь изредка удавалось проехать часть пути на нашей ротной повозке. Спустя какое-то время мы привыкли к бесконечному походу и как загипнотизированные упрямо шли вперед, видя лишь ритмично двигающиеся ноги впереди идущего. Иногда я шел, в буквальном смысле спя на ходу, и просыпался лишь после того, как наткнулся на кого-нибудь из своих товарищей.

Мы шли по открытым просторам равнинной северной Литвы и больше не встречали сопротивления противника, но постоянно слышали далекий шум выстрелов и грохот взрывов, а также видели следы недавних кровавых боев. На обочинах дорог и в кюветах валялись сотни еще не остывших мертвых тел, лежавших там, где их настигла пуля или осколок снаряда. В некоторых местах трупы громоздились кучами по десять-пятнадцать человек, среди них были и женщины в военной форме. Иногда мы проходили мимо подбитых вражеских танков, которые еще догорали, и в небо струился черный маслянистый дым.

Большая часть советской пехоты и бронетехники была застигнута врасплох в чистом

поле и уничтожена немецкими самолетами при попытке отступить на восток. Немецкому люфтваффе удалось добиться военного превосходства в воздухе и помешать отступлению вражеских частей. Наши штурмовики огнем крупнокалиберных пулеметов безжалостно истребляли незащищенные цели противника, оказавшиеся на огромных открытых пространствах.

Такие атаки были особенно разрушительными в тех случаях, когда массированному обстрелу с воздуха подвергались дороги, заполненные людьми и транспортом русских. От пулеметных очередей немецких самолетов невозможно было укрыться. Даже те, кто забился в кюветы вдоль дорог, не были застрахованы от опасности. Те, кто не был убит сразу, наверняка получили серьезные ранения.

Танки Красной Армии, которые не были уничтожены, стали немецкими трофеями. Если бы в такой танк после прицельного выстрела попал заряд нашей 150-мм гаубицы, то он, несомненно, был бы сразу выведен из строя — была бы разбита пушка или гусеницы. Однако главная цель нашей минометной роты состояла в огневой поддержке наших пехотинцев в боях против вражеской пехоты. В те дни нам отчаянно не хватало бронебойных снарядов, способных пробить толстую броню советских танков, и поэтому мы избегали боев с танковыми частями русских, за исключением кризисных случаев. У дивизии имелось много различных средств борьбы с танками противника.

Двигаясь на северо-восток, за неделю мы прошли около 110 километров от литовского Шауляя до латвийской столицы Риги. Когда 5 июля мы вошли в этот город, небольшие толпы местных жителей, столпившихся на улицах, приветствовали нас криками «освободители!» и дарили цветы и шоколад в знак благодарности за освобождение от советской оккупации. В то же время часть населения, испугавшись нашего появления, пряталась в подвалах домов. В основном мы встречали теплый прием во всех прибалтийских странах — Эстонии, Латвии и Литве. Это укрепило нас в убеждении, что наше дело правое.

Когда наша колонна проходила по улицам Риги, мы чувствовали себя почти как дома, потому что архитектура в Латвии не слишком отличалась от немецких городов балтийского побережья. Нашему стремительному походу на восток не помешало даже то, что Красная Армия при отступлении разрушила мост через реку Дюна.

Двигавшиеся впереди нас саперные части успели установить на его месте понтонную переправу. За полдня мы миновали Ригу, прошли дальше и снова оказались на открытом пространстве.

Бои с врагом

6-21 июля

Когда ближе к вечеру того же дня наша рота сделала привал в какой-то латвийской деревушке, мы заметили в полукилометре от нас примерно десяток русских. Очевидно, преследуемые нашими наступающими войсками, они пытались спасти свои жизни, отступая на восток. Несколько стоящих рядом со мной солдат открыли по ним огонь из винтовок, пользуясь тем, что находились на господствующей высоте над противником. По всей видимости, несколько русских были убиты, однако остальные успели рассредоточиться и скрыться в лесу.

Это было наше первое боевое столкновение с русскими после первых перестрелок на границе, когда мы решили, что военная кампания в России превратится в долгую череду бесконечных маршей вслед за отступающим противником. Однако в следующие недели мы получили возможность убедиться совсем в другом.

7 июля мы вошли в латвийский город Рауна, что в 80 километрах к востоку от Риги. Здесь наша дивизия ввязалась в первый после перехода границы настоящий бой с частями Красной Армии. Наша рота развернула минометы и гаубицы для поддержки полковой пехоты, однако перестрелка быстро закончилась, потому что советские войска поспешно

отступили.

Поскольку наши танковые части уже обошли с фланга оборонительные позиции противника, нам пришлось столкнуться лишь с русским арьергардом, прикрывавшим отступление Красной Армии. В следующие дни произошли лишь короткие перестрелки с врагом, которые, однако, не помешали нашему дальнейшему движению на восток.

Спустя пару дней наша рота расположилась на привал среди домишек какой-то деревни, расположенной возле дороги. Помня о том, что деревня представляет собой идеальную цель для советской артиллерии, я лег спать под открытым небом, в небольшой ямке неподалеку от дома.

В середине ночи я проснулся от звука голосов. До меня донеслись лишь обрывки разговора проходивших мимо людей, и я не понял, кто это — немцы или русские. Я напрасно пытался разглядеть идущих, но в кромешной тьме различал лишь смутные силуэты, хотя они находились всего в десятке футов от меня.

Напрягая слух, я окончательно убедился в том, что это не немцы. Интуиция подсказала мне, что это, видимо, небольшая группа русских красноармейцев, выбирающихся из окружения. Я сначала подумал, что они прошли мимо наших часовых, но потом решил, что, скорее всего, русские просто не заметили нашего присутствия, как и мы — их.

Не вполне понимая, представляют ли русские опасность для нас, я лихорадочно ломал голову над тем, как мне поступить. Если я выстрелю из винтовки или брошу гранату, то убью нескольких врагов, но в таком случае рискую стать жертвой своих же товарищей, которые по ошибке откроют по мне огонь. В конечном итоге я предпочел не производить шума и позволить русским пройти дальше. К моему великому облегчению, те вскоре скрылись в темноте, так и не заметив нас.

Пройдя менее чем за неделю около 150 километров от Рауны на восток, наша дивизия, наконец, оказалась на территории самой России. 12 июля мы подошли к Пскову, расположенному на южном берегу Чудского озера, где соединились с нашими танковыми дивизиями, ожидавшими поддержки пехотных частей, чтобы возобновить наступление в сторону Ленинграда.

Повернув на север, мы оказались на крайнем левом фланге группы армий «Север». Справа от нас находилась 1-я пехотная дивизия вермахта, слева — восточный берег озера. В то время как мы двигались вперед по плоской равнине с редкими лесами, само Чудское озеро оставалось вне нашего поля зрения.

Начав наступление на север, мы все чаще сталкивались с такими препятствиями, как плохие дороги и усиливающееся сопротивление советских войск. Дело также серьезно осложнялось картами, на них были показаны главные дороги, которых в реальности просто не существовало. Помимо проблемы с точностью, имелась и другая — даже скверных карт нам все равно не хватало. Несмотря на то что нашему ротному командиру удалось где-то раздобыть местные географические карты, нам, обычным пехотинцам, было абсолютно непонятно, в каком именно месте бескрайних русских просторов мы находимся.

Не имея радиоприемников, мы получали информацию о происходящем исключительно из привозимых два раза в неделю газет, издаваемых в штабе 58-й дивизии. Большую часть газетного пространства занимали выдержки из речей Гитлера и Геббельса, но были и короткие сообщения о боях и наступлении на Восточном фронте, а также о событиях в Северной Африке и Атлантике. Несмотря на обилие пропагандистских материалов, подвергавшихся при этом сильной цензуре, эти газеты тем не менее позволяли нам получить хотя бы самое общее представление о том, что происходит в мире.

Примерно в то самое время я простыл, и у меня начался жар, я чувствовал необычайную слабость. Когда мы сделали очередной привал, я вошел в какой-то заброшенный дом. Свалившись на кровать, я тут же провалился в глубокий сон, длившийся часов шесть или семь. Проснувшись, я почувствовал себя бодрым и испытал прилив новых сил. Прибавив шагу, я вскоре догнал нашу роту. Во время марша спать нам приходилось урывками, и мой долгий сон в постели показался мне поистине царским подарком.

17 июля, преодолев за пять дней 80 километров, вышедшая из Пскова 58-я дивизия приблизилась к маленькому городку Гдову, расположенному на северо-восточном берегу Чудского озера. По пути мы встретили лишь незначительное сопротивление противника, однако столкнулись с проблемой снабжения. Это было вызвано тем, что наши обозы, остававшиеся южнее нас, сильно опаздывали по причине плохих дорог, и припасы приходилось доставлять по Чудскому озеру.

Испытывая нехватку продовольствия, наша дивизия была вынуждена снова привести в действие советскую мельницу, благодаря чему удалось получить хлеб для немецких войск и местного гражданского населения. Из-за того, что отступавшие советские войска залили зернохранилища нефтью, получившийся хлеб имел неприятный вкус, который не могла отбить даже обильно добавленная в тесто соль.

19 июля наша дивизия продолжила наступление на север и через два дня заняла город Нисо в 25 километрах к северо-востоку от Гдова. Перед нами была поставлена цель — захватить коридор между Чудским озером и побережьем Балтийского моря, чтобы блокировать оставшиеся там части Красной Армии.

Впервые с начала Русской кампании наше продвижение вперед встретило действительно ожесточенное сопротивление советских войск. Хотя транспортный узел в эстонском городе Нарва находился всего в 25 километрах к северу от нас, мы лишь через месяц захватили его и отрезали советским частям пути к отступлению.

Во время долгих маршей по территории Советской России я часто вспоминал моих родственников, оставшихся в Пюггене, и Аннелизу, с которой пару раз в месяц обменивался письмами. Наш роман в январе фактически закончился, и она обручилась с сыном хозяина того цветочного магазина, в котором работала в Люнебурге.

С той поры прошло некоторое время, и я постепенно начал понимать, что неверно отнесся к желанию Аннелизы придать более конкретный характер нашим отношениям. Мне также стало понятно, что мои чувства к ней оказались глубже, чем я предполагал. Ее помолвка с хозяйским сыном казалась мне неправильным поступком, и я верил в то, что она не состоится, и мы с Аннелизой когда-нибудь снова будем вместе. Тогда же я принял решение обязательно увидеться с ней во время моего следующего возвращения в Германию.

Находясь вдали от дома, я чувствовал, что крепнет моя духовная связь с товарищами по роте, однако при этом понимал, что мне по-прежнему хочется быть лидером, руководить остальными солдатами. Я прекрасно осознавал отличие фронтового братства от дружбы в гражданской жизни.

На войне отношения между людьми строятся на основе практической необходимости, и их сближают сложные экстремальные обстоятельства, особенно среди солдат-пехотинцев. Фронтовое братство отражает зависимость солдата от соседа по окопу; те, кто воюет бок о бок, нуждаются во взаимной поддержке. Дружба в гражданской жизни предполагает более интимную духовную связь, дружеские отношения возникают в результате тщательного отбора. На фронте нет ничего удивительного в том, что ты желаешь найти себе надежного друга и установить с ним добрые отношения, особенно в условиях, когда смерть становится частым явлением.

Наверное, потому что мы понимали, что любой из нас может погибнуть в любую минуту, потеря товарища воспринималась как трагедия очень недолго. Через пару дней острота потери ослабевала, потому что внимание отвлекалось новыми заботами, часто имевшими большую важность. Проходил месяц, и гибель товарища постепенно исчезала из мыслей солдата.

Солдат должен думать только о войне. Если потеря боевого товарища вызывала потрясение, то смерть вражеских солдат подобных чувств не пробуждала и становилась привычным делом. Они воюют против нас и убивают с тем же равнодушием, что и мы их. В бою важно одно — или ты убьешь, или убьют тебя.

Главное для солдата — выполнение воинского долга, однако отношение к долгу несколько отличается у добровольцев и тех, кто попал в армию по призыву. Добровольцы

воспринимают приказы более беспечно, тогда как призывникам свойственна осторожность.

Я, будучи добровольцем, воспринимал службу с воодушевлением, однако в отличие от многих солдат никогда без нужды не рисковал жизнью на поле боя. Единственное, чего я искренне боялся, так это смерти или плена. Все остальное я воспринимал как должное, аскетизм и бытовые трудности представлялись мне нормой солдатской жизни на войне.

За годы войны я подсчитал, что соотношение раненых к убитым было четыре или пять к одному. На передовой ранеными занимались медики нашей роты, но они, как правило, оказывали лишь первую медицинскую помощь. Затем их отправляли на последующее лечение к полковым врачам. Если ранение или болезнь оказывались более серьезными, то солдата отправляли в дивизионный госпиталь или вывозили в Германию.

Наши медики и санитары работали прекрасно и в течение недели помогали возвращать в строй до пятидесяти процентов раненых. Болезни были не главной проблемой, однако такие незначительные недуги, как диарея, были широко распространены. Некоторые заболевания требовали особого лечения, которое было недоступно во фронтовых условиях, и поэтому решались разнообразными изобретательными способами.

Когда у меня полез зуб мудрости, я испытывал сильную боль и не мог кусать ничего твердого. Решив самостоятельно справиться с этой проблемой, я отправился к полковому врачу и попросил у него скальпель. В ответ на мою просьбу он поинтересовался: «Что вы собираетесь им делать?» Я отказался отвечать, однако он все-таки дал мне скальпель.

Найдя зеркальце, я разрезал себе десну. Никакого анестезирующего средства у меня не было, и поэтому от жуткой боли я чуть не потерял сознание. Самостоятельная стоматологическая операция оказалась удачной. В военных условиях солдат многому учится и узнает много премудростей, помогающих выйти даже из самой сложной ситуации.

Глава 7 **К воротам Ленинграда**

Июль — сентябрь 1941 года

Передовой наблюдатель

Оставаясь старшим стрелком взвода связи 13-й роты, я страстно хотел получить более ответственную должность, отличающуюся от утомительного прокладывания линий связи и редкой доставки донесений. Мне, как всегда, хотелось быть в гуще активных действий, пусть даже и с некоторым риском для жизни.

Когда командир роты предложил мне стать корректировщиком огня минометной роты, то есть передовым артиллерийским наблюдателем, я с радостью ухватился за представившуюся возможность немного разнообразить свою жизнь.

В нашей роте выдвинутое наблюдение проводилось нерегулярно, однако необходимость иметь человека, постоянно выполнявшего роль корректировщика огня, была очевидной. Мое назначение на этот, с позволения сказать, пост было временным, но постепенно обрело постоянный характер, и я оставался на нем следующие полгода.

Став корректировщиком огня, я выполнял роль глаз для гаубиц нашей роты, устанавливаемых на расстоянии полутора километров за линией фронта. 75-мм гаубицы 13-й роты имели максимальную дальность 5070 метров, тогда как 150-мм гаубицы — дальность 4600 метров. Это означало, что они могли поражать цели, находившиеся впереди нас на расстоянии четырех километров.

У нас было четыре батареи таких гаубиц. В каждой батарее имелось две гаубицы, обслуживавшиеся расчетами из пяти человек и обеспечивавшиеся поддержкой дополнительного персонала. Три батареи были оснащены шестью короткоствольными 75-мм гаубицами и одна батарея — двумя короткоствольными 150-мм гаубицами. Если корректировщик огня давал гаубицам и минометам роты сигнал одновременно начать

заградительный огонь, то залп был эквивалентен залпу артиллерийской батареи.

Во время пребывания в тренировочном лагере я познакомился с основными приемами наведения миномета на цель. Но после этого приобрел и новый бесценный опыт, наблюдая за действием корректировщика огня, которого я сменил. Однако оценить всю прелесть нового назначения мне позволил только личный опыт. Вскоре я научился точно определять координаты цели, а также количество снарядов и их типы, необходимые для удачного выстрела.

Номинально я все еще оставался солдатом взвода связи и подчинялся оберфельдфебелю Элерту, но теперь получал приказы непосредственно от командира роты. С изменением моего служебного статуса в роте изменились и мои отношения с другими солдатами.

Мои обязанности артиллерийского наблюдателя заключались в корректировке огня при поддержке наших наступающих частей, уничтожении опорных пунктов противника и подавлении его сопротивления. Во время прерывающихся боев командир батареи приказывает боевым расчетам выполнить просьбу корректировщика об огневой поддержке полковой пехоты. Однако в непрекращающемся бою такая просьба выполняется без одобрения командира.

Когда становится понятно, что враг отступает, наши орудия движутся вперед вместе с пехотой. При стремительном наступлении или отступлении противники смешиваются и оказываются на чужой стороне. В таких случаях невозможно определить, кто свой, а кто враг. Хотя в такой обстановке я не чувствовал себя в особой опасности, но тем не менее не терял бдительности и никогда не расставался с автоматом МР-40.

Бой можно охарактеризовать как контролируемый хаос, но солдату нужно быть спокойным, чтобы достойно выполнить боевую задачу. Должность корректировщика огня хорошо соответствовала моему характеру. Это стало мне ясно после того, как я научился сохранять хладнокровие в бою, а также понял, что всегда хочу знать, что происходит на передовой. Разумеется, из этого вовсе не следует, что я не испытывал беспокойства и страха за собственную жизнь, особенно при сильном артобстреле.

Я быстро уяснил себе одну важную вещь: в первые пять-десять минут боя избежать страха невозможно. В такой обстановке срабатывает инстинктивный животный рефлекс, являющийся естественной реакцией на возникающую опасность. В конце войны даже многоопытные ветераны, повидавшие всякое, рассказывали о страхе, который они испытывали в первые две-три минуты боя. И все-таки, когда уходило прочь предварительное беспокойство, ко мне возвращалось самообладание, и выучка брала верх над страхом. После этого я четко контролировал собственные действия. Я понимал, что должен любой ценой выполнить свое дело.

Форсирование Плюссы

21 июля — 17 августа 1941 года

После двухнедельного перерыва, отведенного на перегруппировку войск, 8 августа вермахт возобновил наступление. Пытаясь достичь Нарвы и запереть коридор, ведущий к Балтийскому побережью, наш 154-й полк прошел 15 километров вперед на север от Нисо к месту слияния рек Плюссы и Пяты. В этом месте, примерно в четырех милях к югу от эстонской столицы, наше продвижение остановил разрушенный мост через Плюссу.

Наступление возобновилось жарким солнечным утром 14 августа, начавшись с обстрела нашей артиллерией советских позиций на другом берегу реки. Подавив сопротивление противника, пехота нашего полка приступила к форсированию водной преграды на резиновых плотках примерно в 50 метрах справа от разрушенного моста.

Оставшись, так сказать, не у дел в качестве корректировщика огня, я решил вместе с отрядом пехотинцев переправиться через Плюссу, чтобы принять участие в бою. Когда в 9

часов утра я добрался до реки, начался артиллерийский обстрел со стороны русских. Я инстинктивно бросился влево от взорванного моста, ища укрытия в траншеях, выкопанных на берегу реки.

На место переправы обрушился заградительный огонь советской артиллерии. Некоторые снаряды разрывались всего в нескольких метрах от меня. Обстрел был такой сильный, что невозможно было поднять голову над окопом. Мне не оставалось ничего другого, как прижаться ко дну окопа. При таком сильном и близком артиллерийском огне остается лишь надеяться на то, что вражеским артиллеристам не удастся попасть в вас и они не превратят ваше укрытие в могилу. После пары часов плотного заградительного огня наступило короткое затишье, позволившее мне выглянуть из траншеи и осмотреться по сторонам. Я увидел, как десятка два наших солдат смогли переправиться на тот берег. В окопе справа от меня я заметил нечто изумившее меня. лейтенант Мюнстерманн, командир одного из взводов нашей роты, сидел, не прячась от снарядов, и читал книгу с таким видом, будто находится на скамейке в парке.

Я понял, что он пребывает в шоке, вызванном обстрелом, но помочь ему никак не мог. Насколько мне известно, в вермахте подобные психологические травмы не признавались серьезным основанием для оправдания отправки солдата или офицера с передовой в тыл.

Я несколько секунд продолжал рассматривать Мюнстерманна, затем обстрел возобновился. Свист снарядов над моей головой заставил меня снова юркнуть в окоп.

Спустя пять часов обстрел прекратился. Когда я снова посмотрел направо, то понял, что Мюнстерманн куда-то исчез. Я решил переправиться на другой берег реки, чтобы найти мою роту и получить новый приказ. Выбравшись из окопа, я присоединился к группе солдат, которые пытались, пригибаясь к земле, приблизиться к тому месту в 50 метрах справа от моста, где наши войска возобновили форсирование Плюссы. Вскочив на плот, я направился вместе с остальными солдатами на противоположный берег, до которого было что-то около 30 метров.

Когда мы высадились, там уже шел бой. Оставив пехотинцев, я осторожно подполз к сожженному мосту и перебрался на левую сторону грунтовой дороги, держа наготове мой новенький автомат МР-40. Хотя это было стандартное оружие корректировщика огня, оно меня не устраивало, и я предпочел бы ему маузеровскую винтовку.

Двигаясь вперед, я старался держаться деревьев и кустов, росших вдоль дороги. Когда я отошел от реки примерно на 150 метров, то увидел впереди на краю дороги сложенный из бревен вражеский дот. Русские солдаты вели из него огонь по нашим войскам, находившимся позади меня.

Поскольку у меня не было связи с минометной ротой, мне стало понятно, что наше наступление захлебнется, если вражеский дот не будет уничтожен. Внимание русских сосредоточено на дороге, и поэтому у меня есть возможность самостоятельно уничтожить их огневую точку, если мне, разумеется, удастся подобраться к ней как можно ближе и забросать ее гранатами.

Углубившись от края дороги в лес примерно на 20 метров, я стал осторожно подбираться к боку дота. Когда я пополз вперед, русские, должно быть, заметили шевеление травы справа от них.

Когда я почувствовал, что ствол пулемета поворачивается в моем направлении, то тут же прижался к земле. В следующее мгновение пулеметная очередь просвистела над моей головой. Чувствуя, что могу в любую секунду погибнуть, я сильно испугался. Пулеметчик неожиданно остановился и снова принялся поливать огнем дорогу, видимо, посчитав меня мертвым. Прошла минута. В мою сторону больше не стреляли. Все еще лежа на земле, я осмелился поднять голову. От амбразуры дота меня отделяло лишь расстояние в 10–15 метров. Совершив быструю пробежку, я смогу скрыться в мертвой зоне обстрела возле стены огневой точки и бросить гранату в амбразуру.

Чувствуя, как бурлит в крови адреналин, и испытывая крайнее возбуждение, я

понимал, что меня могут подстрелить прежде, чем я окажусь возле стены дота. Я решил, что иного выбора у меня нет, и медленно пополз обратно, рассчитывая на то, что вражеский пулеметчик не заметит меня.

Не успел я отползти на достаточное расстояние от дота, как совсем рядом прогрехотали два оглушительных взрыва. Подняв голову, я увидел, как бревна дота взлетели в воздух и с хрустом рухнули на землю, образовав беспорядочную груды. Происходящее было похоже на чудо. Моим спасителем оказался наш 75-мм миномет, установленный посередине дороги возле самого берега.

Позднее мне рассказали, что солдаты моей роты смогли на руках переправить миномет через реку и установить его на дороге сразу после того, как русские закончили артиллерийский обстрел. Они быстро засекли вражеский дот и для увеличения скорости мин использовали дополнительные взрывные заряды. С расстояния в 200 метров они легко уничтожили цель и таким образом спасли мне жизнь.

В тот же день, позднее, я нашел свою роту. Не видя четкой линии фронта, минометная рота могла лишь с трудом оказывать эффективную поддержку пехоте. Русские пытались в течение трех дней перейти в контрнаступление на нашем плацдарме на северном берегу Плюссы, однако были вынуждены отступить на восток в направлении Ленинграда.

Потери были высокими у обеих сторон. Однако, несмотря на это, мы не теряли оптимизма. Мы верили в то, что наступление вскоре закончится нашей полной победой. Нам казалось, что мы успели закалиться в боях и готовы сражаться дальше.

На пути к победе

18 августа — середина сентября 1941 года

Форсирование Плюссы открыло путь к Нарве. 18 августа, когда 58-я дивизия подошла к этому городу, бои уже закончились, что позволило нам на следующий день отправиться на восток по главной дороге, ведущей на Кингисепп. Нам предстояло еще целый месяц вести ожесточенные бои с частями Красной Армии, прежде чем мы достигли цели.

Захват территории вокруг Нарвы позволил нам отрезать пути отступления советских войск из республик Прибалтики и обезопасил тылы вермахта для дальнейшего наступления на восток. Приблизившись к Балтийскому побережью, наша дивизия и 1-я дивизия по-прежнему поддерживали левый фланг группы армий «Север». Нашей главной целью был захват Ленинграда, бывшей столицы Российской империи, второго по величине и значимости города Советского Союза.

Несмотря на угрозу флангам немецких частей со стороны русских войск от шоссе Нарва — Кингисепп, наш полк быстро продвинулся вперед и вскоре вышел к линии оборонительных укреплений и минных полей, размещавшихся вдоль старой советско-эстонской границы. При поддержке нашей минометной роты полк после нескольких мощных боев успешно преодолел ее.

За этой линией обороны находился город Кингисепп, расположенный в нескольких десятках миль к востоку от Нарвы. В то время как 154-й пехотный полк с запада вышел к главному шоссе, другие части 58-й дивизии и 1-й дивизии приблизились к нему с южного направления и вступили в бои за город. Когда наш полк подошел к Кингисеппу, то сразу завязал первые уличные бои с частями Красной Армии.

Наша рота установила 75-мм гаубицы в нескольких сотнях метров перед линией фронта, намного ближе, чем обычно. В отличие от более тяжелых 150-мм гаубиц они легко перемещались на короткое расстояние расчетом из пяти человек и эффективно использовались в городских условиях. Однако даже они были довольно громоздки, и поэтому минометчики не могли передвигаться так же быстро, как пехотинцы.

Когда минометчики хорошо видят цель, то помощь корректировщика огня им не нужна. Не имея точного задания, я отправился на передовую по собственной инициативе.

Как это часто бывает в разгар боя, я точно не знал, где находятся солдаты моего взвода связи. Двигавшее мною желание разобраться в обстановке заставило меня принять активное участие в бою. Добравшись до нашего минометного расчета на окраине Кингисеппа, я стал наблюдать за тем, как мои товарищи систематически уничтожают опорные пункты противника, находившиеся впереди нас.

Хотя расчетам миномета в таких условиях угрожала серьезная опасность, в подобного рода боевых действиях сильнее всего страдала пехота. Имея относительно ограниченную поддержку минометов, пехотинцы с великим трудом продвигались вперед, атакуемые врагом со всех сторон. 20 августа, когда мы уничтожили последние очаги сопротивления Красной Армии, город пал. Разрушения в нем были очень велики, множество домов превратились в дымящиеся руины.

После трех дней отчаянных контратак советских войск, пытавшихся отбить Кингисепп, 23 августа наша дивизия продолжила наступление. Добравшись до Алексеевки, расположенной в восьми километрах к востоку от Кингисеппа, мы столкнулись с еще более решительным сопротивлением противника. Еще несколько дней части Красной Армии вели тяжелые бои, стараясь помешать нашему продвижению на север. 29 августа мы, наконец, вышли к городку Котлы, расположенному примерно в десяти километрах к северу от Алексеевки. Другим частям нашей дивизии удалось захватить Велькоту, местечко в шести-семи километрах к востоку.

1 сентября мы взяли Копорье, город, находящийся в пятнадцати километрах к востоку-северо-востоку от Велькоты. После нескольких дней ожесточенных боев мы продвинулись еще на 20 километров на восток и оказались в Никольском. После этого наше наступление сопровождалось такими же тяжелыми боями. Теперь на пути у нас возникла лесистая местность. 6 сентября мы вышли из лесов. Новым населенным пунктом, захваченным нами, стали Дятлицы. Это местечко находилось в пятнадцати километрах восточнее Никольского.

Хотя мы снова вышли к главной дороге, упорное сопротивление русских замедляло скорость нашего наступления до четырех-пяти километров в день. Так мы наступали всю следующую неделю. Каждому из трех полков 58-й дивизии была задана отдельная цель. 220-й полк должен был двигаться прямо по главному шоссе на Красное Село. 209-му полку предстояло захватить Дудергоф. Нашему полку — Финское Койрово и Камень. 14 сентября, после установления контроля над этим районом, нашей дивизии предстояло прорываться к Ленинграду, до центральной части которого нас отделяло расстояние в 15 километров.

К этому времени сопротивление Красной Армии немного ослабло, однако противник продолжал обстреливать нас из артиллерийских орудий. Однажды мы увидели пролетевшие у нас над головой снаряды необычайно большого размера, от взрывов которых содрогалась земля. Позднее мы узнали, что обстрел велся с линкора «Красный Октябрь», находившегося в водах Финского залива.

15 сентября, во второй половине дня, наша рота вошла в Урицк, крошечный городок с небольшими деревянными домами. Только когда мы вышли к берегу Финского залива, я понял, где мы оказались. Нас отделяли лишь 10–12 километров от Ленинграда. На горизонте можно было различить вершины заводских труб и крыши высотных зданий. Несмотря на то что во время боев мы не испытывали восторга от близости к этому городу, теперь нас охватило волнение при мысли о том, что с его захватом до полной победы над Россией нас будут отделять считанные дни.

Пока мы шли по улице, протянувшейся вдоль берега залива, на горизонте видели советские корабли, заходящие в бухту и выходящие из нее. Скорее всего, они совершенно не подозревали о нашем присутствии. Что было еще более странно, по улице проехала пустая вагонетка, двигавшаяся из Ленинграда. Позднее нам стало известно, что передовые части нашей дивизии увидели городской трамвай, в котором ехали русские пассажиры, не знавшие о нашем прибытии. Зайдя в него, немецкие солдаты вежливо попросили пассажиров ради их собственной безопасности выйти.

На следующий день во время остановки группа солдат нашей роты осмотрела несколько брошенных красноармейцами артиллерийских орудий, установленных на возвышении, с которого открывался вид на Финский залив. Видя проплывавшие всего в паре миль от нас советские корабли, мы решили наудачу произвести выстрел из длинноствольной пушки диаметром в 10 сантиметров.

Взяв на глазок прицел, мы зарядили снаряд в патронник и осторожно дернули за вытяжной шнур. Снаряд упал в воду, взметнув фонтан брызг возле грузового корабля, но не причинил ему никакого вреда. Мы выстрелили еще пять-шесть раз, так и не попав в цель, однако благодаря представившейся нам возможности приняли участие в войне на море.

Вскоре мы возобновили наступление и оказались на улицах предместий Ленинграда, где миновали несколько кварталов двух-трехэтажных домов, встретив лишь незначительное сопротивление частей Красной Армии.

Все еще продвигаясь по предместьям города, мы получили приказ остановиться и отойти на более безопасные позиции обратно в Урицк. Безоговорочно доверяя верховному командованию, мы пришли к выводу, что для такого приказа, по-видимому, имелись достаточно веские основания. Многие из нас полагали, что остановка — лишь временная мера, позволившая перегруппироваться перед возобновлением скоординированного наступления. Ничто не указывало на то, что от попытки захватить Ленинград одним ударом верховное командование вермахта отказалось.

Через несколько дней нам сообщили, что вместо штурма Гитлер приказал начать осаду города. К этому времени части вермахта окончательно блокировали Ленинград и отрезали его от остальной части Советского Союза, за исключением водного пути через Ладожское озеро. Было ясно, что город непременно сдастся, это лишь вопрос времени.

Наша минометная рота, состоявшая из 300 солдат, потеряла за три месяца войны всего 10–15 человек. В пехотных ротах потери были более высоки — во многих из них из 180 осталось лишь 50–75 человек.

Однако, несмотря на огромные людские потери, наш боевой дух был по-прежнему силен. Мы видели, какой сильный урон понесла Красная Армия, и понимали, что можем оказаться на улицах Ленинграда буквально через несколько дней. Сейчас трудно судить о том, хватало ли Германии войск для захвата города на Неве, однако сама попытка прямого нападения на него оказалась одной из величайших ошибок Гитлера.

Глава 8

Зима в Урицке

Сентябрь 1941 года — март 1942 года

Начало блокады

Сентябрь — ноябрь 1941 года

Начало блокады Ленинграда совпало с переброской большей части группы армий «Север» на центральный фронт, где она приняла участие в наступлении на Москву. Получив передышку под Ленинградом, русские перегруппировали войска и предприняли ряд контратак, пытаясь разорвать кольцо блокады.

8 октября Красная Армия организовала наступление танковых частей, поддерживаемых пехотой, на позиции вермахта в Урицке. Оно было осуществлено силами 50 танков, включая бронемашину KB-1 и KB-2, только вышедшие из цехов ленинградского танкостроительного завода. Одновременно с этим противник предпринял высадку десанта примерно в пятнадцати километрах к западу от Петергофа.

Когда советские танки достигли линии фронта, большая их часть была уничтожена немецкими противотанковыми орудиями и пехотинцами. Однако несколько русских

бронемашин сумели прорвать нашу линию обороны и двинулись в направлении Урицка по Прибрежной улице, протянувшейся между утесом и кромкой воды Финского залива.

Выступая в роли корректировщика огня, я находился в одном из бункеров все еще не завершённой линии оборонительных сооружений и услышал звуки мощного артиллерийского обстрела примерно в полукilометре от меня. С присущим мне любопытством я устроился на вершине утеса, откуда с высоты 50 метров мог наблюдать за ходом боя. Добравшись до моего наблюдательного пункта, рядом со мной разместилась батарея, состоявшая из двух немецких 88-мм зенитных орудий. Хотя они предназначались для поражения воздушных целей, их конструкция позволяла также вести огонь горизонтально.

Вскоре внизу показались семь танков KV-1 и KV-2, за которыми следовали пехотинцы, державшиеся на близком расстоянии от них. Затем появилось еще несколько советских танков чешского производства T-35.

Тем временем зенитные расчеты быстро подбили ведущий танк. Остальные бронемашины, не имевшие пространства для маневра и не способные поднять вверх свои орудия, оказались в беспомощном положении. В течение 20 минут зенитные орудия один за другим подбили русскую бронетехнику, попавшую в ловушку на улице.

Под пулеметным огнем немецких солдат советские танкисты и пехотинцы попытались скрыться. Наши саперы, зашедшие им в тыл, устроили взрывы на дороге, отрезая им путь к отступлению. Тогда самые отчаянные из русских попрыгали в воду, однако вплавь вернуться к своим удалось лишь немногим. На следующий день остатки советских войск в Урицке и Петергофе были уничтожены. Потери Красной Армии составили 35 танков, 1369 убитых и 294 пленных.

Позднее русские значительно усилили роль танковых войск в своих наступательных операциях. Чтобы справиться с этой угрозой, во всех немецких дивизиях разработали несколько вариантов противодействия. Например, каждый полк был оснащен противотанковой ротой, имевшей скорострельные артиллерийские орудия. Несмотря на то что им обычно удавалось справиться с вражеской бронетехникой, в крайних случаях использовалась дивизионная артиллерия.

Как продемонстрировал бой на Прибрежной улице, 88-мм зенитки оказались самым эффективным противотанковым оружием. Правда, использовались они редко, лишь в экстремальных ситуациях.

После танкового наступления русских, когда возникло кратковременное затишье в боях, обер-фельдфебель Элерт провел с нами, небольшой группой солдат из взвода связи, экскурсию по недавно захваченному Петергофу и показал дворец эпохи русских царей, неподалеку от которого пытался высадиться десант Красной Армии. В это время и дворец, и его окрестности оставались целы, не пострадав в дни недавних боев.

Мы прошли по просторным красивым залам, где почти полностью отсутствовала мебель. В одной из комнат Элерт увидел пианино и, сев на табуретку, начал играть. Играл он прекрасно, мы до этого даже не подозревали о его великом таланте. Мы с восторгом и удивлением слушали в его исполнении прекрасные образцы классической музыки. Через огромные окна в комнату струился яркий солнечный свет. Было невозможно представить себе, что когда-то за этим пианино сидел русский царь, а его окружали члены его семьи и придворные.

Закончив свое виртуозное представление, Элерт открыл крышку пианино и извлек оттуда несколько листов нотной бумаги. Показав нам свою находку, он сложил листы несколько раз и спрятал этот сувенир в карман.

1 октября я получил звание обер-ефрейтора и постоянную должность корректировщика огня, что означало усиление моего взаимодействия с командиром роты. В начале ноября обер-лейтенант фон Кемпски, который заслужил наше уважение еще в дни оккупационной службы в Бельгии, получил назначение в штаб дивизии.

Его сменил лейтенант Мюнстерманн, который, к счастью, серьезно не пострадал от

шока во время артобстрела на берегу Плюссы, о котором я рассказывал ранее.

В середине октября стало холодно. Земля замерзла, и уже выпал снег. Примерно в это время мы смогли перебраться из нашего временного жилья в более прочные тыловые блиндажи, вырытые пехотинцами и саперами. Если блиндажи непосредственно на передовой давали нам дополнительную защиту и служили оборонительными опорными пунктами, то блиндажи в тылу служили нам зимними квартирами в Урицке.

Строя наши жилища за линией фронта, саперы следовали стандартной строительной технологии. Вырыв в земле яму глубиной по пояс площадью 15 квадратных метров, они возводили бревенчатые стены и потолок и присыпали крышу землей. Несмотря на то что при обстреле советской артиллерии и прямом попадании такая крыша вряд ли смогла бы защитить нас, эти укрытия хотя бы немного спасали нас от зимних холодов.

В Урицке по причине моей должности корректировщика огня мне приходилось проводить три четверти времени в разных блиндажах, расположенных вдоль всей передовой. В отличие от тыловых они представляли собой обычный крытый окоп с наблюдательной щелью. Когда выпадало много снега, мы насыпали его стеной на передовой перед блиндажами, чтобы по возможности скрыть свои передвижения от врага.

Если на передовой возникало затишье, я возвращался по два раза в день обратно в тыл. В наших тыловых блиндажах с земляным полом и стенами имелись лишь койки, стол и железная печка. Наши жилища были примитивны, но позволяли вполне уютно устроиться в них четырем-шести солдатам. Поскольку гаубицы 13-й роты располагались лишь в четверти мили от передовой, мои друзья Шютте и Зауке, которые теперь служили в артиллерийских расчетах, смогли поселиться вместе со мной и еще одним товарищем в нашем блиндаже. В подтверждение нашего ветеранского статуса в роте мы укрепили над входом табличку с надписью «Четыре старых мешка». Естественно, что мы пытались проводить большую часть свободного времени вместе с пятью-шестью другими нашими товарищами, знакомыми нам еще по Люнебургу.

Когда наступало затишье, наш блиндаж превращался в место для отдыха, сна, приготовления горячей пищи, игры в карты, чтения и написания писем. Он становился своего рода святилищем, позволял снять напряжение от изматывающего напряжения боев.

В ноябре 1941 года, сразу после того, как мы заселили наши новые жилища, начались свирепые холода, каких в Германии мы не знали.

В следующие месяцы ударили морозы с такими низкими температурами, что раненые с обеих сторон погибали от переохлаждения прежде, чем их успевали отвезти в тыловые госпитали. По моим оценкам, в первые зимние месяцы в России примерно треть потерь была вызвана сильными морозами. От холодов погибло также много наших раненых солдат группы армий «Центр», участвовавших в сражении под Москвой.

От низких температур отказывало и оружие, и техника. Если из оружия не стреляли регулярно и не предохраняли его от холода, то смазка попросту замерзала. Мои товарищи рассказывали мне, что собственными глазами видели, как застывали моторы машин. В связи с этим неизбежно возникали проблемы со снабжением, что иногда приводило к сокращению пайков до половины буханки хлеба на сутки. Хотя это было очень мало, мы знали, что жители окруженного нами Ленинграда получают хлеба еще меньше.

Вышеназванные проблемы привели к тому, что мы с опозданием примерно в полтора месяца получили зимнее обмундирование. Для выполнения боевых заданий по корректировке огня на передовой мне нужен был зимний камуфляжный костюм. К счастью, я одним из первых получил белую каску, белую накидку, белую шинель и белые штаны еще до наступления свирепых холодов.

Когда выпал глубокий снег примерно 30 сантиметров толщиной, мне стало проще передвигаться на лыжах между передовой и нашими тыловыми блиндажами. Кроме того, так было проще скрываться от огня русских снайперов.

Снайперы размещались в больших количествах в многоэтажных домах на окраине Ленинграда, находившихся на расстоянии мили от Урицка. Кстати сказать, они были лучше

обучены и экипированы, чем снайперы вермахта, которые считали советские винтовки более эффективными и предпочитали трофейное советское оружие своему, немецкого производства. Когда мне в руки попала такая снайперская винтовка и я смог опробовать ее, меня поразила ее точность.

Точность снайперского огня означала, что количество убитых из этих винтовок по сравнению с числом раненых было намного выше, чем количество убитых из другого вида оружия. Наши каски неплохо защищали от скользящих выстрелов пуль и шрапнели, но не выдерживали прямого попадания. Имея рост шесть футов, я быстро научился сгибать голову и стремительно передвигаться по особо опасным участкам передовой.

Несмотря на то что в Урицке для нас особую угрозу представляли вражеские снайперы, мы также несли высокие потери от артиллерийского огня противника. Артиллерия Красной Армии отличалась высокой точностью и по своей мощи не уступала артиллерии вермахта.

Еще одну опасность представляли для нас русские пулеметы. Они использовали главным образом разрывные пули и поражали цель даже на расстоянии полутора километров. В отличие от орудийных выстрелов узнать местоположение врага или определить степень угрозы по свисту пулеметных пуль было невозможно. Если вы слышите свист пуль, пролетающих у вас над головой, то вы в безопасности. Если же не слышите, то вы ранены или убиты.

Обморожения или переохлаждения мы боялись так же, как и советского оружия. Скользя по снегу на лыжах между передовой и тылом, я постоянно находился в движении и не так сильно подвергал себя воздействию холода, однако все равно однажды не избежал обморожения. Вернувшись как-то раз в наш блиндаж, я понял, что не чувствую больших пальцев ног. Сняв обувь, я увидел, что мои ступни побелели от холода, а пальцы полностью утратили чувствительность.

Меня предупреждали не обрабатывать обмороженные места горячей водой, и я решил вместо горячей воспользоваться холодной. Выйдя наружу, я стал медленно поливать ноги холодной водой и массировать большие пальцы. Я испытал жуткую боль, однако спустя двадцать минут кровообращение постепенно вернулось. Менее удачливые солдаты теряли от морозов пальцы рук и ног. Я думаю о том, что опоздай я вернуться в тепло хотя бы на час, я лишился бы пальцев ног.

Однажды вечером, возвратившись из караула, я обнаружил, что в нашем блиндаже устроили вечеринку по поводу того, что к нам в гости заглянул наш давний товарищ из другой дивизии. Тут же был открыт запас коньяка.

Ко времени моего возвращения они успели опрокинуть каждый по шесть рюмок и потребовали, чтобы я выпил «штрафную». Пришлось подчиниться. Затем мы продолжили попойку, и я в конечном итоге здорово напился. На следующее утро все проснулись с сильной головной болью. Такова была расплата за кратковременное забытье во время боев.

Позиционная война

Ноябрь 1941 года — март 1942 года

Когда я служил корректировщиком огня, меня постоянно сопровождал солдат из взвода связи, потому что мое знание азбуки Морзе было крайне ограниченным. Он передавал по телеграфу сведения о местонахождении цели артиллерийским расчетам, располагавшимся примерно в миле от нашего блиндажа. Когда я выкрикивал «еще пять!», это означало, что следует подкорректировать цель и перенести ее на пять метров вперед. Из фразы «десять вправо!» следовало, что необходимо сдвинуть ее вправо на десять метров. Связист передавал эти мои поправки артиллеристам.

Если мы удерживали какую-нибудь позицию более одного дня, как это было в Урицке, то наша рота обычно устанавливала полевую телефонную линию, ведущую в мой

блиндаж. Она была столь же надежна, как и телеграфная линия, и позволяла напрямую давать указания орудийным расчетам. Хотя у нас были радиопередатчики, мы редко пользовались ими из боязни быть перехваченными русскими связистами.

Перебираясь на новую позицию, я тщательно изучал местность по карте, чтобы определить направления возможной атаки советских войск. После этого я просил наших артиллеристов сделать пробный выстрел по координатам цели. Вторым выстрелом цель уточнялась окончательно. Затем я просил их назвать цель позицией «А» для более быстрой реакции при начале атаки. Назывались и другие позиции — «В», «С» и так далее. Иногда вместо букв использовались имена собственные.

Далее я произносил такую фразу: «Позиция «А», пять выстрелов, два орудия!» Когда враг стрелял один раз, мы понимали, что ведется такая же пристрелка цели. Вскоре вся ничейная земля превращалась в огромную смертоносную зону предварительной пристрелки.

Главная обязанность корректировщика огня, занявшего наблюдательный пост, — внимательно следить за всеми перемещениями противника и сообщить в подобном случае командиру роты. Он также должен по возможности быстро предупредить артиллеристов о готовности к бою.

В относительно активных боевых действиях, вроде тех, что разворачивались в Урицке, орудийному расчету требовалось всего две минуты, чтобы подготовить пушку и дать залп в том случае, если я не смог заранее предупредить их и сообщить координаты цели. Если бои носили прерывистый характер, артиллеристы чаще находились в своих блиндажах, чем возле орудий. В таких обстоятельствах время подготовки к выстрелу составляло четыре минуты. После начала обстрела или после получения предупреждения корректировщика снаряд попадал в цель примерно через тридцать секунд.

Во время атаки противника корректировщик огня должен одновременно выбирать количество и тип орудий и снарядов для правильного руководства огнем и быстрого и эффективного отражения атаки противника. Хотя во многом это вопрос военной науки, его действия в известной степени можно назвать и высоким искусством.

Во время продолжительных боев противники ведут плотный, но кратковременный заградительный огонь для уничтожения вражеских позиций. В отличие от Первой мировой войны, когда такой обстрел велся несколько дней или даже недель подряд, артиллерийские сражения на Восточном фронте велись снарядами меньшего калибра, которых использовалось в количественном отношении гораздо меньше. Обычно артобстрел продолжался не более двадцати минут, однако иногда мог длиться и целый час. В это время солдаты оставались в укрытии в окопах или блиндажах.

Как только начинался заградительный огонь по тылам противника, было очень важно занять оборону для отражения наступления вражеской пехоты. Чаще всего нам удавалось отбить атаки русских раньше, чем они успевали внедриться в наши оборонительные позиции. В некоторых случаях они достигали передовой и вынуждали нас отступить, однако мы быстро предпринимали контратаку силами резервов и отвоевывали свои прежние позиции. Благодаря прекрасным действиям нашей фронтовой разведки под Урицком, красноармейцы редко заставляли нас врасплох.

За время позиционной войны на фронте под Ленинградом количество войск немцев и русских было примерно равным, хотя частям Красной Армии недоставало нашего опыта, подготовки и уровня руководства. Противники постоянно совершали многочисленные разведывательные вылазки и более продолжительные атаки боем для прощупывания оборонительных позиций друг друга, а также захвата «языков». Занимаясь корректировкой огня и постоянно бывая на передовой, я постоянно оставался начеку, зная, что являюсь лакомой добычей для русских фронтовых разведчиков.

Если я замечал бойцов Красной Армии на открытом пространстве, то немедленно сообщал об этом в тыл и пытался направить на них огонь наших орудий. Наши тяжелые орудия имели большое преимущество над пулеметами, которое заключалось в их дальноточности. Одними пулеметами остановить натиск врага было невозможно, он мог

подойти очень близко к нашим позициям.

Когда наши части проводили разведку боем, мы были готовы в любую секунду открыть огонь, чтобы прикрыть их возможное отступление. Помимо прощупывания мощи советской обороны и захвата пленных, такие вылазки позволяли определить местонахождение артиллерийских орудий противника. При помощи подслушивающих устройств это делала специальная группа, дававшая нам возможность нанести мощный и точный удар по врагу.

Вскоре после Рождества Шютте пожаловался мне, что ему надоела монотонная служба в составе оружейного расчета. Одной холодной ночью мы решили совершить вылазку на занесенную снегом ничейную землю. Вооруженный одним лишь автоматом МР-40 и килограммом динамита, Шютте сумел проскользнуть мимо советских часовых и подползти к вражескому блиндажу. Забросив динамит в амбразуру, он крикнул: «Получайте ваш хлеб!»

Он повторил такую вылазку по меньшей мере еще один раз. Во втором случае я даже слышал взрыв динамита. То, что началось как несанкционированный поступок, вскоре получило одобрение начальства. По его рекомендации и по моей подсказке Шютте позднее наградили одним из высших орденов рейха — Золотым крестом.

Нам было хорошо известно бедственное положение с продуктами питания в Ленинграде. Мы часто обсуждали эту тему и всерьез опасались того, что городские власти погонят женщин и детей прямо на наши позиции. Стрелять в безоружных гражданских было бы невыносимо. В таком случае я бы просто накормил этих несчастных и отпустил обратно, убедившись в том, что противник в их числе не стал засылать к нам в тыл мужчин призывного возраста.

Примерно в то же время наша разведка узнала, что Красная Армия собирается запускать на наши позиции собак, обвешанных динамитом, специально обученных для подрыва нашего транспорта. Динамит должен был взрываться при помощи радиосигнала, который ловился антеннами, привязанными к спине животного, и приводил в действие взрыватель.

Несмотря на то что таких собак у русских было крайне мало, начальство приказало нам отстреливать всех животных, приближавшихся к нашим позициям. Это был крайне неприятный приказ для большинства из нас, но мы были вынуждены его выполнять. Со временем война ожесточает человеческие сердца и заставляет совершать зверские поступки, о которых вы даже не помышляли в мирной жизни.

В начале 1942 года к нам на передовую прибыл журналист немецкоязычной газеты, издававшейся в столице Эстонии. Он побеседовал с несколькими солдатами и когда попросил разрешения сфотографировать меня, то я согласился. К моему великому удивлению, 2 апреля 1942 года моя фотография появилась на первой странице «Ревалер Цайтунг». Ее сопровождала такая подпись: «Этот немецкий солдат, которого можно увидеть в окопах, молод, энергичен и уверен в победе». Хотя я с юмором воспринял эти слова, они тем не менее точно отражали высокий моральный дух, который мы испытывали в те далекие дни.

В начале марта командование группы армий «Север» приказало нашей дивизии начать подготовку к передислокации. Через пару дней ночью мы оставили наши позиции, которые тут же заняли полицейские части. В них входили офицеры полиции, добровольно пожелавшие служить в пехотной дивизии и дивизии войск СС, в составе которой были добровольцы из Швеции, Норвегии и Дании.

Скандинавы в своей массе отличались высоким ростом. Их головы были видны над сугробами, наваленными перед окопами, и они часто делались добычей советских снайперов. Еще до ухода из Урицка мы узнали, что в первый же день на передовой погибло около десятка солдат из этих стран. Это послужило им хорошим уроком, и они по достоинству оценили меткость русских снайперов.

Когда мы покидали Урицк, наша уверенность в скорой победе заметно пошла на

убыль. Нам стало ясно, что война в России затянется надолго. Тем не менее я по-прежнему считал, что победа над Россией — дело решенное, это лишь вопрос времени.

За линией фронта

Урицк был зоной боевых действий, почти полностью покинутой обитателями. Однако около сотни гражданских жителей там еще оставалось, по преимуществу женщины и дети. Они держались от нас на расстоянии, но не проявляли видимой враждебности к нам. Движимый любопытством и желанием ближе узнать быт русских, я решил побывать в одном из домов. Я попал в маленький чистый домик, где при помощи жестов сумел пообщаться с его жильцами. Хотя после этого русские, по всей видимости, стали более человечно относиться ко мне, их истинные чувства к немцам скрывались под маской невозмутимости.

Несколько русских военнопленных и одна местная девушка работали на нашей ротной кухне, размещавшейся в тылу, в двух-трех километрах от передовой. Неудивительно, что у девушки завязались романтические отношения с кем-то из наших поваров. Военные правила запрещали подобное общение с местным населением, в основном из опасений, что оно может шпионить в пользу советских войск.

Хотя это была настоящая романтическая связь, о которой мне было известно из первых рук, в нашем полку я знал солдат, которые пользовались хроническим голодом местных молодых женщин для удовлетворения своих сексуальных потребностей. Захватив буханку хлеба, они отправлялись за пару километров от линии фронта, где за еду получали желаемое у голодных русских женщин и девушек.

Я слышал байку о том, как один особенно бессердечный солдат в ответ на требование об «оплате» отрезал женщине лишь пару ломтей хлеба, а остальное оставил себе. Большинство немецких солдат и офицеров не одобряли подобное поведение, но мне не известен ни один случай наказания за такой проступок.

Достаточно трудно объяснить тот факт, что большинство из нас не испытывали сильного желания вступать в интимные отношения с местными женщинами, типичного и нормального для молодых здоровых мужчин. Вполне естественно, что в качестве объяснения был в ходу такой слух: наши повара по тайному приказу начальства подмешивают нам в пищу какое-то средство, отбивающее сексуальные желания. Хотя такое было вполне возможно, истинное объяснение нашего низкого либидо до сих пор остается для меня загадкой.

После того как был преодолен кризис первой зимы в России, снабжение продовольствием на Восточном фронте оставалось стабильным в течение всей войны. Во время тяжелых боев или на марше квартирмейстер нашей роты снабжал нас исключительно консервами с тунцом, сардинами, селедкой или колбасой, а также галетами или хлебом, который мы хранили в особом мешочке, цеплявшемся к поясному ремню.

В дни позиционной войны нам из обоза доставляли продукты и почту, которые раздавали по блиндажам. Обычно из ротной полевой кухни приносили бачок с горячим супом и доброй порцией колбасы, говядины или свинины с картофелем. Из дивизионной пекарни доставлялись круглые караваи черного хлеба, а также масло и изредка сыр, предназначенные для завтрака. Квартирмейстер нередко баловал нас и шоколадом. Поскольку натуральный кофе был редкостью, мы обычно пили так называемый эрзац-кофе.

Кормили нас в основном сытно, но достаточно однообразно. В иных обстоятельствах нам давали дополнительные пайки, чтобы скрасить непривлекательную солдатскую еду. Зимой мы регулярно получали порцию водки. На Рождество и Пасху каждому доставалась бутылка коньяка, которую мы растягивали на три-четыре дня. У раненых в тыловых госпиталях, идущих на поправку, еда была вкуснее и разнообразнее — ростбиф, жареная свинина, курятина или вареная колбаса.

Даже если нам удавалось разжиться дополнительно картофелем или мясом, чтобы немного разнообразить рацион, мы ничего не могли приготовить сами, потому что у нас не

было никакой кухонной утвари. В таких случаях мы передавали найденное нашему ротному повару, чтобы тот приготовил что-нибудь для нас.

В редких случаях нам удавалось отыскать кое-какие продукты, которые не требовали приготовления. Хотя большая часть русских домов сгорела дотла, мы как-то нашли в погребе заброшенного дома бочку маринованных помидоров, которыми лакомились несколько дней.

По мере того как война принимала позиционный характер, возникала проблема санитарии и гигиены, и первой же необходимостью являлось сооружение уборной. Простейший солдатский нужник представлял собой несколько досок с отверстиями, положенных на яму.

В известном смысле наши позиции, проходившие по окраине города, имели некие преимущества, потому что там можно было найти пусть скромное, но все-таки жилище. В некоторых трехэтажных деревянных домах в Урицке даже имелись уборные. Однако они имели одну особенность. Вместо канализационных труб использовались узкие деревянные желоба, находившиеся внутри стен. Нечистоты с шумом сливались вниз, и каждый раз, когда кто-то пользовался уборной, это было слышно во всем доме.

Полагая, что найду приятную альтернативу нашим солдатским нужникам, я как-то раз воспользовался такой уборной. На следующий день я обнаружил неприятные последствия такого «визита». У меня отчаянно зачесалось в паху. Стало ясно, что люди, посещавшие эту уборную, «награждали» друг друга различными заболеваниями. Отличавшаяся по размеру от платяной вши, лобковая вошь была практически невидима и причиняла жуткое неудобство. Смущенный мыслью о том, что товарищи посчитают, что я подхватил это удовольствие у кого-то из местных женщин, я выбрил себе лобок, но чесотка продолжалась. Будучи не в силах далее терпеть эти муки, я обратился к врачу, выдавшему мне специальную мазь. Ее применение вызывало болезненное жжение, однако через неделю избавило меня от мерзких паразитов.

Соблюдать личную гигиену приходилось с великими трудностями, да и тогдашние ее военные стандарты были гораздо ниже современных. Нам лишь изредка удавалось соорудить что-то вроде ванны или душа или искупаться в речной или озерной воде. Чаще всего мы мылись с помощью небольшого количества воды и куска мыла примерно раз в неделю, да и то, если бои прекращались. Зубной щетки у меня не было, и я чистил зубы, намазав палец зубной пастой. Это делалось один-два раза в неделю. Брился я не часто, через неделю.

Зелено-серый мундир вермахта, состоявший из кителя и штанов, носился поверх нижней рубашки и кальсон из хлопка. Среди деревьев или кустарника мы легко сливались с окружающим пространством, однако на открытых пространствах полей мы смотрелись, как силуэты верблюдов над горизонтом пустыни.

Мы также носили носки и кожаные сапоги. Несмотря на то что мундиры и сапоги отличались прочностью, дивизионным квартирмейстерам все равно приходилось выдавать нам новое обмундирование два раза в год, когда старое снашивалось. В 1941 году мне выдали штаны для верховой езды, сшитые из более плотного материала, а также пару кавалерийских сапожек высокого качества. Согласно правилам вермахта офицеры должны были покупать форму, однако получали отрез материала в виде вещевого довольствия, благодаря чему цена обмундирования существенно снижалась.

Солдатская форма в целом была пригодна для ношения в разных климатических условиях, однако никак не подходила для тех холодов, которые мы испытали в Урицке. После того как суровой зимой 1941/1942 года мы получили утепленную белую форму, стало ясно, что она не слишком согревает в свирепые русские морозы.

Имея только два комплекта обмундирования, мы старались при первой же возможности устроить стирку. От ношения одного и того же нижнего белья по две-три недели подряд солдаты почти постоянно мучились от болезненных расчесов, вызываемых укусами вездесущих платяных вшей, не боявшихся даже сильных морозов. Мы видели их и постоянно чувствовали присутствие этих несносных созданий. Снимая одежду, мы уничтожали паразитов, но избавиться от них полностью не представлялось возможным.

Однако в отличие от солдат Первой мировой войны, нас не слишком беспокоили крысы.

В такой стрессовой обстановке было неудивительно, что три четверти солдат курили. Хотя в юности я никогда не баловался сигаретами, во время боев в России я тоже пристрастился к табакокурению. Порция табака, выдаваемого нам, была ничтожно мала, и поэтому сигареты стали своего рода валютой. Их меняли на еду или играли на них в карты.

Азартные игры представлялись мне глупостью, но я все-таки порой составлял своим товарищам партию, когда они садились играть в карточную игру «скат». Курение, выпивка или азартные игры и прочие формы отдыха давали возможность на время забыть о тяготах войны.

Главным образом мы развлекали себя сами, однако вермахт иногда устраивал для нас развлекательные мероприятия в тылу. Примерно два раз в год нам давали увольнительную и отпускали с передовой, в зависимости, разумеется, от боевой обстановки. Главным местом отдыха такого рода в Ленинградской области был Красногвардейск. Хотя он находился всего в 15–25 километрах к югу от Урицка, я лишь раз провел в нем целые сутки.

Для нас в Красногвардейске организовывались футбольные матчи между командами разных дивизий и прочие спортивные состязания, однако не все солдаты были большими любителями спорта, и многие из них пытались провести увольнительную в обществе местных женщин. Армейские бордели для этих целей не организовывались, однако руководство привозило «для развлечения войск» женщин из Германии. Ходили слухи о том, что на базы люфтваффе из стран оккупированной Европы регулярно на двух транспортных «юнкерах» привозили женщин для сексуальных утех наших летчиков. Мне не хотелось в Красногвардейске заниматься подобными вещами, и я сходил на немецкое кладбище и посетил местный театр, в котором показывали эстрадное ревью.

Хотя во время войны в России нам не хватало радиоприемников, после того как мы поселились в блиндаже, у нас появилась возможность часто слушать «Народный концерт» и другие музыкальные программы из Германии, которые транслировались для немецких солдат, находившихся на фронте. Иногда мы подпевали популярным мелодиям вроде «Лили Марлен» или «Эрики». Они напоминали нам о доме и наших девушках, которые ждали нас на родине. Во время редких религиозных служб мы пели песни «Собираемся вместе» и «Могучая крепость наш Господь», дававшие нам душевное успокоение.

Несмотря на то что на пряжках армейских поясных ремней была выгравирована фраза «С нами Бог», религия и вера никогда не играли особой роли в жизни немецких солдат в годы войны. У нас были дивизионные священники, однако солдаты видели их лишь во время нечастых религиозных служб или находясь в тылу, в госпитале, когда начинали выздоравливать. Хотя священники иногда устраивали массовые молебны перед большими сражениями, я знал, что молились лишь немногие солдаты. Если бы вера играла большую роль в жизни немецких солдат, то, возможно, они были бы более совестливыми и с большим уважением относились к человеческой жизни.

Несмотря на запреты, наши солдаты довольно часто отправляли домой посылки с такими типично русскими вещами, как иконы, или прочими сувенирами. Чаще всего в Германию посылались вещи, найденные на поле боя или отобранные у пленных красноармейцев, вроде личного оружия или наград. Как правило, военные власти смотрели сквозь пальцы на подобное поведение.

Когда солдат воюет в чужой стране за тысячи километров от родного дома, письма с родины приобретают для него огромную значимость и поддерживают его моральный дух. Из-за запретов военной цензуры мы не могли писать о своих воинских частях, местонахождении или участке фронта. Несмотря на это, письма, отправляемые в Германию, позволяли нам ненадолго забыть об ужасах войны и давали возможность нашим родным узнать, что с нами все в порядке. Я получал письма от матери и других членов семьи три-четыре раза в месяц.

В начале 1942 года наша с Аннелизой переписка увеличилась до двух-трех писем в месяц. Несмотря на то что она все еще была обручена с сыном хозяина цветочного магазина,

я продолжал надеяться, что когда-нибудь мы снова будем вместе. Мы никогда не упоминали в письмах ее жениха, но Аннелиза сообщала мне, что сомневается в том, что станет его женой, потому что ей стало известно, что он употребляет наркотики и у него возникли какие-то серьезные проблемы. Хотя я понимал, что она пока не готова порвать с ним, меня радовало, что тональность ее писем сделалась более сердечной.

Подобно остальным солдатам, я по несколько раз перечитывал письма из дома и регулярно отвечал на них. Я считаю, что письма из дома — один из важных факторов, формирующих боевой настрой солдата, потому что он понимает, ради кого воюет. В дни войны такие письма были для нас не менее важны, чем хлеб.

Глава 9

Контрнаступление под Волховом

Март — август 1942 года

В начале декабря 1941 года Красная Армия развернула крупномасштабное контрнаступление, которое отбросило обратно на запад части немецкой группы армий «Центр», пытавшейся захватить Москву. Вместе с этой боевой операцией русские развернули еще несколько операций по всему фронту.

13 января 1942 года советские войска начали наступление на позиции вермахта на реке Волхов, южнее Ленинграда. Оно было предпринято для того, чтобы разомкнуть кольцо блокады, сжавшейся вокруг бывшей столицы Российской империи. Через несколько дней оно распространилось на половину расстояния до Ленинграда, однако группа армий «Север» преодолела создавшийся кризис и вскоре стабилизировала линию фронта. Верховное командование вермахта отдало приказ 58-й пехотной дивизии и другим частям отправиться на Волховский фронт и отрезать передовые части наступающей группировки советских войск от их тылов.

Покинув в начале марта Урицк, пехотинцы нашей дивизии на машинах направились прямо на юг. Тем временем наша рота и другие артиллерийские подразделения на поезде выехали в южном направлении окольным путем протяженностью примерно 300 километров. Ни одна из групп не знала, что место назначения — река Волхов. Нам было известно лишь то, что мы должны остановить наступление русских войск. Прибыв на железнодорожную станцию, расположенную к югу от места боев, наша рота оказалась на передовой на неделю позже пехотинцев.

Немецкое контрнаступление началось 15 марта. В условиях минусовой температуры пехотинцы нашей дивизии и другие немецкие части выдвинулись на север вдоль западного берега широкой реки Волхов. Одновременно с нами другие части вермахта направились на юг, чтобы соединиться с нами и заблокировать передовые части Красной Армии. Это произошло 18 марта. Мы взяли в клещи или, как еще говорится, «загнали в котел» 180 тысяч красноармейцев.

Несмотря на то что бой кипел примерно в миле от нас, наша рота и другие артиллерийские подразделения брели по пояс в снегу, продираясь сквозь густой лес, чтобы занять огневые позиции, выбранные нашим полковым передовым дозором. Выбор был удачен — они находились на господствующей над равниной высоте, и весной местность вокруг нее превратилась в непролазную топь. Будучи корректировщиком огня, я разместился неподалеку от нашей пехоты на соседнем участке передовой, действуя за сложенными из бревен укреплениями, окружившими «котел» по периметру.

Как только наши гаубицы произвели первые пристрелочные выстрелы, стало понятно, что верхушки деревьев густого леса создадут нам проблемы, скрыв от наших глаз перемещения противника. Если один из наших снарядов преждевременно попадет в дерево, то оно упадет или поранит дождем щепок наших солдат, находящихся неподалеку. При падении снаряд должен находиться на достаточно крутой траектории, чтобы

беспрепятственно попасть в цель, движущуюся среди лесов. Чтобы преодолеть подобные препятствия, стволы пушек должны быть подняты на максимально возможную высоту под углом примерно 45 градусов к поверхности земли.

Попав в окружение, советские войска мгновенно отреагировали на это. Хотя части Красной Армии, взятые нами в клещи, численно превосходили нас и имели превосходство в танках, им пришлось вести ожесточенные бои, чтобы вырваться из «котла». В конце еще одной недели мощных боев главная ось их контратак прорвала наши позиции примерно в 800 метрах к северу от того места, где я находился. Русским удалось сомкнуться со своими частями на восточном берегу Волхова через коридор шириной в полтора километра. Используя старые, мощные бревнами дороги, которые образовывали по форме нечто вроде решетки, окруженные нами части Красной Армии теперь имели потенциальную возможность получать подкрепления. В этом коридоре имелись три главные дороги, протянувшиеся с востока на запад, которые мы называли соответственно «Фридрих», «Эрика» и «Дора». Под прямым углом их пересекали следующие дороги — «Запад», «Центр», «Крейпе» и «Юг».

После того как линия фронта стабилизировалась, я занял место в 700–800 метрах к югу от «Доры». Теперь главная задача нашей роты заключалась в поддержке пехоты, занимавшей оборонительные позиции. Вторая задача состояла в ведении беспокоящего огня по проходящим через коридор частям Красной Армии. Это должно было помешать русским расширить коридор, обе стороны которого мы обстреливали из ста двадцати 105-мм орудий. Для этой цели командование также использовало бомбардировщики «штука», беспощадно бомбившие красноармейцев.

В отличие от Урицка, где возникали долгие перерывы в боях, воздух над Волховом день и ночь был наполнен гулом артиллерийских снарядов и свистом пулеметных очередей.

Бои на болотах

Апрель — июнь 1942 года

Когда в начале апреля началась оттепель, весь Волховский фронт стремительно превратился в огромное топкое болото. Теплая погода сначала нас обрадовала, однако позднее мы обнаружили, что боевые действия в жарких болотных испарениях — скверная вещь.

Несмотря на бомбардировки нашей авиации, русским каким-то чудом всего за месяц удалось соорудить узкоколейку прямо посреди коридора. После этого она стала нашей главной целью, однако ураган немецких бомб и снарядов мог лишь помешать передвижению советских войск, но никак не остановить его. Тем не менее наши усилия существенно замедлили скорость продвижения вражеских войск по этому пути.

Обычно мои ежедневные обязанности корректировщика протекали следующим образом. Я находился примерно в 50 метрах от передовой и направлял огонь наших орудий на цели, двигавшиеся по дороге «Дора», однако добиться эффективности стрельбы было трудно из-за деревьев, скрывавших противника. Наши гаубицы обстреливали ближние участки этой дороги, оставляя дальние дивизионной артиллерии.

По меньшей мере раз в день возникало какое-нибудь подозрительное движение в кустарнике, росшем вдоль вражеских позиций, от которых местами нас отделяло всего 50 метров. В таком случае я просил обрушить на такое место пять-десять снарядов из наших 75-мм гаубиц. Это делалось для того, чтобы помешать сосредоточению вражеских войск и предотвратить их атаку. После этого наши пехотинцы начинали пулеметный обстрел, чтобы уничтожить еще оставшегося в живых врага.

Подобные скопления советских войск возникали относительно редко, однако существовала постоянная опасность проникновения противника на наши позиции.

Внимательно осматривая высокую траву и кустарник позади меня, я всегда оставался

начеку, опасаясь красноармейцев, которые могли прорваться через линию фронта поодиночке или небольшими группами. Желая обезопасить себя, мы стреляли по ночам в разные стороны, даже если не раздавалось подозрительных звуков.

Находясь на заболоченной местности, нам было трудно защищаться от вражеского огня из-за нехватки нормальной системы траншей и подземных блиндажей. Вместо них приходилось ограничиваться стеной из толстых бревен высотой в полтора метра, протянувшейся вдоль передовой.

Снабжение продовольствием и боеприпасами из обоза, которые подвозились артиллерийским расчетам, находившимся позади меня, осуществлялось под покровом темноты.

Чтобы не угодить в болото, передвигаться приходилось по особой сети «вельветовых тропинок», которые получили свое название потому, что представляли собой положенные рядом бревна. Такие узкие проходы соединяли периметр передовой с огневыми позициями орудий, располагавшимися в 800 метрах от нас, в тылу, где наша рота спала и принимала пищу. Шагнув с подобной тропинки в сторону, можно было сразу угодить в жидкую грязь почти по колено.

Ходя по «вельветовым тропинкам», я не выпускал из рук автомат и был готов в любую секунду открыть огонь по врагу, просочившемуся на наши позиции. Для прячущегося в траве противника я мог бы стать легкой целью. Психологическое напряжение, вызванное постоянной опасностью, на Волхове было даже сильнее, чем боязнь стать жертвой советского снайпера в Урицке.

В тылу я часто виделся с Шютте и Зауке, однако обстановка была такая сложная, что нельзя было даже мечтать о коротком отдыхе за игрой в карты или перекуре в обществе друзей. Поскольку мое присутствие на передовой было жизненно необходимо для наших артиллеристов, ночевать мне приходилось на линии фронта. И там, и в тылу мы устанавливали непромокаемые палатки на бревенчатый настил, чтобы они не утонули в грязи. Остаться чистым или сухим в таких условиях, разумеется, никому не удавалось.

Местные болота кишели комарами, от которых невозможно было скрыться. Они проникали даже через специальные сетки, натягиваемые поверх палаток. Это усугубляло наши мучения, вызванные вечными вшами, и не давало спокойно спать. Горячий суп стал роскошью, наши пайки состояли главным образом из галет и консервированного тунца или колбасы. Хотя мы не теряли бодрости духа, недостаток сна и скверное питание, а также чудовищное напряжение, вызванное боями, доставляли нам бесконечные физические и моральные страдания.

В середине мая Красная Армия отказалась от попыток возобновить наступление на Волховском фронте. Воспользовавшись этим, 22 мая мы начали наступление по всему периметру «котла». В конце месяца 58-я дивизия и другие части вермахта сломили сопротивление советских войск и снова взяли их в клещи.

По мере сжимания границ «котла» русские стали отчаянно сопротивляться, и их и без того отчаянное положение еще больше ухудшилось. Советская артиллерия продолжала обстреливать нас с восточного берега Волхова, однако окруженные красноармейцы испытывали серьезный недостаток в боеприпасах и военном снаряжении и поэтому не могли дать нам достойный отпор.

Попавшие в «котел» русские солдаты предпринимали отчаянные, самоубийственные атаки на наши позиции, испытывая сильное моральное давление со стороны своих политических комиссаров или политруков. При сильной нехватке винтовок советские командиры заставляли рядовых идти в бой без оружия, чтобы они могли подобрать оружие своих убитых товарищей. Однажды я собственными глазами наблюдал подобную картину, когда прямо на меня бежал безоружный русский солдат.

От пленных бойцов противника наша разведка выяснила, что позади атакующих советских частей, шедших на верную смерть, стояли специальные заградительные отряды с пулеметами, готовые стрелять в тех своих соотечественников, кто не выдержит и побежит

назад. Противнику удалось организовать пару мощных атак, которые ненадолго прорвали линию фронта, однако он понес при этом огромные потери, не добившись поставленной цели. Мы видели убитых русских солдат, чьи бесчисленные тела устилали открытое пространство перед нами.

Вернувшись одним июньским утром на фронт, я занял свой обычный наблюдательный пост в нескольких футах справа от него вместе с нашим солдатом, вооруженным новым мощным пулеметом MG-42. По причине своей высокой скорости стрельбы MG-42 производил характерный звук, напоминающий треск разрываемой ткани. Главное его достоинство состояло в высокой надежности даже в условиях Волхова с вечной влажностью и грязью.

Как это часто бывало, пулеметчик был со мной незнаком, и мы постепенно завязали разговор, вместо того чтобы следить за перемещениями противника. Спустя полчаса после моего прихода русские предприняли атаку на наши позиции на ничейной земле, густо поросшей кустарником. Пулеметчик тотчас же открыл по ним огонь, а я попросил наших артиллеристов обстрелять из 75-мм орудий цели, находившиеся в 25 метрах передо мной.

Когда красноармейцы подошли к нам еще ближе, я поддержал пулеметчика выстрелами из автомата. Несмотря на то что ответных выстрелов не последовало, а противник был плохо виден среди кустов, мы продолжали простреливать пространство перед собой. Вскоре на противника обрушились снаряды наших артиллерийских орудий.

Когда ствол пулемета раскалился от непрерывной стрельбы, мой новый товарищ сбросил его в лужу, и над водой тут же поднялась струйка пара. Поставив новый ствол, он продолжил стрельбу. Вскоре его окружали кучи отстрелянных гильз.

Наша непрерывная стрельба не прекращалась следующие полчаса. Опустошив третью или четвертую автоматную обойму, я спрятался за деревянным бруствером, чтобы за 15 секунд перезарядить автомат. В это мгновение до меня дошло, что пулемет замолчал. Я подумал, что пулеметчик, по всей видимости, снова меняет ствол.

Посмотрев вправо, я увидел, что он лежит на земле. В следующую секунду я заметил пулевое отверстие в его виске, чуть ниже края каски, из которого вытекала струйка крови. Выстрел, убивший моего товарища, был не слышен в шуме боя, однако точность попадания свидетельствовала о том, что он стал жертвой вражеского снайпера.

В разгар боя времени на раздумья о судьбе убитого у меня не было, однако в моей голове мелькнула мысль о том, что вместо него я мог бы лежать сейчас с пулей в голове, если бы не пригнулся или если бы моя обойма истоцилась несколькими секундами позже.

Прячась за бревнами пулеметного гнезда, я бросился к следующей стрелковой ячейке, чтобы сообщить товарищам о том, что пулеметной поддержки на их участке больше не будет. Если пехотинец ни в коем случае не стал бы покидать свой окоп, то мои обязанности корректировщика огня позволяли мне удалиться с уязвимо для вражеского огня участка передовой и избежать судьбы несчастного пулеметчика, имени которого я так и не запомнил.

28 июня суровые сражения на Волховском фронте, в которых мы участвовали три с половиной месяца, закончились победой немецкого оружия. Верховное командование вермахта объявило о том, что мы взяли в плен примерно 33 тысячи красноармейцев и в качестве трофеев — 650 пушек, 170 танков и три тысячи автоматов. Среди пленных был советский генерал Власов, который позднее возглавил так называемую Российскую Освободительную Армию (РОА), состоявшую из пленных, которая позднее воевала на стороне вермахта против коммунистического правительства Советского Союза. После войны советские власти признали Власова изменником и казнили. Немецкие войска, участвовавшие в боях на Волхове, также понесли большие потери. Оставшиеся в живых солдаты находились в состоянии, не намного лучше, чем советские пленные. Например, я потерял около 10 килограммов веса, который теперь составлял чуть больше 70 килограммов, но в отличие от других моих товарищей особых проблем со здоровьем у меня, к счастью, не возникло.

Проходя вместе с колонной наших солдат по местам недавних боев, я видел на горизонте лишь высокие пни на месте прежних густых лесов. Останки убитых русских

солдат, устилавшие землю, издавали жуткое зловоние

Сражение на Волхове проходило в невообразимо тяжелых условиях, однако наши военные успехи укрепили в нас веру в собственные силы и неизбежность победы на Восточном фронте. Начавшееся летом новое наступление в южной России убедило нас в том, что победа не за горами.

Ораниенбаумский котел

1 июля — 11 августа 1942 года

1 июля 1942 года 58-ю пехотную дивизию перебросили на расстояние 120 километров к северо-западу от периметра Ораниенбаумского котла. Мы были в 25 километрах западнее наших старых позиций близ Урицка. Здесь советские войска оказались отрезанными от основной группировки Красной Армии и были окружены нами, точнее, взяты в полукольцо. Они оказались в «котле», за спиной у них были воды Финского залива.

Хотя наша дивизия стояла в Ораниенбауме на расстоянии всего 25 километров от линии фронта, сложившаяся обстановка дала нам относительную передышку от боевых действий. Вскоре после прибытия на новое место командир нашей роты представил меня к награждению значком за участие в боевых действиях. Подобно другим подобным медалям он вручался не за конкретный поступок, а по совокупности боевых заслуг.

Хотя в Ораниенбауме пока не было сильных боев, дивизионные орудия постоянно помогали пехоте отбивать ежедневные попытки русских проникнуть на наши позиции. По словам пленных, целью подобных вылазок был захват наших пулеметов МГ-42, действие которых я впервые увидел на Волхове.

Наши фронтовые разведчики, как и в Урицке, также совершали вылазки на ничейную землю. Они уходили на задание группами по двенадцать человек, иногда по сто. Они производили разведку вражеских позиций и старались захватить «языка». В таких случаях мне приходилось оставаться в состоянии готовности в любую минуту попросить у наших артиллеристов огня для прикрытия их отступления при возникновении опасных ситуаций. Чаще всего такой необходимости не возникало, однако пару раз мы приходили на помощь нашим разведчикам.

Несмотря на то что редкие бои в Ораниенбауме все-таки происходили, наше двухмесячное пребывание в этом месте позволило нашей дивизии немного восстановить силы и получить подкрепление. Три с половиной месяца непрерывных боев на Волхове были для нас полной неожиданностью. В обычных обстоятельствах после трех-четырёх недель тяжелых боев нашим солдатам разрешался отпуск.

На относительно спокойном фронте вроде Ораниенбаумского солдаты проводили на передовой 80–90 процентов своего времени. Несмотря на то что отправки в тыл были нечасты, нам иногда удавалось найти время для отдыха в блиндаже, игры в карты или написания писем домой. Как и во многих других отношениях, наша минометная рота находилась в лучших условиях, чем любая пехотная рота, особенно в том, что касалось соотношения времени, проводимого на передовой и в тылу.

1 августа мне присвоили звание унтер-офицера, а спустя неделю вручили медаль, которую мы называли медалью за «мороженое мясо», то есть за выживание в условиях свирепых русских холодов. Но самым важным для меня было получение трехнедельного отпуска, отсчет которого велся с 11 августа. Покинув Ораниенбаум, я совершил путешествие в Германию, преодолев 1500 километров пути. В последний раз я виделся со своей семьей и Аннелизой в ноябре 1940 года, и поэтому мне было трудно поверить в то, что я действительно возвращаюсь домой.

Первый отпуск из России

11–30 августа 1942 года

Когда мы прибыли в Тильзит, город в Восточной Пруссии, и достигли границ рейха, военные власти потребовали, чтобы все отпускники прошли санитарную обработку. Нашу одежду и личные вещи отнесли в большую комнату, где обработали особым составом, а нас отправили принимать горячий душ. Освободившись от вшей, мы последовали дальше в Германию. При мысли о том, что хотя бы на время покидаю Россию, я испытал огромное облегчение.

Через три дня после отъезда из Ораниенбаума я прибыл в Пюгген. На этот раз моя семья приняла меня даже еще более тепло, чем в мой приезд домой из Бельгии.

За те 20 месяцев, что я отсутствовал, мои сестренки так сильно выросли, что я просто не узнал их, особенно пятилетнюю Маргариту. Общение с ней, наши игры стали моим самым светлым воспоминанием об отпуске.

Прием, который мне оказали мои близкие, заставил меня почувствовать себя настоящим героем. Например, мать кормила меня лакомствами, которым завидовали мои братья и сестры.

Однако, несмотря на все их усилия порадовать меня, я так и не смог до конца насладиться блаженством домашней обстановки, как в мой приезд домой после Французской кампании. Солдат, вернувшийся на родину в отпуск из России, становится другим человеком. Я так и не смог до конца избавиться от напряжения, присущего тяжелой жизни в боевых условиях.

Хотя хорошо знакомая череда дел на родной ферме немного успокоила меня, мне потребовалось еще много лет, чтобы избавиться от вызванного войной стресса. Тем не менее многие события, которые я пережил на войне, оставили в моей душе и памяти неизгладимый след.

Хотя сама ферма осталась прежней, как и в дни моей юности, в Пюггене произошли некоторые перемены. К этому времени власти начали отправлять на промышленные предприятия и фермы в качестве даровой рабочей силы военнопленных или угнанных из оккупированных стран гражданских лиц. После победы над Польшей в 1939 году в нашей деревне оказалось несколько пленных поляков. В следующем году к ним прибавились пленные из Франции и Бельгии.

В отместку за малую лояльность нашей семьи нацистскому режиму местные власти приказали отцу, ставшему теперь членом фольксштурма, народного ополчения, охранять примерно 20 пленных, проживавших в нашей деревне. Его обязали по ночам дежурить в пивной, располагавшейся на той же улице, что и наш дом, в то время как пленных запирали в зале для танцев.

Моему отцу было уже за пятьдесят, и он вряд ли справился бы с пленными, если бы те задумали бежать. К счастью, он установил с ними нормальные отношения, и поэтому никаких проблем между ними не возникало. Один из бельгийцев часто говорил ему: «Ну что же, герр Люббеке, вам не вечно придется сторожить нас. Придет время, и мы поменяемся местами — вы станете нашим пленником».

На нашу ферму также прислали работника из числа военнопленных, поляка по имени Зигмунд, фабричного рабочего из Лодзи. Моя семья обращалась с ним, как с обычным батраком-немцем, вместе с ним работала на поле и решала общие проблемы. Несмотря на то что согласно правительственным правилам пленные должны были питаться отдельно от немецких семей, мать все равно усаживала Зигмунда за наш обеденный стол, и тот ел вместе с моими родственниками. Власти в конечном итоге разрешили пленным жить на фермах. Получив соответствующее разрешение, моя семья выделила Зигмунду комнату в бывшем домике моего деда. Позднее у нас жили два пленных бельгийца. Несмотря на такие изменения, жизнь в Пюггене казалась вполне нормальной, и ее, похоже, не особенно коснулась война.

21 августа я выехал из Пюггена в Гамбург, чтобы повидаться с Аннелизой. Хотя с

нашей последней встречи прошло немало времени, участвовавший обмен письмами снова сблизил нас, правда, Аннелиза по-прежнему была обручена с сыном хозяина цветочного магазина.

Прибыв в Гамбург, я встретился с ней неподалеку от ратуши, на другой стороне реки Альстер. Теперь она работала на новом месте, уйдя еще весной из магазина на главном вокзале. В тот день мы легко восстановили былую интимность и сердечность наших прежних отношений, разговаривая обо всем на свете и беспечно гуляя по городу. Именно о таких минутах я мечтал, замерзая в снегах Урицка и ковыляя по топким болотам Волховского фронта.

Увидев ее снова после долгой разлуки, я впервые стал задумываться о том, что Аннелиза могла бы стать мне превосходной женой, несмотря на то что она все еще остается чьей-то невестой.

Будучи не в силах скрыть переполнявшие меня чувства, я сказал:

— Извини, мне не хотелось вмешиваться в твою личную жизнь, но должен признаться — я люблю тебя!

Я думал, что Аннелиза вольна принять любое решение, но мне было важно, чтобы она знала о моих истинных чувствах.

Незадолго до того, как я сел в поезд, отправлявшийся в сторону Пюнгена, чтобы провести дома последнюю неделю отпуска, Аннелиза подарила мне золотую безделушку-талисман в форме листа клевера. По ее словам, он должен был принести мне счастье. Я положил ее подарок в нагрудный карман мундира и почувствовал, что мы в любом случае будем вместе.

И все же нам обоим было понятно, что судьба солдата непредсказуема. Даже при самом оптимистическом взгляде на будущее, с учетом надежд на летнее наступление вермахта на Волге и на Кавказе, было ясно, что многим солдатам не суждено вернуться домой к своим возлюбленным.

Глава 10 **Демянский коридор**

Сентябрь 1942 года — март 1943 года

Новгород

Сентябрь — ноябрь 1942 года

Ко времени моего возвращения из трехнедельного отпуска в начале сентября часть 58-й дивизии была переброшена на расстояние 90 километров к югу от Ленинграда на позиции, протянувшиеся вдоль северного берега озера Ильмень. До Волхова было рукой подать — километров 25–30 на юг. Когда я попал в расположение своей роты, то увидел, что мои товарищи поселились в пустых домах на южной окраине древнего русского города Новгорода.

Наша миссия, заключающаяся в охране северного берега Ильменя от возможного десанта советских войск с удерживаемого русскими восточного берега, была относительно легкой задачей. Даже если части Красной Армии и попытались бы каким-то образом осуществить подобную высадку силами роты или даже батальона, природное преимущество наших позиций гарантировало нам легкую победу над противником. Мы сбросили бы десант в воду прежде, чем он успел бы закрепиться на нашем берегу. Мы сохраняли бдительность, однако всерьез не беспокоились из-за предполагаемой атаки неприятеля.

15 октября 154-й пехотный полк был переименован в 154-й гренадерский полк. Это изменение номинально отразило увеличение его общих огневых средств за счет тяжелого вооружения вроде пулеметов и крупнокалиберных минометов. В действительности любое

увеличение огневых средств не может полностью восполнить потери полка в живой силе, сократившегося до размеров батальона. Сохранив гордость за нашу часть, мы не видели особого смысла в переименовании.

Несмотря на непрерывную боевую подготовку, наше пребывание на спокойном участке фронта давало нам время для отдыха. Поскольку погода оставалась теплой, мои товарищи постоянно проводили свободное время на берегу озера. Пребывание на Ильмене казалось мне продолжением моего отпуска. Я часто грелся на солнышке, перечитывая письма из дома.

После моей поездки в Гамбург наш с Аннелизой обмен письмами участился. Вскоре она написала мне, что решила разорвать помолвку со своим женихом и общаться только со мной. По иронии судьбы, завоевав сердце Аннелизы, я потерял подаренный ею талисман.

Хотя Новгород находился всего в пятнадцати минутах ходьбы от наших позиций, я только однажды сподобился отправиться в него и прогуляться по пустынным улицам. Подобно большинству населенных пунктов в Советской России он представлял собой скопление деревянных домов и простых жилых зданий из бетона. Мое благосклонное внимание привлекли лишь массивные бронзовые памятники на центральной площади возле местной ратуши.

Я осмотрел и местные церкви с куполами в форме луковицы. Хотя их внешнее убранство осталось практически нетронутым, сами церкви советские власти превратили в хранилища зерна и корнеплодов. Такой кощунственный подход к культовым сооружениям укрепил мое отношение к большевикам как к атеистам-варварам, представляющим огромную опасность для европейско-христианской цивилизации.

Тем временем другие солдаты моего полка увлеклись рыбалкой в водах Ильменя. Вместо сетей или удочек они добывали рыбу, глуша ее при помощи динамита. При этом однажды произошел трагический случай. Погибли четыре солдата, случайно взорвавшие во время такой рыбной ловли собственную лодку. Даже в периоды затишья боев на Восточном фронте смерть все равно бродила рядом с нами.

Демянск

Ноябрь 1942 года — февраль 1943 года

Наступление на южном берегу озера Ильмень было частью генерального контрнаступления, начатого Красной Армией зимой 1941/1942 года. В начале февраля противнику удалось блокировать наши части в районе города Демянска. Снабжать их продовольствием и боеприпасами стало возможно только с воздуха.

В конце апреля части вермахта в результате контрнаступления сумели пробиться к оказавшимся в кольце блокады немецким солдатам, образовав не слишком надежный коридор в семь километров шириной и двенадцать километров длиной, снабжение по которому осуществлялось с огромным трудом. В конце ноября 1942 года 58-я пехотная дивизия воссоединилась с другими дивизиями вермахта в районе Демянского котла, покинув берега озера Ильмень.

Накануне новой русской зимы наша дивизия заняла позиции близ реки Пола на всхолмленной местности, именуемой Валдайской возвышенностью. Как обычно, мы имели лишь смутное представление о нашем точном географическом местоположении и знали лишь то, что нам следовало знать согласно текущей тактической обстановке.

Бои под Демянском велись практически постоянно, хотя на нашем участке передовой они были не такими мощными, как ранее на Волховском фронте. Отразив несколько интенсивных атак русских и множество малочисленных вылазок красноармейских отрядов, мы то наступали, то возвращались на прежние позиции, однако в целом линия фронта оставалась относительно стабильной. Хотя эти боевые операции имели важные последствия, в те дни я воспринимал их как нечто незначительное.

Получив новое задание, мы с моим связистом заняли место на невысоком холме неподалеку от Демянского коридора, где в большом блиндаже находилась группа наших солдат. Поскольку было невозможно вырыть убежище в промерзшей как камень земле, его соорудили на поверхности и сложили из бревен, присыпанных для маскировки снегом. Стена из снега, обращенная в сторону русских позиций, являлась дополнительной защитой. Неподалеку располагалась небольшая наблюдательная вышка.

Несмотря на все наши усилия обезопасить себя, мы скоро сделались жертвами советских снайперов. Боясь попасть под пулю, в дневное время суток мы безвылазно сидели в блиндаже. После того как мне пришлось провести в нем несколько дней подряд, я почувствовал, что далее терпеть подобное бездействие я не могу, и нужно что-то делать.

Захватив маузеровскую винтовку, я выбрался из блиндажа наружу. Опустившись на колени, я руками проделал в снежной стене небольшое отверстие. Внимательно осмотрев простирившуюся передо мной белоснежную целину, я не заметил никаких признаков присутствия вражеских снайперов.

В следующее мгновение в снежную стену рядом со мной впилась пуля, пролетев прямо над моей головой. Приняв свое поражение в несостоявшейся дуэли, я вытащил винтовку из импровизированной бойницы и быстро нырнул обратно в блиндаж. Я понял, что нам теперь и дальше придется жить под угрозой выстрелов вражеских снайперов.

Чуть позже я начал осматривать позиции противника с наблюдательной вышки и заметил русского солдата, который брел по снегу примерно в 500 метрах от наших позиций. Когда я дал сигнал открыть огонь, наши пехотинцы навели на цель 50-мм миномет.

Когда мина взорвалась примерно в 50 метрах от русского, тот явно испугался. Осознав опасность, он со всех ног бросился бежать по глубокому снегу. Несмотря на то что теперь обстрел начали вести пять или шесть наших минометов, ему каким-то чудом удалось скрыться. Должен признаться, что иногда война казалась мне безобидной игрой, а не безжалостной схваткой не на жизнь, а на смерть.

Несколько недель позже следующей жертвой стал я, когда оказался в другом блиндаже на передовой, примерно в полутора километрах от прежнего.

На утро следующего дня после моего прибытия туда я проснулся и увидел, что ночью выпал снег, как будто покрывший землю толстым, почти по колено, ковром. Выйдя из блиндажа с полевым телефоном, я пробежал небольшое расстояние по живописному заснеженному полю и вскоре нашел хороший наблюдательный пост. Защищенный белым камуфляжем, я выпрямился в полный рост, чтобы лучше осмотреть окружающее пространство.

Даже не прибегая к помощи бинокля, я сразу заметил пару вражеских блиндажей. Эти сооружения, почти на два метра возвышающиеся над землей, были прекрасно мне видны, и от них меня отделяло расстояние не более 100 метров. Хотя только что выпавший снег прикрыл земляную крышу блиндажей, они явно были построены недавно и представляли несомненную угрозу нашему участку фронта.

Выбрав ближний ко мне и более крупный из двух, я сообщил его координаты по телефону нашим солдатам, обслуживавшим 150-мм гаубицы, и попросил дать один выстрел по цели площадью 10 квадратных метров. Через пару минут грянул залп, взметнувший вверх облачко снега примерно в 20 метрах слева от русского блиндажа. Пристреляв расстояние и направление, артиллеристы выпустили второй снаряд точнее, и он упал в десяти метрах справа от цели. Пройдя ближе к передовой, я сделал следующую поправку и попросил выстрелить снарядом со взрывным устройством замедленного действия.

Этот снаряд попал в цель. После того как он пробил крышу блиндажа, возникла короткая пауза, а затем грохнул взрыв.

Прежде чем я сообщил координаты новой цели, рядом со мной начали рваться мины, выпущенные вражескими минометами. Несмотря на мой камуфляж, русский наблюдатель все-таки заметил меня. Я превратился в жертву советских минометчиков.

Увязая в снегу, я устремился в укрытие — наш бункер, расположенный в десяти

метрах от меня. Когда я уже был на полпути ко входу, у меня за спиной разорвалась вражеская мина. Я почувствовал, как меня обдала волна воздуха. На мое счастье, глубокий снег частично поглотил силу взрыва и уберег меня от серьезного ранения.

Оказавшись в блиндаже, я попросил одного из солдат проверить, не ранен ли я. Осмотрев мою спину, тот сообщил, что меня здорово посеколо крошечными осколками. Следующие полчаса он терпеливо извлекал их из моей кожи. Мне в очередной раз повезло, я избежал серьезного ранения.

Обязанности корректировщика огня мне очень нравились, и моим любимым занятием вскоре стало определение как можно более точных координат цели. В прошлом году я сумел навести огонь наших орудий на пять-шесть вражеских блиндажей, и в 13-й роте это снискало мне репутацию мастера своего дела. Однако уничтожение большого советского блиндажа близ Демянского коридора привлекло ко мне нежелательное внимание противника.

К тому времени части Красной Армии начали размещать на передовой громкоговорители для ведения пропаганды, адресованной нам, немцам. Нас убеждали и запугивали на прекрасном немецком языке. Спустя неделю после уничтожения вышеупомянутого русского блиндажа кто-то из моих товарищей спросил, известно ли мне о том, что русские называли мое имя и угрожали лично мне.

Как оказалось, он услышал следующую фразу: «Люббеке, когда мы тебя поймем, то отрежем яйца!» Очевидно, кто-то из пленных немецких солдат назвал меня как главного виновника уничтожения блиндажа.

Я воспринял угрозу чрезвычайно серьезно. Всем нам был известен недавний случай, когда русские оскостили двух попавших к ним в плен унтер-офицеров вермахта одной из рот нашего полка. Мы нашли их на следующий день умершими от потери крови.

Подобная жестокость укрепила во мне решимость любой ценой избежать плена, даже если для этого придется добровольно расстаться с жизнью. Подобное решение коренным образом отличалось от настроения, которое я испытывал в дни Французской кампании. Если бы меня взяли в плен французы, то я был бы уверен, что они обошлись бы со мной вполне гуманно.

Понимая, что блокирование наших войск советскими частями под Демянском было стратегической необходимостью, верховное командование вермахта в феврале 1943 года начало отвод наших войск. 17 февраля поступил официальный приказ об эвакуации. Несмотря на постоянное давление со стороны Красной Армии, вермахт провел отступление в образцовом порядке. 58-я пехотная дивизия была выведена из-под Демянска 24 февраля.

Новгород

Март 1943 года

В начале марта 1943 года наша дивизия вернулась на северный берег озера Ильмень и заняла новые оборонительные позиции под Новгородом, недалеко от того места, где мы контролировали место возможной высадки русского десанта. Теперь воды озера были скованы толстым слоем льда, по которому, однако, противник мог осуществить «сухопутное» десантирование.

Однако в следующие недели попытки частей Красной Армии осуществить наступление по льду закончились крахом, потому что с господствующей высоты нам хорошо были видны их передвижения. Даже под покровом тьмы им было бы трудно двигаться по льду, потому что мы легко могли бы осветить местность прожекторами, услышав какой-нибудь подозрительный шум.

Когда русские все-таки попытались атаковать наши позиции, тяжелая артиллерия дала им такой мощный отпор, что они больше не осмеливались приближаться к расположению нашей роты, находившейся в паре километров от берега озера.

При наступлении силами батальона на полк вермахта, размещавшийся рядом с нами,

русские использовали мотосани, явно намереваясь перебраться на другой берег замерзшего озера прежде, чем мы успеем отреагировать на их действия. На этот раз им удалось дойти до наших позиций, однако они снова были вынуждены отступить, понеся тяжелые потери.

Относительная безопасность наших позиций под Новгородом позволила нам немного расслабиться. Подобно большинству немцев, нам в России особенно понравилась такая вещь, как русская баня. Баня обычно строилась возле жилых домов на расстоянии примерно 50 метров. Попарившись в парной, мы с удовольствием выскакивали наружу, чтобы немного охладиться, повалявшись в снегу. Это давало возможность ненадолго расслабиться и забыть о тяготах войны.

Несмотря на успешную эвакуацию частей вермахта из-под Демянска и некоторые небольшие тактические победы близ Новгорода, наш моральный дух в 1943 году начал постепенно снижаться. Для группы армий «Север» война определенно переместилась в оборонительную фазу по удерживанию того, что было нами достигнуто в победоносном 1941 году.

Мы также прекрасно понимали, какая катастрофическая судьба постигла немецкую 6-ю армию под Сталинградом. После того как в ноябре 1942 года ее окружили части Красной Армии, оставшиеся в живых немецкие солдаты в феврале следующего года были вынуждены капитулировать. Это было настолько серьезное поражение вермахта, что геббельсовское министерство пропаганды не смогло скрыть его от моего народа. Помимо того что война с Россией привела к огромным жертвам со стороны наших солдат, гражданское население Германии сильно пострадало от усиливавшихся с каждым месяцем бомбардировок англо-американской авиации.

И все же после двух лет войны с Советским Союзом, по-прежнему оставаясь на вражеской территории, мы сохраняли веру в победу германского оружия. Фронтовой опыт убедил нас в том, что вермахт во многих отношениях превосходит армию противника. Генералы и офицеры по-прежнему пользовались нашим доверием. Более того, мы были убеждены, что немецкая промышленность будет постоянно снабжать нас более качественным, чем у врага, оружием.

Даже после Сталинграда мы продолжали верить, что ведем оборону, а не проигрываем врагу. Нам казалось, что Красная Армия постепенно истощит свои силы в кровопролитных боях с нами, так и не сумев перехватить инициативу в свои руки. Исход войны представлялся мне таким — Советский Союз сядет за стол переговоров и примет предложенный нами мир, в результате чего Германия расширит свою территорию за счет новых земель.

Руководство и тактика

В то время как Сталин контролировал все сферы жизни в Советском Союзе, Гитлер располагал всей полнотой власти в Германии. Только после войны мне стало понятно, что наш рейхсканцлер был вынужден постоянно вести борьбу против армейского генерального штаба за контроль над принятием военных решений. Чем дольше продолжалась война, тем сильнее он подчинял своей воле и прихотям наших генералов и армию.

Не зная в ту пору о политических конфликтах среди правящей верхушки, мы вплоть до последних дней войны не сомневались в правильности ведения боевых действий и принимавшихся генералитетом решений.

Будучи свидетелями умелого военного руководства на поле боя, немецкие солдаты-фронтовики высоко почитали своих командиров. И все же, даже если тактические решения полевых офицеров принимались самостоятельно, политическое вмешательство на уровне корпуса и выше приводило порой к серьезным стратегическим просчетам.

В Красной Армии вмешательство политических комиссаров-коммунистов в принятие военных решений было еще более вездесущим. В отличие от вермахта в Красной Армии политруки имелись на всех уровнях, вплоть до роты. Они навязывали русским офицерам

свое видение тактических вопросов, указывая, как и где воевать.

Хотя у русских было немало талантливых военачальников, прекрасно образованных и хорошо разбиравшихся в тактике, наличие политруков зачастую ограничивало сферу их полномочий. Политическое невмешательство в действия вермахта во многом объясняет тактическое превосходство Германии. Когда же политруки впоследствии забрали власть над принятием военных решений, это привело к множеству ненужных потерь. По моим оценкам, за всю войну, возможно, четверть потерь Красной Армии была вызвана вмешательством политруков.

На фронте немецким солдатам было видно, что советские политические руководители и офицеры ни во что не ставили жизнь своих солдат. Они без колебаний жертвовали ими при проведении военных операций, имевших минимальную вероятность успеха.

Нередко, да, пожалуй, большую часть времени, Красная Армия подкрепляла силы своих бойцов обильными порциями водки, особенно при тяжелых, почти безнадежных для нее боях. На Волховском фронте я своими глазами видел, как красноармейцы шли в атаку без оружия, надеясь получить винтовки своих павших товарищей. НКВД расставлял у них за спиной так называемые заградотряды с пулеметами, чтобы не допустить возможного отступления. Не имея иного выбора, эти солдаты шли вперед на верную гибель на наши прекрасно укрепленные оборонительные позиции.

Попав в плен, русский солдат все равно продолжал сопротивляться. Попытки припугнуть пленных оружием во время допросов чаще всего вызывали у них улыбку. Странно, но сломить их волю можно было лишь угрозой избиения палками или чем-то подобным.

Помимо солдат славянского происхождения после 1943 года Красная Армия стала активно комплектоваться за счет народов советской Средней Азии. Славян мы не слишком боялись, более серьезные опасения у нас вызывали именно азиаты, проявлявшие особую свирепость и безжалостность в боевых действиях.

В начале войны мы в основном считали советских солдат примитивными жестокими созданиями. Однако когда лучше узнали противника, стойкость и мужество русских бойцов вызвали у нас искреннее уважение. Каким бы ни было их истинное отношение к коммунизму, мы вскоре поняли, что русские готовы жертвовать собственными жизнями ради свободы своей родной страны и изгнания немецких захватчиков.

Глава 11

Сражения на Ладого

Март — сентябрь 1943 года

Красный Бор

Конец марта — 24 апреля 1943 года

Хотя наши войска все еще держали кольцо осады вокруг Ленинграда, наступление Красной Армии в январе 1943 года увенчалось успехом и позволило начать снабжение города со стороны юго-западного берега Ладожского озера. В середине марта советские войска начали второе сражение за Ладогу, атаковав части вермахта восточнее Ленинграда.

В конце марта русские вытеснили 58-ю пехотную дивизию из Новгорода, и нам пришлось отойти на 90 километров севернее озера Ильмень, чтобы прийти на помощь частям вермахта на этом угрожаемом участке. Когда наша дивизия достигла линии фронта возле городка Красный Бор, расположенного южнее Невы, нас определили на резервные позиции позади испанской Голубой дивизии, сражавшейся на стороне Германии против Советской России.

В это время в командовании 13-й роты произошли изменения. Когда лейтенант Мюнстерманн и его преемник лейтенант Юргенс были назначены командирами батальонов нашего полка, командиром роты стал лейтенант Рейхардт. Возможно, готовясь занять этот пост, Рейхардт назначил меня неформальным связным между нашей минометной ротой и испанскими войсками, дислоцировавшимися впереди нас.

Помимо корректировки огня наших орудий для поддержки испанцев на случай наступления русских, мне приходилось выполнять поручения Рейхардта и руководства испанских частей. В целом отношения немцев и испанцев оставались неплохими, однако мы были не вполне уверены в надежности наших союзников в боевых условиях. Тяжелые потери, которые они понесли в предыдущие месяцы на своем участке фронта, уменьшили наше доверие в их способность решительно противостоять натиску частей Красной Армии.

Когда пару дней спустя советская артиллерия начала обстреливать позиции испанцев, наша рота немедленно пришла на помощь союзникам, задействовав гаубицы и недавно полученные 105-мм минометы. Несмотря на все наши усилия, под натиском русских испанцы дрогнули и отступили.

Реагируя на сложившуюся критическую обстановку, наш полк быстро выдвинулся вперед и контратаковал противника, чтобы помешать его крупномасштабному прорыву. За каких-то два часа наши войска вынудили части Красной Армии отступить, стабилизировав, таким образом, линию фронта.

Затем наступило несколько недель затишья, и мы получили желанный отдых. Подобно другим русским деревням, деревни вокруг Красного Бора представляли собой ряды деревянных домов, расположенные по обе стороны дороги. Отступая, красноармейцы сожгли много домов, однако неподалеку от наших позиций все-таки уцелело несколько изб.

Несколько солдат моей роты разместились на постой в этих жалких домишках. Хотя почти все они были пусты, в нескольких все-таки продолжали жить люди.

Я оказался в одном из таких домов, где обитали две женщины лет тридцати-сорока и их дети. Это были первые русские женщины, которых я увидел после отъезда из Урицка. Подобно другим русским, они равнодушно воспринимали наше присутствие.

Когда под Красным Бором возникла передышка в боях, мои товарищи стали пользоваться соседними банями. С этим связан один трагический случай, когда солдаты испанской Голубой дивизии решили в то же самое время попрактиковаться в стрельбе из пулемета. Открыв огонь, они случайно убили четырех немецких солдат, находившихся в бане. Хотя это происшествие не добавило нам любви к испанцам, многие из нас восприняли случившееся довольно спокойно, давно привыкнув к смерти товарищей.

Второй отпуск с Восточного фронта

24 апреля — 15 мая 1943 года

Через три с половиной недели после прибытия в Красный Бор я получил второй отпуск и 24 апреля отправился в Германию.

Несмотря на теплый прием, оказанный мне родственниками, второй приезд домой из России оказался для меня довольно тяжелым. Первую неделю я никак не мог привыкнуть к тому, что вообще попал в мирную жизнь. Днем я мыслями оставался на фронте, мне казалось, будто я никуда не уезжал. Ночью мне снились исключительно бои. Только к началу третьей недели я начал медленно приходить в себя, помня тем не менее о том, что мне уже скоро придется вернуться на передовую. Однако, несмотря на это, отдых в родном доме был восхитителен.

8 мая в Пюгген впервые приехала Аннелиза. Целью ее приезда было знакомство с моей семьей. После того как она разорвала помолвку с женихом, наши отношения приобрели более близкий, доверительный характер. Прогуливаясь неподалеку от нашей фермы, мы обсуждали планы на будущее. Хотя вопросов брака мы пока напрямую не касались, моей

семье было ясно, что дело идет к женитьбе.

Моим родственникам Аннелиза очень понравилась. Сестры относились к ней с нежностью, как к сестре, мать просто обожала ее. Только отец выражал сомнение относительно наших намерений. Лично ему Аннелиза тоже нравилась, но он пытался убедить меня в том, что мне лучше связать судьбу с девушкой из богатой семьи. Его обеспокоенность моим финансовым будущим была своего рода отражением финансовых трудностей нашей семьи в годы экономического кризиса. Я не соглашался с отцом, мне не хотелось, чтобы брак строился исключительно на материальной основе.

Огорченный тем, что он пытается вмешиваться в мою личную жизнь, я упрямо возразил:

— Отец, таково мое решение. Я люблю эту девушку и обязательно женюсь на ней. Не надо мешать мне в этом.

Больше мы с ним данную тему не обсуждали.

В то время Аннелиза все еще работала в цветочном магазине, располагавшемся напротив гамбургской ратуши. Тем не менее она еще в январе записалась на курсы медсестер Красного Креста, чувствуя необходимость сделать вклад в военные усилия родной страны. Вскоре после возвращения из Пюнгена она начнет учиться на трехмесячных курсах в одном из госпиталей Гамбурга.

Когда Аннелиза вернулась домой, я 12 мая отправился обратно на фронт. Мы расстались, зная, что опасности войны подстерегают не только одного меня.

Красный Бор

15 мая — 24 июля 1943 года

Если привыкание к мирной жизни было нелегким, то расстаться с близкими и вернуться на войну оказалось намного мучительнее. Чем дальше поезд отъезжал от дома, тем труднее было не думать об Аннелизе, наших нежных объятиях и времени, проведенном с родителями и другими родственниками, а также о том, что я не уверен, что смогу когда-нибудь увидеть их снова.

Дни второй половины мая, когда я вернулся в Красный Бор, были для меня худшими за всю мою солдатскую службу, особенно если принять во внимание то, что я сразу же попал в бой. Обычно к знакомым очертаниям окопа привыкаешь через неделю после возвращения на передовую. Но на этот раз мне никак не удавалось отвыкнуть от мыслей о доме. Когда солдат думает только о доме, он становится неосторожным и уязвимым, легко может получить ранение или даже погибнуть. Пытаясь избавиться от рассеянности, я заставлял себя быть внимательным и проявлять особенно высокую степень осторожности.

Хотя наши позиции под Красным Бором немного переместились, наша рота по-прежнему участвовала в малых и больших боях с частями Красной Армии. В те дни русские часто затевали вылазки, имевшие целью перехватить обозы с продовольствием и вместе с тем занять наши позиции. Когда вражеские солдаты врываются в наши окопы, мы часто отступали на несколько сотен метров, и они занимали наши блиндажи и забирали имевшиеся там съестные припасы. Получая время для того, чтобы перегруппироваться, мы быстро организовывали контрнаступление и выбивали их из наших окопов. Порой это происходило как будто в соответствии с заранее составленным графиком.

Конечно, отдельные события тех дней прочно врезались в память. В воскресенье 17 июня мне исполнилось 23 года. Как правило, день рождения на фронте — дело ничем не примечательное. Лейтенант Рейхардт, наш ротный командир, этот день запомнил и подарил мне бутылку коньяку. Кроме того, он воспользовался затишьем в боях, чтобы устроить первую церковную службу с начала войны в России. Однако подобные передышки от боев никогда не продолжались слишком долго.

Иногда война наносила свои удары совершенно неожиданно. Одним спокойным

ясным днем я шел по лесу, росшему позади нашей линии окопов, и услышал вдали грохот артиллерийских выстрелов. Прислушавшись к знакомому свисту снаряда, я внезапно понял, что сейчас он разорвется рядом со мной. Я тут же бросился на влажную, раскисшую от дождей землю и крепко прижался к ней. Ожидая взрыва, я чувствовал, что могу погибнуть.

Слух не подвел меня. Снаряд разорвался в метре от меня, к счастью угодив в грязь, прежде чем детонировать. Меня всего покрыло жидкой землей, однако я остался жив.

Погружаясь в сон, мы видели главным образом бои. Как-то ночью я в полусне подумал, что на нас наступает враг. Схватив гранату, я закричал: «Русские наступают!»

К счастью для меня, мой товарищ-связист сразу все понял и выхватил у меня гранату прежде, чем я успел выдернуть чеку. Поскольку мы находились в блиндаже, нетрудно себе представить, что случилось бы с нами, если бы не он. Хотя связист был младше меня по званию, в подобной ситуации о субординации не могло быть и речи. В те опасные мгновения он был лишь моим боевым товарищем, который присматривает за мной точно так же, как я присматриваю за ним.

По мере того как одна неделя сменяла другую, воспоминания о доме постепенно тускнели, хотя Аннелиза по-прежнему оставалась в моих мыслях.

Я устроил так, что на ее двадцать второй день рождения 29 июня ей доставили десяток алых роз. Это было в равной степени и выражение моей любви к ней, и моя надежда на наше совместное будущее.

Помимо того, что в письмах я сообщал о своих чувствах к ней, иногда я коротко упоминал о наших боевых действиях, стараясь сделать это так, чтобы обойти военную цензуру. В письме к Аннелизе от 20 июня я намекнул об артиллерийской дуэли между нашими гаубицами и советскими орудиями. В письме от 10 июля я упомянул о том, что наши гаубицы и минометы отбили наступления красноармейцев на наши позиции. Подобные боевые действия казались мне привычными, ничем не примечательными, и я быстро забывал о них.

На Неве

24 июля — 4 сентября 1943 года

22 июля Красная Армия начала третье сражение за Ладогу, возобновив наступление, имевшее целью прорвать блокаду Ленинграда на берегу озера. Через два дня нашу дивизию перебросили на расстояние 25 километров от Красного Бора, на ключевые позиции возле Невы, носившие название Синявинские высоты. Таким образом, мы оказались примерно в шести километрах к юго-востоку от Ладоги и в трех километрах северо-западнее стратегически важного железнодорожного узла Мга.

Вскоре наша 58-я дивизия ввязалась в кровопролитные бои с противником, когда советская 67-я армия попыталась отбить у нас господствующие высоты. Особенно жестоким было сражение 4 августа. Попытки 154-го полка отбить высоту оказались безуспешными. Обе стороны понесли огромные потери. 8 августа бой оказался еще более изматывающим, и я был вынужден несколько часов подряд просидеть на дне окопа, не смея высунуться наружу.

Позднее, когда наступил в целом спокойный день, произошел довольно странный случай, когда я по грунтовой дороге возвращался с передовой в наш блиндаж, располагавшийся в тылу. Когда я приблизился к тому месту, которое находилось позади наших гаубиц, то встретил молодого немецкого лейтенанта в новенькой форме, который двигался в мою сторону с северного направления. Меня поразило его появление, потому что, насколько мне известно, к северу от нас не было никаких немецких частей.

Офицер шел со спокойным выражением лица, нисколько не смутившись моим появлением. Когда я поприветствовал его по уставу, он вежливо ответно отсалютовал мне.

Два часа спустя советские орудия обрушили на нашу позицию 50 или 60 снарядов,

падая точно в цель. Нам повезло — глубокие окопы и надежные укрытия позволили нам отделаться минимальными потерями личного состава и боевой техники.

Мне тут же вспомнился таинственный немецкий офицер. Немного поразмыслив, я пришел к выводу, что он мог быть русским разведчиком, собиравшим сведения о расположении наших войск. Именно благодаря ему советским артиллеристам с такой точностью удалось накрыть наши позиции. Убедив себя в том, что я оказался не способен распознать врага, я поклялся в будущем быть более внимательным и осторожным.

Несколько дней спустя я отправился на передовую, чтобы присоединиться к моему старому товарищу, унтер-офицеру Шютте, который теперь подменял меня в должности корректировщика огня. Посчитав подозрительным необычное затишье, последовавшее после недавнего артиллерийского обстрела, он предупредил меня о том, что противник, скорее всего, готовится к новой атаке.

Решив самостоятельно изучить вражеские позиции, я забрался на высокую сосну, стоящую на краю леса на расстоянии примерно 100 метров позади наших окопов. На всякий случай я захватил с собой полевой телефон. С высоты в шесть метров я заметил четыре советских танка Т-34, неожиданно появившихся с северо-востока и направившихся прямо в мою сторону. На броне сидела вражеская пехота, а за боевыми машинами своим ходом следовали другие отряды пехотинцев. Хотя наши гаубицы не предназначались для ведения противотанкового боя и не имели бронестойких снарядов, из собственного опыта я знал, что, тщательно взяв прицел, можно попасть в уязвимый участок танковой брони. Поняв, что у нас появился шанс остановить наступление танков противников прежде, чем они пройдут в глубь позиций нашего полка, я решил по телефону направить огонь наших 150-мм орудий на ближние «тридцатьчетверки», находившиеся передо мной на расстоянии 500 метров.

Упавший слева от цели первый снаряд заставил пехотинцев рассеяться, но не причинил вреда самой бронемашине. После того как я направил выстрел правее, следующий снаряд не долетел до цели. Третий упал очень близко от нее, но все равно промахнулся.

Получив новую мою поправку, наш орудийный расчет выпустил четвертый снаряд. Попав в башню, он заставил танк остановиться. Через секунду над ним стал подниматься белый дым. Обратив внимание на вторую «тридцатьчетверку», находившуюся рядом с подбитым танком, я попросил пятый выстрел. Попавший в гусеницы снаряд мгновенно обездвижил советскую бронемашину и заставил экипаж срочно покинуть ее. Третий вражеский танк остановился, а четвертый дал задний ход.

После того как наступление захлебнулось, на горизонте появилось еще пятнадцать танков противника, выехавших откуда-то из-за холма. Точно не зная, возобновит ли атаку новая танковая группа русских, я позвонил в штаб, чтобы предупредить о сложившейся обстановке нового командира полка полковника Германа-Генриха Беренда.

— Где ты? — сразу спросил он меня прежде, чем я успел что-то сказать.

— Я на дереве, позади наших позиций, — ответил я не без робости.

— Какого черта ты там делаешь? — прорычал полковник, очевидно посчитавший, что я подвергаю себя ненужному риску.

Сообщив ему, что мы остановили несколько русских танков, прощупывавших нашу линию обороны, я предупредил Беренда о том, что на передовой противник сосредоточивает танковую группу и может предпринять новую атаку.

Запросив более точные сведения о числе вражеских танков и их местоположении, полковник сказал, что передаст мои сведения в штаб дивизии, и повесил трубку. После того как мы остановили передовую группу советских бронемашин, русские не стали проводить еще одну атаку на нашем участке фронта.

Несмотря на мое азартное желание вызвать огонь наших орудий и подбить советские танки, я понимал, что, сидя в дневное время на дереве, по-прежнему рискую привлечь внимание противника и могу попасть под пулю снайпера или очередь русской пулеметной команды. В таком случае мне не оставалось ничего другого, как дожидаться наступления темноты.

Когда спустя час начало смеркаться, я быстро спустился по стволу вниз и направился в тыл. Дойдя до оружейного расчета, я сообщил товарищам о нашей маленькой победе. На войне с ее бесчисленными боями уничтожение подвижной цели навесным огнем считалось большой редкостью.

В ходе боевых действий большая часть потерь нашего полка была вызвана обстрелами русских орудий и в меньшей степени огнем стрелкового оружия. Однако немало моих товарищей погибло от налетов советской авиации.

В дневное время мы подвергались налетам самолетов-штурмовиков «Ил-2», а по ночам нашей главной угрозой становились «По-2», которые мы называли «швейными машинками» из-за специфического шума их двигателей.

Появлению «швейных машинок» предшествовал хорошо различимый с большого расстояния шум, однако, несмотря на это, заметить их в темноте было практически невозможно.

Пролетая очень низко над землей, пилот такого самолета пытался разглядеть любой проблеск света внизу, чтобы определить местоположение наших позиций и тылов.

Несмотря на строгие меры безопасности по затемнению, кто-нибудь из солдат мог закурить сигарету и посветить карманным фонариком. Это позволило бы врагу заметить наше местонахождение. Обнаружив, таким образом, потенциальную цель, вражеский летчик обычно заглушал двигатели, чтобы бесшумно приблизиться к ничего не подозревающим потенциальным жертвам и сбросить на них свой смертоносный груз.

Вскоре после описанных событий в расположении нашей части произошел ночной налет «швейных машинок». Я в это время находился на передовой, действуя в качестве корректировщика огня. Направив на цель одну из 150-мм гаубиц, я услышал необычайно громкий взрыв, донесшийся со стороны тыла, где были установлены наши орудия.

Вскоре нам стало известно, что там случилось. В снаряжном ящике возле гаубицы разорвался снаряд, от которого сдетонировал боезапас, лежавший рядом с ним. При этом погиб оружейный расчет из пяти человек, а на месте взрыва образовалась огромная воронка. Хотя я не смог увидеть место трагедии собственными глазами, я представлял себе масштаб произошедшего.

Взрыв мог быть результатом вражеского саботажа на фабрике, выпускавшей снаряды, но лично я считал, что он произошел от капель фосфора осветительных бомб, упавших на землю во время ночного авианалета, которые могли прожечь дырочку в снаряде. К сожалению, резкое изменение боевой обстановки через несколько часов после происшествия заставило мою роту отойти на другие позиции и не позволило провести тщательное расследование.

Боевые действия под Ленинградом велись в условиях позиционной войны, которые немецким солдатам, участвовавшим в Первой мировой войне, показались знакомыми. Правда, бои на берегах Невы были более стремительными, но и более кровопролитными. Линия фронта стремительно перемещалась вперед и назад, по мере того как противоборствующие стороны наступали и отступали.

Как всегда, потери 13-й роты были ниже, чем потери пехотных рот 154-го полка, потому что мы в основном находились за линией фронта, оставаясь при наших орудиях. Хотя обязанности корректировщика огня заставляли меня часто бывать на передовой, свобода передвижения, которой я обладал, часто подвергала меня смертельному риску.

В Германии, где находилась в те дни моя Аннелиза, сложилась опасная обстановка. Участвовавшие налеты англо-американской авиации заставляли ее вместе с другими родственниками прятаться в подвале гамбургского дома ее отца.

В конце июля 1943 года я услышал по радио о том, что англичане и американцы подвергают Гамбург мощным авианалетам. Используя сотни самолетов бомбардировочной авиации, враг сбрасывал большое количество бомб на мирные города, вызывая жуткие пожары и разрушения. Засушливая жаркая погода способствовала стремительному распространению огня, превращая целые кварталы в гигантские пожарища, уничтожившие в

Гамбурге 40 тысяч беззащитных людей и разрушившие большую часть городского центра.

После налетов вражеской авиации переписка с Гамбургом прервалась на пару недель, вызвав мою глубокую озабоченность. Через три недели я получил известие о том, что Аннелиза и ее семья живы и здоровы. К тому времени, когда я получил это письмо, Аннелиза успела закончить курсы медсестер, и ее перевели в госпиталь в Сент-Питер-Ординге, на Балтийском побережье, где было относительно безопасно.

Написав ответное письмо, я сообщил Аннелизе не только о моем беспокойстве за ее жизнь, но и о нашей трудной боевой обстановке. «Мы находимся на самом северном участке Восточного фронта на большой реке [Неве]. Сидим в окопах, дела обстоят скверно. Нормально поспать не удастся. Жду писем от тебя. Беспокоюсь из-за бомбежек Гамбурга 25–26 июля 1943 года». Несколько месяцев спустя я узнал о том, что ей пришлось пережить в те трагические дни.

Несмотря на трудности, испытываемые в России, я выразил оптимизм относительно исхода войны. «Осталось совсем недолго ждать конца войны. Когда она закончится, все для нас будет по-другому. Здесь, на фронте, мы абсолютно уверены в том, что победим врага». Я также попытался успокоить ее, нарисовав картину счастливого будущего: «Пережитые нами трудности вознаграждаются нашей с тобой взаимной любовью. После победы мы восполним все то, что упустили во время войны».

Глава 12

Кандидат в офицеры

Сентябрь — декабрь 1943 года

Ораниенбаум-Невель

Начало сентября — 31 октября 1943 года

В начале сентября 58-я дивизия получила приказ готовиться к переброске на запад от берегов Ладоги на относительно спокойный участок фронта, в так называемый Ораниенбаумский котел. Прошло всего два года, и мы снова оказались в знакомых местах.

Прежде чем перебраться на новые позиции, мы отправили туда разведчиков, чтобы определить будущее местоположение орудий и прочего боевого снаряжения.

Только что получив звание фельдфебеля, я был назначен командиром передовой группы. 8 сентября, за день до прибытия дивизии, я написал письмо Аннелизе, в котором описал окружающую местность: «Я вижу Балтийское море, крыши ленинградских домов и холмы Финляндии».

На следующий день во время разговора с обер-лейтенантом Рейхардтом мой командир неожиданно спросил меня:

— Хочешь стать офицером?

Хотя мне было ясно, что он хочет возложить на меня нешуточную ответственность, этот вопрос застал меня врасплох. Однако, несмотря на мое удивление, я почти мгновенно ответил:

— Так точно, герр обер-лейтенант! Хочу!

Так с собственного согласия я стал кандидатом в офицеры, наконец получив возможность стать командиром, к чему меня всегда манило мое вечное стремление к лидерству.

Через два дня, 11 сентября, полковник Беренд, наш командир полка, наградил меня Железным крестом 1-го класса за храбрость, проявленную при отражении танковой атаки противника на берегах Невы, а также за участие в прочих боевых действиях. В нашей роте Железный крест 1-го класса имели всего несколько солдат, и поэтому мне чрезвычайно польстила эта награда.

Обрадованный, я попытался дозвониться до Аннелизы прямо из нашего блиндажа на передовой под Ораниенбаумом, желая поделиться с ней моей радостью. Телефонная связь ограничивалась исключительно военными нуждами, я понимал, что звонок могут заблокировать, однако все-таки решил попытаться счастья. Воспользовавшись полевым телефоном, я дозвонился до полкового коммутатора, а затем до дивизионного. Дивизионные телефонисты соединили меня с госпиталем в Сент-Питер-Ордиге, где работала Аннелиза. К моему великому разочарованию, мне ответили, что сегодня у нее выходной. Я попытался дозвониться еще раз, но так и не смог с ней поговорить. Это очень меня раздосадовало.

Прежде чем поступить в военное училище в Германии, кандидат в офицеры должен был отслужить небольшой срок командиром стрелкового подразделения. 18 сентября меня временно назначили командиром отделения, состоявшего из десятка солдат одной из стрелковых рот, которые в основном были родом из Гамбурга и его окрестностей.

Лишившись своих привычных обязанностей и старых товарищей, я почувствовал, что новое назначение уготовило мне роль, к которой я был не готов. Я взялся за новое дело без особого воодушевления, однако прекрасно понимал, что это необходимый шаг на пути к офицерскому званию.

Вскоре боевая обстановка потребовала от нас серьезных действий. В начале октября разведка выяснила, что русские накапливают две армии под Невелем, в 250 километрах к югу от Ленинграда. Являясь транспортным узлом, лежащим между группой армий «Север» и группой армий «Центр», Невель был стратегически важным участком фронта.

В ответ на эту угрозу верховное командование направило в район Невеля с северной части фронта дополнительные части вермахта, в том числе и 58-ю дивизию. Вместе с пехотой 154-го полка мое отделение 2–6 октября проделало путешествие из Ораниенбаума в Невель, преодолев расстояние почти в 500 километров.

Наступление Красной Армии началось 6 октября и стремительно вклинилось между двумя немецкими группами армий. Только что прибывшая на передовую 58-я дивизия сыграла решающую роль в остановке наступления к северу от Невеля, однако под натиском советских войск не смогла удержать город.

Когда поезд, в котором находились мое отделение и другие подразделения 154-го полка, прибыл в район Невеля, мы сразу ввязались в жаркий бой. После того как командир стрелковой роты отметил на карте мое задание, я отправился к моим солдатам, чтобы показать им, где на передовой располагается наша позиция. «Слушайте меня внимательно. Вон та высота перед нами находится под огнем русских. Когда мы поднимемся на нее, они увидят нас. Придется с ее вершины быстро перебежать на ту сторону, и тогда у нас снова будет укрытие». Крикнув «Вперед!», я повел их за собой. Выскочив на голый, лишенный деревьев гребень холма, мы сразу же оказались под пулеметным огнем противника и тут же устремились вниз, на другую сторону. Несмотря на нашу уязвимость, нам чрезвычайно повезло, и мы выполнили боевое задание без потерь, с одним только раненым.

Добравшись до передовой, я приказал своему отделению окапываться и наваливать на края окопов бревна, чтобы создать оборонительное сооружение. Какое-то время спустя в небе появилось несколько немецких пикирующих бомбардировщиков «штука».

Мы с тревогой наблюдали за тем, как они стремительно приближаются к нам. По мере того как самолеты набирали скорость, пикируя на наши позиции, взвыли сирены, установленные у них под крыльями. «Штуки» летели прямо на нас! Лишь в последнюю минуту они изменили курс и сбросили бомбы на вражеские цели, расположенные в 150 метрах перед нашими окопами.

Вскоре после того как мы заняли свои позиции, на ничейную землю забрело стадо баранов. На закате один из солдат моего отделения подстрелил одного и после наступления темноты притащил его в наши окопы. Мы освежевали его и поджарили на костре. Долгое время не видев мяса, мы устроили настоящий пир, до отвала наевшись жареной баранины.

Наша радость длилась недолго. По всей видимости, мясо было плохо прожарено. Весь взвод испытал серьезное расстройство желудка и без конца бегал в кусты. Лично я

мучился диареей целых две недели, и, наконец, почувствовав себя нормально, поклялся никогда в жизни больше не притрагиваться к баранине.

По причине того, что в последних боях погибло несколько командиров стрелковых рот, меня вскоре поставили командовать полным взводом, насчитывавшим более тридцати солдат. Обстановка сложилась тяжелая. Нам часто не хватало блиндажей для укрытия от холодной погоды, и мы были вынуждены прятаться от вражеских пуль в стрелковых ячейках. 12 октября во время боя я почувствовал, как пуля впилась в левый рукав моей шинели. Хотя мне лишь слегка оцарапало кожу, пришлось сделать перевязку и медики на время перевели меня с передовой в тыл.

Обрадовавшись свободной минуте, я взялся писать письмо Аннелизе. Следующие строчки отразили те чувства, которые я тогда испытывал: «Лишь твое присутствие и моя любовь к тебе позволяют мне выживать под вражеским огнем во время боев, идущих на Восточном фронте».

После того как я пробыл со своим стрелковым взводом пару дней на передовой, 16 октября поступил новый приказ, согласно которому я должен был передать взвод другому человеку, а сам отправиться в тыл.

Испытывая нехватку в офицерах, командование, по всей видимости, беспокоилось о сохранности кандидатов в офицеры и полагало, что нельзя допустить, чтобы они погибали, не успев отправиться в военное училище.

Хотя мое пребывание на посту командира пехотного подразделения оказалось положительным жизненным опытом, оно продолжалось слишком недолго, чтобы между мной и подчиненными установилась крепкая духовная связь. Хотя солдаты относились ко мне с надлежащим уважением, в целом оно оставалось достаточно формальным.

Я в свою очередь не успел привязаться к ним и продолжал скучать по моим товарищам из 13-й роты. Мне нравилось выполнять обязанности корректировщика огня, я знал, что безопасность всего полка часто зависит от моих умений, ловкости и осторожности.

17 октября полковник Беренд приказал мне отбыть на десятидневные учебные курсы. Они проводились в тылу, в нескольких милях от передовой, и предназначались для предварительной подготовки кандидатов в офицеры перед отправкой в училища. 31 октября, получив официальный статус фенриха (младшего кандидата в офицеры), я отправился на поезде в Германию.

Партизаны

Для защиты от нападений советских партизан на переднем и последнем вагонах состава устанавливались легкие противотанковые орудия.

Хотя несколько раз нам приходилось делать остановки, вызванные диверсиями на железнодорожных путях, в целом мы проехали через оккупированную советскую территорию без особых приключений.

Несмотря на действия партизан, затруднявшие снабжение вермахта всем необходимым, серьезных перебоев в нем наша дивизия не испытывала. Сильнее всего на снабжение влияло другое — скверные погодные условия и суровая зима 1941/1942 года. С тех пор немецкая армия исправно получала продовольствие, боеприпасы, военное снаряжение и все прочее. Даже письма и посылки из дома приходили вовремя.

Хотя на передовой мы не замечали каких-то сбоев в снабжении, в 1943 году солдаты, возвращавшиеся из отпусков, все чаще и чаще рассказывали о том, что действия партизан в тылу превращаются в серьезную проблему. Дело дошло до того, что частям вермахта приходилось проводить в своем тылу антипартизанские операции, чтобы обезопасить линии коммуникаций. Несмотря на это, русским партизанам часто удавалось проводить диверсии на железных дорогах, затрудняя передвижение наших войск и транспортировку боевой техники.

Находясь на фронте, мы в значительной степени обвиняли в обострении обстановки

немецкую администрацию на оккупированных землях, бесчеловечно обращающуюся с гражданским населением России. Мы, простые немецкие солдаты, называли их «золотыми фазанами» из-за золотисто-коричневой расцветки их партийной формы. Они славились беспринципностью, высокомерием и продажностью. Приправленная нацистской идеологией жесткость приводила к тому, что на занятых нами землях те, кто когда-то встречал нас как освободителей от большевизма, стали поддерживать партизан, работавших на победу коммунистов.

Возвращение в Германию

31 октября — 7 декабря 1943 года

По причине того, что полученный мной приказ не предусматривал немедленного моего прибытия на резервную базу 58-й дивизии в Ольденбурге, мы с Аннелизой решили провести вместе несколько дней в Сент-Питер-Ордиге, в Шлезвиг-Гольштейне, где она работала медсестрой. 3 ноября я, наконец, добрался до этого маленького городка и снял номер в местном отеле.

Хотя в это время года в тех краях стоит холодная и ветреная погода, мы с Аннелизой с радостью гуляли по окрестностям города и часто бывали на побережье. Мы не виделись целых полгода, были счастливы встрече и радовались каждой минуте, проведенной вместе.

8 ноября я прибыл в Ольденбург, в главный учебный центр 58-й дивизии, где солдаты проходили переподготовку перед отправкой обратно на фронт. Вместе со мной туда прибыла Аннелиза, захотевшая два дня побыть в Ольденбурге.

Вернувшись к себе в Сент-Питер-Ордиг, она почувствовала боль в животе, и 17 ноября в больнице соседнего городка Теннинга ей сделали операцию по удалению аппендицита. Прежде чем вернуться в Пюгген, чтобы провести полагающийся мне трехнедельный отпуск перед началом занятий в военном училище, я навестил ее в больнице и провел с ней несколько часов.

Вернувшись на следующий день домой, я был радостно встречен родственниками. Как всегда, сестренки просили покатасть их на спине и поиграть с ними. Несмотря на то что я был счастлив встрече с семьей, мне стало ясно, что жизнь в Германии с каждым днем становится все труднее.

Начиная с зимы 1943/1944 года, местные власти велели детям каждый день приносить на занятия по куску угля для обогрева деревенской школы, состоявшей из одной комнаты. В тех случаях, если запас угля в школе заканчивался, моим сестрам и другим ученикам приходилось целый день кутаться в теплую одежду, сидя в холодном, нетопленном помещении.

К этому времени Марлен закончила начальную школу, и ее отправили продолжать учебу в Зальцведель, где ее главный учитель был убежденным нацистом. Зная о недостаточной идеологической лояльности нашей семьи, он часто придирался к моей сестре, особенно за ее неумение правильно отдавать нацистское приветствие. Из-за этого Марлен приходилось особенно усердно заниматься, чтобы не дать этому нацисту оснований придирается к ней за неважную успеваемость.

Этот пример является лишь малым свидетельством того, как власти относились к нашей семье из-за ее нежелания лизать зад нацистам. Приведу еще один пример. Когда родители попросили разрешения заколоть одну из наших свиней, им стали в этом препятствовать, проявляя ненужную волокиту. Как только государство потребовало от фермеров обязательных поставок мяса, нашу семью включили в список одной из первых в округе.

Во всем прочем судьба моей семьи не особенно отличалась от жизни других немецких семей. Мои родители рисковали потерять на войне не только меня, но и моего брата Отто, призванного в армию в начале 1943 года. После курса общевойсковой

подготовки его пехотную дивизию отправили на север Франции, в Нормандию. Его брат-близнец Ганс был инвалидом детства, и поэтому в армию его не призвали, хотя он и мечтал стать солдатом.

Когда мы с Отто находились на фронте, мать каждый день ожидала наших писем. Желая узнать больше о военной обстановке, она тем не менее не верила информации, преподносимой официальной немецкой прессой.

Рискуя навлечь на себя строгое наказание местных властей за прослушивание вражеского радио, она регулярно слушала по приемнику передачи Би-би-си. Иногда к ней присоединялся кто-нибудь из членов нашей семьи, но чаще всего она одна слушала английские программы на немецком языке, чтобы получить правдивые сведения о ходе войны. Следя за передвижением войск по карте, мать хорошо знала, где проходит линия фронта, а иногда даже места, в которых находились мы с Отто.

27 ноября Аннелизу выписали из больницы в Теннинге. Она получила краткосрочный отпуск и съездила в Гамбург, где я провел с ней целых четыре дня. Мы остановились у тети Фриды, милой пожилой женщины, давней знакомой ее отца. Она воспитывала Аннелизу, когда та росла без матери. Жила тетя Фрида в двухкомнатной квартире в Винтерхуде, предместье Гамбурга. Дом располагался позади лавки, в которой продавались деликатесы.

Так же как и дом отца Аннелизы в Вандсбеке, ее дом не пострадал во время бомбежек. Тем не менее разрушения в сердце Гамбурга были колоссальными. Постоянно заливаясь слезами, Аннелиза рассказала мне о тех жутких испытаниях, которые она пережила этим летом.

Ей чудом удалось уехать из города до начала серьезных бомбардировок и с огромным трудом добраться до госпиталя, в котором она работала. Там ей пришлось ухаживать за ранеными, у которых были кошмарные ожоги. Огненный смерч, прокатившийся по Гамбургу, вызвал такую высокую температуру, что плавился даже асфальт, превратившись в раскаленную жидкую смолу.

Люди, пытавшиеся убежать от огня, сгорали живыми факелами.

На фоне недавней трагедии наша короткая встреча казалась нам бесценным подарком судьбы. Война чувствовалась повсюду, и от нее нигде нельзя было скрыться. И все же, несмотря на тревожные фронтовые сводки, невероятный оптимизм и вера в неминуемую победу преобладали среди тех, кто окружал меня в те дни.

Речи Геббельса, в которых он обещал немцам таинственное чудо-оружие, превосходящее любое оружие врага, внушали надежду на то, что грядут большие перемены.

Глава 13

Военное училище

Декабрь 1943 года — май 1944 года

8 декабря, когда я прибыл из Пюггена в военное училище, располагавшееся на окраине Дрездена, старый саксонский город показался мне удивительно красивым. Ничто не предвещало ужасной судьбы, ожидавшей Дрезден, который позднее был полностью разрушен вражеской авиацией. В результате бомбежек погибло примерно 60 тысяч мирных граждан.

В знак признания наших фронтовых заслуг руководство военного училища предоставило нам удобные комнаты в казармах. Питание в столовой оказалось вкусным и калорийным. Вместе с тем нас постоянно занимали какими-нибудь заданиями.

С утра до полудня мы посещали занятия по тактике, стратегии и прочим военным дисциплинам. Наши преподаватели также учили нас армейскому этикету, например тому, как следует вести себя в обществе женщин, а также надлежащим манерам за обеденным столом.

После полудня мы проходили занятия по полевой подготовке. На покатых холмах

училищного полигона в Кенигсбрюке нас учили обращению со стрелковым оружием. Наши инструкторы заставляли нас командовать стрелковыми взводами, вооруженными парой 75-мм орудий, чтобы мы приобретали командные навыки, и отрабатывали с нами различные наступательные и оборонительные тактические сценарии.

Большинство солдат, которыми мы командовали, имели фронтовой опыт, и поэтому между нами складывались хорошие отношения. Кроме того, я сам иногда давал инструкторам кое-какие дельные практические советы, которые приобрел на передовой, корректируя огонь наших орудий.

В будние дни по вечерам после ужина мы занимались в столовой. Хотя руководство училища не устраивало для нас танцев или тому подобных развлечений, иногда я посещал вместе с другими курсантами оперные или опереточные представления в знаменитом дрезденском оперном театре «Земпер».

Несмотря на то что в офицерском корпусе Германии становилось все больше представителей среднего класса, в нем по-прежнему было немало аристократов, всевозможных «фонов», получивших образование в элитных учебных заведениях страны. В большинстве своем эти высокородные офицеры были приличными достойными людьми, которые уважительно относились к солдатам, однако имелись среди них и такие, кто всячески подчеркивал свое знатное происхождение.

Несмотря на то что эти самые «фоны» были по преимуществу пруссаками, я был происхождения самого простого и презирал тех офицеров, которые третировали солдат вроде меня. Приведу один пример.

Тот самый обер-лейтенант, который, напившись, в Люнебурге въехал в казарму верхом на коне, получил чин капитана и был произведен в командиры батальона.

Как-то раз на совещании штаба полка, на котором я присутствовал, став офицером, этот самый капитан проявил свое пренебрежительное отношение к простым солдатам. Когда в блиндаж вошло несколько офицеров, он с видимым отвращением произнес: «Закройте скорее дверь! Иначе тут будет пахнуть простолюдинами!»

Так высокомерно вели себя лишь немногие офицеры, однако поведение вышеназванного капитана свидетельствует о сильной классовой дифференциации Германии того времени. Тот, кто имел дворянскую приставку «фон» перед фамилией и получил хорошее образование, обычно легко находил себе работу на том или ином поприще. Подобный фаворитизм процветал и в военных кругах, и чаще всего вверх по карьерной лестнице быстрее поднимались те, кто имел счастье родиться в аристократической семье. Однако в целом вермахт был относительно демократичным общественно-политическим институтом германского рейха тех лет.

Став офицером немецкой армии, вы пользовались уважением общества в большей степени благодаря званию, а не потому, что были пруссаком, членом нацистской партии или имели благородное происхождение. Интересно отметить, что я никогда не замечал особых отличий в уровне общей культуры между аристократами и офицерами из менее высокопоставленных семей. Однако я видел, что аристократы старались держаться особняком, отдельно от других военнослужащих, также как и в мирной жизни.

Через пару недель после начала моей учебы Аннелиза удивила меня телеграммой, в которой сообщала о своем приезде в Дрезден в конце декабря. Во время этого неожиданного, но очень приятного визита мы с Аннелизой постарались проводить вместе как можно больше времени. За пару дней до праздника Нового года мы погуляли с ней по городу, любуясь его достопримечательностями, побывали в знаменитой галерее Цвингер, сходили в оперный театр и побывали в гостях у моих дальних родственников.

Мы также зашли в несколько ювелирных магазинов и в одном из них заказали кольца для помолвки. Поскольку во время войны было невозможно купить золотые изделия, для заказа следовало приносить свое золото. Мы так и поступили, и вскоре из магазина мне доставили пару превосходных колец.

6 января наша группа кандидатов в офицеры отправилась в горный курорт

Альтенберг, расположенный примерно в 20 километрах к югу от Дрездена. Нам предстояла неделя тренировок по спуску с гор на лыжах и лыжные кроссы по пересеченной местности. По вечерам для нас устраивали выступления женской танцевальной труппы и молодежного хора с репертуаром из народных песен. Наши дневные «развлечения» были более суровы.

На фоне красивого зимнего пейзажа наши инструкторы первые два дня учили нас основам катания на горных лыжах. Хотя у меня имелся опыт хождения на лыжах на Восточном фронте, эта разновидность лыжного спорта была мне неизвестна. По окончании инструктажа мы отправились на вершину горы. Собравшись там группой, мы наблюдали за тем, как наши товарищи один за другим исчезают из вида, скатившись вниз. Наконец и я получил команду «марш!». Набирая скорость, я стремительно заскользил по склону и вскоре приблизился к трамплину. Съехать в сторону было невозможно. К тому времени как я достиг края трамплина, я почти сидел, скорчившись, на лыжинах. Приземлился я на мягкий снег прямо на «пятую точку».

Через пару дней инструкторы приказали нам спуститься с горы в санях для бобслея. Не отличаясь особой сноровкой в этом виде спорта, я не захотел рисковать собственной шеей и ухватился на всем ходу за ствол попавшегося мне на пути большого дерева.

Вскоре после возвращения в Дрезден, в училище, мы столкнулись с новым испытанием, рассчитанным на проверку нашего мужества. Примерно в десять часов вечера инструкторы приказали нам надеть плавки и отправиться в крытый бассейн, находившийся на территории училища. Там мы построились у подножия вышки для прыжков в воду, высота которой составляла 10 метров. Затем нам по одному приказали подняться наверх. После этого инструктор выключал свет и заставлял каждого курсанта прыгать вниз в полной темноте. Хотя некоторые мои товарищи проявили нерешительность, я без всяких сомнений прыгнул с вышки, решив, что инструкторам незачем калечить будущих офицеров.

В немецкой армии подобные методики обучения и воспитания предусматривали безоговорочное выполнение приказов начальства, независимо оттого, с какими препятствиями придется столкнуться или какие сомнения могут при этом возникнуть. Как бы то ни было, но со всеми трудностями я благополучно справился и 1 марта был произведен в звание обер-фенриха (старшего кандидата в офицеры).

За несколько дней до окончания учебы мы узнали о том, что Адольф Гитлер выступит в Дессау перед выпускниками училищ, которые приедут туда со всей Германии. Даже при моей нелюбви к нацистскому режиму я не мог не испытать волнения от будущей поездки.

Последующее сообщение о том, что фюрер присутствовать на этом мероприятии не будет, а вместо него перед нами выступит гросс-адмирал Дениц, командующий кригсмарине, было встречено нами с немалым разочарованием. Несмотря на то что я с детских лет интересовался подводным флотом, речь главного военного моряка рейха меня несколько не вдохновила.

Выпуск из училища состоялся 15 марта 1944 года и прошел без всякой помпезности. Начальник училища произнес короткую энергичную речь, пожелав нам дальнейших успехов. Полевая подготовка, которую мы прошли в училище, имела скромную практическую пользу и не шла ни в какое сравнение с боевым опытом, который я приобрел на Восточном фронте. Однако теоретические знания, которые мы получили, представлялись мне интересными и нужными для моей будущей роли командира. Кроме того, было очень приятно провести несколько месяцев вдали от передовой с ее окопами, пулями и снарядами.

На следующий день я прибыл из Дрездена в Ольденбург и доложил капитану об успешном окончании училища. Прошел день, и я получил лейтенантские погоны и с радостью отправился к армейскому портному, чтобы внести необходимые изменения в мою форму.

Хотя я был не уверен в том, что ждет меня по возвращении на фронт, я, наконец, достиг своей давней мечты стать лидером.

Помолвка с Аннелизой и последующее обучение

17 марта — 13 мая 1944 года

Получив 17 марта двухнедельный отпуск, я поехал из Ольденбурга в Гамбург, находясь в тревожном предвкушении помолвки с Аннелизой. У нее уже закончилась первая половина отпуска, и она с нетерпением ожидала моего приезда.

Вместо того чтобы провести три ночи в доме герра Берндта, я снова остановился у тети Фриды в Винтерхуде. Однако обедали и ужинали мы в доме Аннелизы в Вандсбеке, чтобы дать мне возможность чуть ближе познакомиться с ее отцом и другими родственниками, жившими там же.

18 марта в доме тети Фриды мы с Аннелизой обменялись кольцами в знак заключения нашей помолвки. По этому случаю мы не стали устраивать никаких торжеств, а просто сообщили об этом ее отцу, а я по телефону известил моих родителей в Пюггене.

В самый разгар войны, когда будущее представлялось крайне туманным, мы с Аннелизой согласились, что нам следует подождать со свадьбой до наступления мира.

Через несколько недель мне предстояло вернуться на Восточный фронт, и я не был абсолютно уверен в том, что смогу встретить свой двадцать четвертый день рождения. Хотя мне было тяжело решиться на то, чтобы связать свою судьбу с другим человеком, согласие Аннелизы стать моей женой подарило мне надежду, осветившую мрачную темноту будущего.

Несмотря на то что решение подождать лучших времен было вызвано исключительно беспокойством о нашем будущем, мы понимали, что мне придется получить разрешение на брак у моего армейского начальства. Помимо обычных бюрократических необходимостей, мы столкнулись с одним дополнительным препятствием, состоявшим в том, что у матери Аннелизы была еврейская фамилия Саломон.

Это была девичья фамилия ее матери, усыновленной семьей еврея-мясника из Гамбурга. Услышав эту фамилию, власти отказались дать разрешение на брак без дальнейшего расследования. Сопrotивляться подобным расистским ограничениям в те годы было бессмысленно, хотя я считал, что государство не имеет никакого права вмешиваться в личные дела граждан, какой бы национальности ни была моя будущая жена.

Уехав из Гамбурга через два дня после нашей помолвки, мы с Аннелизой провели несколько дней в доме моих родителей в Пюггене. 24 марта она уехала домой на неделю, прежде чем отправиться в Леер. 4 апреля Аннелиза получила назначение в бельгийский город Беверло.

В конце марта я поехал в Мюнстер на двухнедельные курсы ротных командиров. Они включали в себя аудиторные занятия, а также полевую подготовку на полигоне. Эти курсы предоставили мне возможность познакомиться с новым оружием, высокоточным 210-мм гранатометом. Снова получив двухнедельный отпуск, я отправился в Пюгген, после чего, 30 апреля, прошел недельные курсы в офицерской школе верховой езды в городке Зольтау, неподалеку от Мюнстера.

После раннего подъема у нас начинались уроки верховой езды на манеже. Нам нужно было научиться запрыгивать на лошадь, когда она скакала по кругу. Кроме того, нам показывали, как заставить лошадь лечь, чтобы укрыться за ней, когда окажешься под огнем противника.

К концу второго дня занятий я почувствовал, что сильно натер кожу на ягодицах и внутренней стороне бедра. Каждую ночь раны немного заживали, но днем я натирал их снова. Однако если исключить физические страдания подобного рода, опыт, приобретенный в Зольтау, в целом представлялся мне вполне позитивным. Хотя многие мои товарищи по курсам находили эти занятия тяжелыми, мне они не казались слишком трудными, потому что работа на ферме научила меня обращению с лошадьми.

8 мая, по завершении этой последней части необходимой офицерской подготовки, я пробыл три дня на базе 58-й дивизии в Ольденбурге. К моей великой радости, туда смогла

приехать на пару дней Аннелиза, получившая краткосрочный отпуск после бомбежек в Беверло. Хотя с ней ничего не случилось, перспектива будущих налетов вражеской авиации сильно встревожила меня.

Встретившись в Ольденбурге, мы решили снять в отеле номер на двоих. Однако когда я попросил у управляющего комнату, тот поинтересовался, женаты ли мы. Когда я ответил, что мы помолвлены, то услышал в ответ, что неженатым парам не разрешается селиться в одном гостиничном номере. После этого нас попросили оплатить две отдельные комнаты. Хотя в военное время жизнь очень сильно меняется, в те годы изменения не коснулись традиционных немецких общественных условностей.

10 мая Аннелиза вернулась в Бельгию. По прибытии ее перевели из Беверло в расположенный восточнее от него городок Генк. В местном госпитале ей вскоре пришлось ухаживать за ранеными немецкими солдатами, привезенными из Франции.

С 10 по 13 мая я пробыл в Пюггене. Затем, попрощавшись с семьей, отправился на Восточный фронт уже в чине офицера вермахта. Я не знал, какое назначение получу или когда в следующий раз попаду домой.

Я ехал на фронт, не догадываясь о том, какие удары судьбы обрушатся на немецкую армию в июне. Летом 1944 года Германия пережила кризис, серьезно сказавшийся на положении дел как на фронте, так и в тылу.

Глава 14

Возвращение на фронт

Май — октябрь 1944 года

Когда мой поезд 15 мая прибыл в пограничный Тильзит, я получил телеграмму от полковника Беренда, командира 154-го гренадерского полка.

Мне надлежало вернуться в полк и принять под командование мою старую минометную роту, заменив погибшего лейтенанта Рейхардта. Поскольку я имел предписание отправиться в любую роту группы армий «Север», то просьба Беренда обрадовала меня. Правда, это было абсолютной неожиданностью для меня.

На основании ходатайства полковника Беренда мне оформили приказ принять командование над 13-й ротой. Сев в другой поезд, отправлявшийся из Тильзита на восток, я прибыл в северо-восточную Эстонию, где в это время дислоцировалась 58-я дивизия.

В январе 1944 года Красная Армия перешла в наступление, прорвавшее блокаду Ленинграда и заставившее части группы армий «Север» отойти на запад. Организованное отступление на северном участке фронта было вызвано масштабным изменением стратегической обстановки, сложившейся после поражения немецких войск под Сталинградом.

Хотя боеготовность отдельного немецкого солдата несколько не ухудшилась, постоянные потери личного состава постепенно сделались невосполнимыми. В это же время Красная Армия стремительно наращивала свою мощь и добилась превосходства в живой силе и боевой технике, вернув территории, потерянные в начале войны. Нам оставалось лишь надеяться на то, что уменьшение протяженности фронта позволит вермахту компенсировать нехватку личного состава вместе с уменьшением линий коммуникаций.

Этой зимой 154-й полк в составе 58-й дивизии отступил из-под Невеля на северо-запад. Для более безопасного и эффективного отступления он разделился на несколько небольших подразделений. Под нарастающим давлением сложившейся обстановки подобная практика получила широкое распространение. Имея мало резервов, немецкая армия бросала такие «пожарные бригады» на оголившиеся участки фронта.

В феврале 1944 года 154-й полк был собран воедино и присоединился к 58-й дивизии неподалеку от Нарвы на северо-востоке Эстонии, где занял позиции на только что созданной системе оборонительных сооружений «Пантера», протянувшейся от побережья Балтийского

моря до Чудского озера. Оказавшись на этом участке передовой, 154-й полк помогал отражать атаки частей Красной Армии в районе города Сиргала, расположенного восточнее Нарвы и наших старых позиций на Плюссе.

20 мая, по прибытии в расположение 13-й роты, я сразу же принял на себя обязанности ротного командира. Вскоре полковник Беренд окончательно утвердил меня в этой должности. Обычно это капитанская, а не лейтенантская должность, однако при нехватке офицеров подобное стало широко распространенной практикой. Являясь единственным офицером в роте, я был вынужден назначить командирами взводов фельдфебелей, хотя они обычно командовали отделениями.

Гауптфельдфебель Юхтер по-прежнему отвечал за наше снабжение, а оберфельдфебель Элерт командовал взводом связи. Теперь я стал старшим по званию. Товарищеские отношения, которые у меня раньше были со многими рядовыми нашей роты, стали более невозможными. Даже такие ветераны, как Вилли Шютте, должны были обращаться ко мне со словами «герр лейтенант».

Однако в соответствии с давно установившимися правилами служебной субординации мы скоро привыкли к новому характеру отношений. Если вне передовой между мной и старыми товарищами возникала тонкая стена различия в званиях, то во время боя между нами снова устанавливались отношения доброго фронтового братства. Этому в значительной степени способствовало то, что я провел на передовой столько же времени, что и остальные солдаты 13-й роты.

Хотя в первые два месяца после моего возвращения потеря в роте было немного, изматывающие бои предыдущих месяцев уменьшили ее личный состав до 200 человек. Это было на 50–100 человек меньше требуемого. К счастью, относительно спокойная обстановка на линии «Пантера» позволила нам до известной степени пополнить личный состав за счет пополнения и возвращавшихся из госпиталей выздоровевших солдат.

Тот факт, что командование вермахта комплектовало дивизии военнослужащими из одного района страны, усиливал дух товарищества и взаимовыручки внутри подразделений, однако при пополнении ее иногородними изредка возникали и конфликты.

У нас ничего подобного не происходило, напротив, уроженцы других районов Германии, воевавшие бок о бок с нами, прекрасно ладили со всеми остальными. Один австриец из Вены оказался, пожалуй, лучшим солдатом, которыми я когда-либо командовал в боевых условиях. Он идеально выполнял приказы и под градом пуль сохранял невозмутимое спокойствие. Вообще очень трудно предсказать, как поведет себя в бою тот или иной человек.

Как и положено офицеру, я получил личное оружие — пистолет «люгер». Несмотря на то что я всего пару раз использовал его в бою, он оказался надежным оружием, отлично попадавшим в цель с расстояния 20–30 метров. Позднее мне выдали пистолет «астра» испанского производства, ставший моим любимым стрелковым оружием. В отдельных случаях я пользовался в боевых условиях маузеровской винтовкой или автоматом MP-40, предпочитая все-таки винтовку.

Получив офицерское звание, я получил в свое распоряжение денщика, который заботился о моей военной форме и приносил еду из ротной полевой кухни. В роте имелось несколько машин, и одна из них, «ситроен», была предоставлена мне вместе с шофером. В нашей семье машины не было, и поэтому водить я не умел. Водительских прав у меня тоже не было.

Статус офицера наделил меня возможностью получить в свое распоряжение лошадь. Ее звали Теа, и за ней ухаживал солдат-конюх. Я редко ездил на ней, за исключением дальних переходов роты и редких часов затишья между боями. Опыт работы на ферме и знание лошадей у меня оказался больше, чем у солдата, которому было положено ухаживать за ней. Когда один из унтер-офицеров не смог обуздать какую-то из наших лошадей, я легко вскочил на нее и проехал верхом несколько кругов, сумев обуздать строптивницу.

Несмотря на то что на меня теперь свалилась масса обязанностей, я постоянно

вспоминал об Аннелизе. Хотя пребывание на передовой оставалась по-прежнему трудным и опасным, самым худшим для меня была разлука с любимой и неуверенность в том, смогу ли я увидеть ее снова. В наших письмах мы писали друг другу о желании поскорее встретиться, о нашей будущей женитьбе и мирной счастливой жизни. Кроме уверений в любви, мы писали о надежде на скорое наступление мира. Перед лицом мрачного будущего мы пытались приободрить друг друга и поднять настроение.

Находясь в Бельгии, Аннелиза своими глазами видела вражеские бомбардировщики, летевшие из Англии для налетов на города Германии или возвращавшиеся обратно. Став свидетелем разрушения Гамбурга, она думала над тем, какой город станет следующей жертвой англо-американской авиации.

Аннелиза также сообщала мне о том, что узнавала о судьбе моего брата Отто, с которым тоже обменивалась письмами и телефонными звонками. Он находился во Франции, относительно недалеко от нее. После высадки англо-американских войск в Нормандии, состоявшейся 6 июня 1944 года, мы встревожились, потеряв с ним связь. После трех месяцев молчания мы, наконец, узнали о том, что 30 августа Отто попал в плен.

Помимо тревоги за судьбу брата, я сильно беспокоился о безопасности Аннелизы, особенно после того, как узнал, что в середине июня неприятель провел бомбардировку в районе Генка.

Дюна

Середина июля — 7 августа 1944 года

После моего прибытия на передовую в конце мая обстановка на участке фронта близ Нарвы была относительно спокойной, однако вскоре на южных участках Восточного фронта возник кризис. 22 июня, в третью годовщину нашего нападения на Россию, Красная Армия развернула крупномасштабное наступление, практически полностью разгромив группу армий «Центр». В результате сотни тысяч немецких солдат были убиты или взяты в плен.

Уничтожение одной из трех мощных группировок вермахта стало огромной катастрофой, близкой к Сталинградской трагедии, и серьезно подорвало военную мощь Германии на Восточном фронте. Для защиты южного фланга группы армий «Центр» верховное командование вермахта в середине июля перебросило в Латвию части, ранее находившиеся на северном фланге.

Пока мы готовились к отводу из района Нарвы, из дивизии в мою роту поступили примерно два десятка 210-мм реактивных снарядов. Они имели боеголовки разного типа, включая разрывные, начиненные шрапнелью, а также зажигательные.

Перед отходом с позиций нам предстояло уничтожить все боеприпасы, которые мы не сможем увезти с собой. Это нужно было сделать для того, чтобы они не достались врагу. Я видел пробные выстрелы этих реактивных снарядов на командирских курсах в Мюнстере и захотел оценить их боевые качества.

Необходимого снаряжения для пуска таких снарядов у нас не было, и я решил использовать в качестве пусковых труб снарядную тару. Скрывшись от противника на другой стороне холма, мы соорудили две примитивные опоры, после чего срубили пару деревьев с диаметром ствола пять дюймов, чтобы использовать их в качестве насадки.

Поместив импровизированную пусковую трубу под нужным углом, мы направили ее на цель на позициях советских войск.

Подсоединив к взрывателю снаряда электрический детонатор, используемый для подрыва фугасов, мы осторожно поместили в «пусковую трубу» снаряд. Тот взлетел в воздух и попал точно в цель.

Окрыленный успехом, я приказал подобным образом приготовить к пуску остальные реактивные снаряды, приведя в действие их встроенные часовые механизмы, чтобы добиться короткой задержки взрыва после выстрела.

После каждого включения детонатора снаряды один за другим полетели через ничейную землю прямо в определенные нами цели на краю леса. К небу взлетел залп огня, зажигательные снаряды воспламенили ближний участок леса.

Хотя мы точно не знали, какое количество советских войск находилось перед нами, было понятно, что реактивные снаряды полностью уничтожили выбранные нами цели. Было очевидно, что, выпущенные из настоящих пусковых труб, они представляют собой еще более грозную силу, однако таких снарядов мы никогда больше не получали.

Оставив «Линию Пантеры», 58-я дивизия перебралась на запад, в Ревель (Таллин), главный город Эстонии.

Большую часть пути мы проделали на поезде, а меньшую часть — пешком или на подводах. Несмотря на попытки моторизовать 58-ю дивизию в годы войны, процесс этот затянулся надолго.

Во время боев во Франции нам отчаянно не хватало грузовиков, и военное начальство позднее, по окончании Французской кампании, снабдило нас небольшим количеством грузовиков «бедфорд», захваченных в качестве трофеев.

В конце 1942 года, находясь в России, мы стали получать в больших количествах машины немецкого производства. Однако моторизация дивизии вскоре прекратилась, и с середины 1943 года автомобили совсем перестали поступать. После этого нам пришлось использовать гужевой транспорт. Это происходило по мере того, как мы начали терять машины. Наши грузовики либо уничтожал противник, либо их приходилось бросать из-за нехватки запасных частей.

Моторизация привела к печальным результатам в погодных условиях России. В весеннюю и осеннюю распутицу русские дороги превращались в непролазную топь. По ним можно было передвигаться исключительно на конных подводах. Грязь в иных местах была такой топкой, что в ней вязли грузовики, и их приходилось вытягивать танками. Даже в хорошую погоду было невозможно развить большую скорость на грунтовых дорогах, везя прицеп со 150-мм гаубицей.

По прошествии времени мне кажется, что многие комментаторы военных событий переоценивают нехватку моторизованного транспорта у немецких войск, особенно после того, как Германия перешла к стратегической обороне. Лошадям был не нужен бензин, запасные части или заводы; они до известной степени помогали сохранять ресурсы рейха для производства более важного вооружения и боеприпасов. К тому времени, когда я вернулся на фронт — в середине 1944 года, — для транспортировки пушек и прочего снаряжения нашей дивизии чаще приходилось полагаться на конную тягу, чем на машины.

Вскоре после прибытия в Ревель наша дивизия села на поезд и отправилась в латвийский город Дюнабург, располагавшийся на берегу реки Дюны. Затем мы совершили 45-километровый пеший марш на запад. Оказавшись в городе Рокишкис, в соседней Литве, 17 июля мы ввязались в бой с наступающими частями Красной Армии, но удержать город не смогли. Перейдя к обороне, мы заняли позиции примерно в 120 километрах к юго-востоку от латвийской столицы Риги.

Хотя я перестал заниматься корректировкой огня, мне тем не менее приходилось постоянно бывать на передовой. Уверенный в своих способностях наездника, я, возможно, излишне часто подвергал себя ненужному риску. Как-то раз я решил размяться и прокатиться на Теа, но в конечном итоге оказался слишком близко от вражеских позиций.

Рядом со мной засвистели пули. Это были действительно опасные минуты, особенно если принять во внимание признания пленных русских солдат о том, что части Красной Армии получили приказ стрелять прежде всего в тех немецких военнослужащих, на ком бриджи и сапоги офицерского типа. Развернув Теа, я галопом направился в тыл. В очередной раз жизнь моя была спасена.

Помимо визуального наблюдения за позициями противника, мы также постоянно прислушивались к изменению громкости шума, доносившегося со стороны русских окопов. Иногда эти изменения были незначительными, но порой вполне различимыми. Находясь на

позициях под Рокишкисом, мы слышали женский смех, долетавший до нас с той стороны ничейной земли. Я приказал нашим орудийным расчетам дать несколько залпов в том направлении. После этого на передовой стало тихо.

Той же ночью, несколько часов спустя, из наших окопов, находившихся в 50 метрах перед моим блиндажом, на позиции русских обрушился мощный пулеметный огонь. Вестовой, явившийся через несколько минут, подтвердил мои подозрения — советские войска действительно пошли на нас в атаку.

Понимая необходимость артиллерийской поддержки, я вышел из блиндажа и отдал приказание минометчикам открыть огонь. Минометы в условиях лесистой местности более эффективны, чем гаубицы. Не зная точно, насколько глубоко внедрились русские на наши позиции, я приказал накрыть минами цели, находящиеся в 100 метрах от нас.

Когда несколько залпов приостановили натиск врага, я приказал обстрелять минами цели на расстоянии 50 метров от нас. Огонь стрелкового оружия не ослабевал, и я понял, что противник находится уже совсем рядом. Я приказал дать новый залп, сократив расстояние до 25 метров.

Когда минометы обрушили мины на участок размером 25 на 75 метров, атака противника захлебнулась. Вместо того чтобы рассеять пехоту по всей передовой, как это бывает во время обычных дневных атак, русские сомкнулись в темноте в плотную группу и поэтому понесли огромные потери. Как выяснилось позднее, одной только нашей миной было убито не менее десятка красноармейцев. Потери русских от тридцати мин наверняка составили многие десятки, если не сотни человек.

Несколько дней спустя я отдыхал в моем блиндаже, располагавшемся в 100 метрах от передовой. Неожиданно ко мне вошел подполковник Вернер Эбелинг, наш новый полковой командир.

— Люббеке, у вас есть что-нибудь выпить? — спросил он.

Польщенный возможностью неформально пообщаться с начальником, я вытащил из-под койки бутылку коньяку.

В следующую секунду в блиндаже появились еще три офицера.

— Это все, что у тебя есть? — спросили они.

Я извлек еще пару бутылок.

Далее со мной злую шутку сыграла немецкая традиция застолья. После тоста следовало опустошить рюмку и перевернуть ее вверх дном, так что пропустить очередную порцию спиртного было невозможно. После долгой череды тостов мы были настолько пьяны, что с трудом могли двигаться. Выйдя из блиндажа, мы прошли примерно полтора километра до нашего обоза, напоминая кучку пьяных матросов в порту. Отыскав квартирмейстера, мы получили от него бочонок соленой селедки, которую стали вылавливать прямо руками. Не удивлюсь, если мы вышли на самый передний край, но сам я был слишком пьян, чтобы точно помнить это. На следующий день моя голова буквально раскалывалась от похмелья. Так плохо после выпивки мне еще не было никогда в жизни. С тех пор один только запах коньяка вызывает у меня омерзение.

Отступление к Риге

7 августа — 5 октября 1944 года

Вскоре после упомянутой выше попойки наступление Красной Армии продолжилось. Над нашей частью возникла угроза окружения под Рокишкисом, заставившая нас 7 августа отступить в район Дюны. Отойдя через пару дней на северо-запад, моя рота, состоявшая теперь из 180 человек, заняла позиции на берегу реки Немунелис-Мемеле. Теперь мы находились в 60 километрах к северо-западу от Рокишкиса и примерно на том же расстоянии к юго-востоку от Риги.

Когда мы заняли свой участок передовой, я приказал выпустить снаряд по цели по

конкретным координатам, такова была стандартная процедура. Когда за моей спиной грохнул выстрел гаубицы, я стал ждать последующего взрыва на передовой.

Вместо этого взрыв прогремел позади меня, и я понял, что это был недолет. В следующую минуту я увидел бегущего к нашим позициям немецкого солдата. «Эти сукины дети подстрелили меня!» — истошно кричал он.

Не до конца уверенный в том, кто виноват в недолете — я, дав неправильные координаты, или совершивший ошибку орудийный расчет, я не стал брать вину на себя. К счастью, ранение у того злополучного солдата оказалось достаточно легким.

Ближе к концу августа боевая обстановка на берегах Дюны ухудшилась, и мы стали постепенно отступать на запад. Участвовавшие атаки советских войск привели к тому, что на выравнивание линии фронта все чаще стали бросать упоминавшиеся мной ранее «пожарные бригады», призванные блокировать действия Красной Армии. Однако эффективность их действий затруднялась тем, что мы точно не знали, где находится враг — перед нами, сзади или сбоку. Чтобы избежать окружения, нашим войскам приходилось отступать по всей линии фронта.

Выполняя роль «пожарной бригады», наша минометная рота иногда занимала участок впереди нас вдалеке от пехотинцев нашего полка или поддерживала огнем другие дивизии вермахта. Поскольку расположение нашей роты оставалось в стороне от главных ударов Красной Армии, мы чаще всего принимали участие в многочисленных мелких боях местного значения.

При обороне наши орудия служили средством сдерживания наступающих советских войск, однако когда части вермахта сами переходили в наступление, мы пытались уничтожить скопления живой силы и боевой техники противника, предупреждая его удары. Когда нам это не удавалось, мы старались связать действия врага, ограничить скорость преследования.

Когда поступал приказ оставить позиции, наша рота уходила первой, раньше остальных подразделений полка, потому что в отличие от пехоты нам требовалось больше времени для сбора и погрузки боевого снаряжения, да и скорость у нас была ниже. Полк оставлял арьергард, два-три стрелковых взвода с пулеметами и парой 75-мм гаубиц или несколькими 105-мм минометами нашей роты. Когда арьергард отступал, у наших минометчиков оставалось очень мало времени для того, чтобы собрать снаряжение и отправиться в путь прямо перед носом у наступающих русских солдат.

В Прибалтике в те дни находилось несколько крупных складов, где вермахт сосредоточил огромные запасы боеприпасов и продовольствия для снабжения группы армий «Север». Из-за стремительного наступления Красной Армии эти склады теперь приходилось спешно уничтожать или просто бросать. В небе можно было часто видеть клубы черного дыма от пожаров, которыми они были охвачены.

Это вызвало дефицит одних видов припасов, но вместе с тем избыток других. Как-то раз из дивизии нам прислали изрядное количество коньяка «Хеннеси», который иначе просто пропал бы. В условиях постоянной угрозы наступления советских войск нам не часто представлялась возможность свободно выпить. Понимая, что теперь возникла иная угроза — последствий чрезмерного потребления спиртного, я взял распределение коньяка под строгий контроль.

При отступлении в районе Дюны имели место редкие случаи, когда наша рота вместе с дивизионной артиллерией координировала свои действия для совместных ударов по цели. В то время как минометная рота поддерживала боевые операции пехоты ближе к передовой, артиллерия обычно была по вражеским тылам. Корректировщик минометной роты полка, как правило, работал на самой линии огня и часто обменивался сведениями со своим коллегой в артиллерийском полку дивизии, однако действовали они всегда независимо друг от друга.

Однажды дивизионная разведка донесла, что Красная Армия сосредоточивает силы на нашем участке фронта, в лесистой местности площадью примерно сорок квадратных километров. Для уничтожения этой группировки дивизионные артиллеристы попросили

нашу роту присоединиться к ним для обеспечения огневого вала.

Имея немалый опыт корректировки огня, я мог высчитать вплоть до секунды время полета снарядов и мин до указанной цели. Проконсультировавшись с дивизионными артиллеристами, мы решили синхронизировать залпы для обеспечения максимальной огневой мощи.

Держа перед собой наручные часы, я сначала приказал дать залп из 105-мм минометов, потому что из-за высоты своей траектории они попадают в цель с некоторым опозданием. Сразу после них по противнику должны были ударить наши 150-мм и 75-мм гаубицы.

Секунд через тридцать сотни наших снарядов одновременно обрушились на лес. Огневой вал, несомненно, уничтожил всех красноармейцев, находившихся там. В таких обстоятельствах нельзя было не испытывать жалость к обреченному на верную смерть врагу. В нескольких строчках моих писем, которые я писал Аннелизе во время августовского отступления, отражается мой тогдашний фаталистический взгляд на будущее: «Мы с тобой выполним наш долг до конца. Дай Бог, мы еще увидимся».

И все же наша любовь давала мне надежду на лучшее. Я выразил ее следующими словами: «Я рад, что ты есть у меня, дорогая Аннелиза». Когда она прислала мне в конверте локон своих волос, я стал бережно хранить его в нагрудном кармане как амулет.

В то же самое время во Франции и Бельгии стремительно началось наступление англо-американских войск. Эти события заставили 8 сентября срочно эвакуировать госпиталь из Генка в Германию. В воцарившемся хаосе медицинский персонал был брошен на произвол судьбы, и медсестрам пришлось самим бежать из Бельгии.

Оказавшись на территории рейха, Аннелиза получила краткосрочный отпуск. В те дни продолжались сильные бомбежки Гамбурга, и она отправилась в Пюнген погостить в доме моих родителей.

Примерно тогда же в соседние с Пюнгеном земли хлынули немецкие беженцы с востока, гонимые наступлением Красной Армии, а также те, кто потерял жилье в разрушенных бомбежками соседних городах. Наша семья приютила дальних родственников из других мест Германии, однако в деревне появилось немало тех, у кого в Пюнгене не было ни родных, ни знакомых. Из-за неприязни моих родителей к нацистскому режиму местные власти приказали им поселить на ферме около двадцати беженцев.

Все незанятые комнаты были отданы беженцам. По причине недостатка постельного белья и кроватей многим из них приходилось спать на постеленной на пол соломе. Чтобы прокормить такую массу народа, родители были вынуждены заколоть несколько свиней. Присутствие в доме посторонних людей тяжелым бременем легло на плечи моей матери, которой постоянно приходилось хлопотать по дому, чтобы обеспечить людей горячей едой и всем необходимым.

Хотя местные власти знали о нелюбви моих родителей к правящему режиму, моих сестер все равно заставили посещать регулярные заседания «Союза германских девушек», организованного нацистской партией. Желая отвлечь молодых девушек от посещения церкви, руководители Союза устраивали свои заседания по воскресеньям.

Как-то раз мои сестренки шли на одно из таких заседаний, которое проводилось в соседней деревне. В это время в воздухе появился низко летящий вражеский самолет, который открыл огонь из пулемета, заставив их броситься прочь с дороги и спрятаться в кювете. Подобные случаи в те дни в моих родных местах случались довольно часто — неприятельские истребители нападали на мирных немецких граждан на полях и дорогах, хотя сельские районы Германии англичане и американцы бомбили крайне редко, и их главной целью были крупные города.

Война продолжалась на обоих фронтах, и неприятель стремительно приближался к границам рейха.

Глава 15

Отступление к границам рейха

Октябрь 1944 года — январь 1945 года

«Крепость Мемель»

5 октября 1944 года — конец января 1945 года

5 октября мы получили приказ отступить из Латвии в немецкий порт Мемель. Большая часть нашего полка села на грузовики и, добравшись до Риги, в порту погрузилась на борт корабля, совершившего небольшое путешествие по водам Балтийского моря. Перед отплытием подполковник Эбелинг временно поручил моим заботам весь гужевой транспорт 154-го полка, хотя мою роту обслуживала лишь незначительная его часть.

Получив приказ доставить все это подразделение в Мемель по суше, я вывел из Риги растянувшуюся на добрых четыре километра колонну и отправился на юго-запад, проделав путь в 150 километров. Сначала на нас часто совершала налеты советская истребительная авиация, заставляя разбегаться в разные стороны в поисках укрытия, однако, после того как мы покинули окрестности Риги, вражеские самолеты нам больше не угрожали.

Когда наша медленно двигавшаяся кавалькада преодолела более половины пути до Мемеля, части Красной Армии вырвались к берегам Балтийского моря впереди нас, заблокировав дорогу, ведущую к месту назначения. Новый приказ, который я получил, предписывал мне развернуть колонну в направлении контролируемой вермахтом Лиепай на северо-западе Латвии. Оттуда мы должны были перебраться, наконец, в Мемель.

Я ехал впереди колонны на моей Теа, когда неожиданно услышал за спиной чей-то голос: «Куда вы направляетесь?»

Я обернулся и увидел офицерский штабной автомобиль, ехавший позади и слева от моей лошади. В нем сидел фельдмаршал Фердинанд Шернер, командующий группой армий «Север».

Испуганный его неожиданным появлением, я тем не менее бойко отсалютовал и ответил: «Насколько мне известно, в Лиепаяу, герр фельдмаршал».

Шернер имел репутацию сурового, безжалостного военачальника, известного своим неожиданным появлением на любом участке фронта. Ходил слух о том, что когда его личный водитель сделал что-то не так, фельдмаршал приказал ему остановиться и объявил, что он понижен в звании. В следующий раз этот самый водитель сделал нечто такое, что обрадовало Шернера, и тот прямо в автомобиле вернул ему прежнее звание. К счастью, я избежал гнева фельдмаршала Шернера, и он приказал нашей колонне продолжать движение. Днем 15 октября мы добрались до Лиепай. Погрузив при помощи подъемных кранов наши орудия, мы через несколько часов сели на борт корабля. Ночью мы отчалили, взяв курс на юг. Позади остались части группы армий «Север», которым было суждено воевать на берегах Балтийского моря до самого конца войны.

Утром мы бросили якорь в «крепости Мемель» — так геббельсовская пропаганда называла этот город, надеясь поддержать моральный дух его защитников. Теперь мы находились под командованием группы армий «Север» на территории великого германского рейха, примерно в 55 километрах от того места, где 58-я дивизия начала наступление на земли Советского Союза три с половиной года назад.

По прибытии на место назначения сильно поредевшая в боях пехота нашего полка тут же пришла на помощь защитникам Мемеля. Полагаясь на пулеметы и легкое стрелковое орудие, она отчаянно нуждалась в поддержке гаубиц и минометов моей роты. Через несколько часов после высадки мы спешно разгрузили орудия и установили их на позициях примерно в восьми километрах от порта.

Выйдя в предместья города, мы заняли позиции позади нашей пехоты и сразу же дали несколько залпов по советским войскам, чтобы определить будущие цели. На следующий

день красноармейцы атаковали наши позиции, однако крупномасштабного наступления не последовало. В следующие недели противник предпринимал атаки на нашу линию обороны лишь силами роты или батальона.

Хотя на нашем участке фронта обстановка была относительно спокойной, наступление частей Красной Армии в других местах близ Мемеля постепенно выдавливало немецкие войска на запад и медленно сжимало кольцо вокруг города. Несмотря на натиск противника, большую часть немецких частей мемельского гарнизона вскоре перевели на южный фланг, где обстановка серьезно обострилась. В конечном итоге город защищали только мы, да еще 95-я пехотная дивизия.

Верховное командование Красной Армии, видимо, имело и другие приоритеты и поэтому решило, что не стоит тратить на Мемель лишних усилий, точно так же как вермахт в свое время не стал уничтожать красноармейцев, оказавшихся в Ораниенбаумском котле. Соображение было такое — загнанный в угол враг оказывает отчаянное сопротивление, которое очень трудно сломить.

В дни осады Мемеля я занимал блиндаж, находившийся на полпути между городом и передовой. Остальная часть моей роты размещалась на ферме в трех километрах от города. Поскольку гражданское население успели практически полностью эвакуировать на запад, это был в буквальном смысле город-призрак.

В короткий период затишья между боями я забрел в какой-то пустой дом и впервые за несколько месяцев принял горячую ванну. Иногда нам удавалось поохотиться на зайцев и тем самым немного разнообразить наш нехитрый паек.

Однажды утром около девяти часов я все еще находился в постели после тяжелой предыдущей ночи. В мой блиндаж неожиданно вошел подполковник Эбелинг. Все еще не одетый, я вскочил с койки и отдал честь. Мои отношения с командиром полка были неплохими, но я сильно смутился, понимая, что совершил серьезный проступок, проснувшись так поздно.

Вскоре произошел не менее серьезный случай. Зная, что мои солдаты какое-то время не стреляли из винтовок, я решил найти подходящее место для короткой стрелковой подготовки. Идеальным местом мне показался холм неподалеку от фермы, где стояла на постое наша рота. Мне даже не пришло в голову, что блиндаж нашего полкового штаба находится на другой стороне холма.

После пяти минут стрельбы поступил срочный звонок из полка. Мне приказали немедленно прекратить огонь. Пули, выпущенные моими солдатами, перелетали через холм прямо над крышей штабного блиндажа. Хотя большая часть моих подопечных искусно обращались с гаубицами и минометами, стрелками из винтовок они были неважными.

На городских улицах неподалеку от фермы, на которой размещалась наша рота, были установлены указатели с двумя словами: «Подразделение Люббеке», чтобы нас могли найти те, кому мы нужны. На письмах, отправляемых солдатам на фронт, из соображений сохранения военной тайны обычно не указывался точный номер роты и полка. Вместо этого, отправляя письма, следовало указывать номер полевой почты. Такое правило действовало все годы войны.

Возможно, по причине ухудшения военной обстановки все большее количество наших писем проходило через военную цензуру. Прекрасно понимая это, я никогда не чувствовал себя ограниченным в том, что хотел сообщить в своих посланиях Аннелизе. Мне также казалось, что от нее я получаю четкое и правдивое описание того, что происходит ней и моими родственниками.

Проблема руководства

20 января 1945 года я был окончательно утвержден в должности командира роты. Моя радость по этому поводу еще более окрепла, когда солдаты устроили для меня неформальное празднество на ферме, на которой они находились на постое. Уважение солдат, которых я

вел в бой, было для меня важнее всех прочих официальных поздравлений. За повышением в должности вскоре последовало повышение в чине — 30 января я стал обер-лейтенантом.

Обязанности командира роты в Мемеле были не такими сложными, как во время боев на Дюне, однако у нас возникли серьезные проблемы с личным составом. В конце 1944 года большие потери наших солдат стало невозможно пополнять прежним образом. Мне приходилось прилагать самые невероятные усилия, чтобы оставшиеся в моем распоряжении 150 человек действовали с максимальной эффективностью.

Хотя командовать солдатами в бою я умел и чувствовал, что мне это неплохо удастся, я выполнял немало других обязанностей, не связанных с боевыми действиями, которые возлагаются на любого офицера. Когда погибали солдаты моей роты, моим первейшим долгом было сообщить об этом их родственникам. Хотя на войне привыкаешь и к таким вещам, эта печальная обязанность всегда представлялась мне очень тяжелой.

Однако смерть — вечная и неизбежная спутница войны. Победившая на поле боя сторона занимается убитыми и ранеными, своими и чужими. Очень часто бывает так, что судьба тех, кто числится пропавшим без вести, остается неизвестной. Хотя главная задача победителя — погребение убитых, он должен заниматься и собственными насущными нуждами. Противник не интересуется подсчетом ваших потерь, и сражение возобновляется. Тела убитых остаются не похороненными. Это, конечно, ужасно, но о подобном факте часто забывают. Таков уродливый лик войны.

В конце войны бои на Восточном фронте сделались еще более жестокими и кровопролитными. После ряда побед 1943 года советские войска часто добивали раненых немецких солдат и перестали хоронить наших мертвых. В подобных случаях в лагеря военнопленных попадали только ходячие раненые, но обращение с пленными зависело главным образом оттого, где и когда происходил бой.

Насколько мне помнится, верховное командование вермахта никогда не приказывало немецким солдатам не брать пленным. Я никогда не видел, чтобы немцы расстреливали раненых или взятых в плен красноармейцев, хотя на войне могло быть все. Но мы также не всегда хоронили мертвых солдат противника, особенно в то время, когда линия фронта стремительно сдвигалась. Я часто видел, как немецкие солдаты оказывали медицинскую помощь раненым русским солдатам и отправляли сдавшихся в плен красноармейцев в лагеря для военнопленных. Следует признать, что условия в них, к сожалению, часто были просто скверными.

Хотя немецкие войска не всегда вели себя должным образом, военный кодекс все-таки в большинстве случаев соблюдался строго. Будучи командиром роты, я иногда налагал взыскания на солдат, допустивших тот или иной дисциплинарный проступок.

В моей практике имел место один неприятный случай, когда пришлось отдать под трибунал одного унтер-офицера, моего давнего товарища. Он попал в 13-ю роту вместе со мной еще в 1939 году и дослужился от рядового до командира оружейного расчета. Отыскав во дворе дома под Мемелем спрятанный набор столового серебра, он приказал одному из своих подчиненных выкопать его, после чего упаковал эту находку и отправил посылкой в Германию, своей семье.

Когда об этом стало известно, я передал дело в трибунал и отправил его на дивизионную гауптвахту. Насколько мне известно, этот человек попал в штрафной батальон, который использовался на самых опасных участках фронта.

Хотя у меня в подчинении не было офицеров, которые обычно имеются у командира роты, я тем не менее получал некоторую поддержку со стороны командного состава полка, а также нашего «добротного ангела роты» гауптфельдфебеля Юхтера. Он оказывал мне бесценную помощь, выполняя многочисленные рутинные, но тем не менее важные обязанности по заказу продовольствия, боеприпасов и фуража.

К числу моих обязанностей относилось и распределение отпусков на основании ходатайств Юхтера, а также рекомендации на получение наград и повышение в чине. По моей рекомендации два солдата вернулись в Германию для учебы в офицерском училище. В

результате этого я лишился двух лучших бойцов.

По моим оценкам, примерно пятьдесят процентов солдат были женаты. Ближе к концу войны это количество увеличилось по сравнению с ее началом, потому что тогда у нас в дивизии было много молодых добровольцев. В 1940-е годы немецкое общество неодобрительно относилось к разводам. Развод можно было получить лишь на основании очень важных причин. В годы войны к старым причинам добавились новые. Разлука солдат с женами и невестами часто приводила к супружеским изменам.

Когда я стал командиром роты, мне пришлось по меньшей мере четыре раза столкнуться с ситуациями, требовавшими моего официального ответа на юридические документы, в которых содержалась просьба подтвердить, был ли тот или иной солдат в отпуске в течение десяти месяцев до того, как у его жены родился ребенок. Такое подтверждение могло стать основанием для расторжения брака.

Помимо этого, мне пришлось отвечать на пять или шесть судебных запросов в тех случаях, когда жены хотели развестись с солдатами моей роты. Пригласив этих солдат в свой блиндаж, я задавал им по-мужски строгие вопросы о том, что случилось.

Когда один из них услышал о том, что жена намерена развестись с ним или у нее возник роман с каким-то другим мужчиной, он был искренне потрясен.

Обычно такие неприятные известия имели самые скверные последствия, потому что мешали солдату нормально воевать. Разрыв отношений с женой или невестой обычно превращался в моральную пытку и усугублял страдания, вызываемые войной. Это было не менее мучительно, чем потерять в бою фронтового товарища.

Сталкиваясь с подобными ситуациями, я все более беспокоился за наше с Аннелизой будущее. В одном из писем к ней я написал: «Цена войны определяется не только на полях сражений».

Аннелиза

Проведя после эвакуации из Бельгии два дня в доме моих родителей, 9 ноября Аннелиза получила приказ прибыть в госпиталь военно-морских сил Германии, расположенный в Зевене, между Бременом и Гамбургом. Прежде она служила в госпиталях вермахта, теперь же служба должна была стать другой, поскольку лечебные учреждения системы ВМС подчинялись несколько другим правилам.

Пробыв пару недель в Зевене, Аннелиза получила очередной приказ и отправилась на новое место службы, в госпиталь Апытенвальде, в пригороде Куксхафена, находящегося близ устья Эльбы. Там она провела следующие девять месяцев, после чего ее перевели в соседний городок Зюдердайх.

В Бельгии, а затем в Германии жизнь Аннелизы постоянно подвергалась не только угрозе бомбардировок союзной авиации. Ей было 23 года, и она отличалась привлекательной внешностью. Волею судьбы она работала в тяжелых условиях военного времени, к которым не была готова в силу полученного воспитания. Она была одинока и беззащитна, находясь вдали от меня или моих родственников, вдали от нашей любви и поддержки.

Моя тревога за ее безопасность и благополучие ни на минуту не покидала меня. Несмотря на то что мы были помолвлены, Аннелизе приходилось постоянно отбиваться от ежедневных навязчивых ухаживаний солдат и военных моряков, а также врачей, работавших в госпитале. Я в нескольких письмах просил ее быть острожной и соблюдать благоразумие.

В письме от 20 июля 1943 года Аннелиза рассказала о своих душевных страданиях, вызванных тем, что в детстве она была лишена любви близких родственников. «В детстве тебе повезло больше, чем мне. Девочке очень трудно жить без материнской любви». Теперь она была самостоятельной взрослой женщиной, у которой не было матери, чтобы можно было попросить советов, касающихся отношений с мужчинами, и поговорить о том, какую опасность они могут представлять для нее.

В результате недополученной в детстве родительской ласки, повзрослев, Аннелиза

почувствовала необходимость в любви. Это сделало ее потенциальной жертвой агрессивных мужчин, жаждавших женского общества, которые бесчестно уверяли ее, что хотят с ней лишь чистых, невинных отношений. В этом плане ее окружение в военном госпитале было опаснее, чем моя фронтовая обстановка, где не было женщин, способных привлечь наше внимание.

Я всегда помнил об этом риске, и для меня, молодого двадцатичетырехлетнего мужчины, было очень трудно томиться разлукой и одновременно выполнять обязанности командира роты. Приведу несколько строк из моих тогдашних писем, в которых нашло отражение мое беспокойство и отчаянные попытки уверить Аннелизу в моей любви и внушить ей мужество.

«Сколько раз в день я думаю о тебе?».

«Самая большая проблема состоит в том, Аннели, что я скучаю по тебе». «Взаимная любовь преодолет все преграды».

«Только любовь способна подарить нам покой в эти суровые дни».

«Мне горько вспоминать о наших недавних счастливых днях».

«Мои мысли всегда только о тебе, любовь моя».

«Не нахожу слов, чтобы выразить мою любовь к тебе».

«Благодарю Бога за то, что познакомился с тобой, Аннели».

К счастью, полученное мною воспитание наделило меня сильным характером и самообладанием, которые позволили мне вынести все испытания. Аннелизе, воспитывавшейся в других условиях, было труднее справляться с разлукой. Как я узнал позднее, это имело некоторые последствия.

В конечном итоге мы с Аннелизой решили, что не желаем откладывать женитьбу до конца войны. Теперь нам оставалось дожидаться необходимого официального разрешения, которое мы получим после того, как закончится расследование в отношении еврейской фамилии ее матери. В нескольких письмах мы уже обсудили подробности нашей будущей свадьбы, которую задумали устроить в Гамбурге.

У меня был отрез ткани, купленный в свое время в Бельгии, и я попросил портного из Гамбурга сшить мне костюм для свадьбы. Аннелиза тем временем купила себе свадебное платье. Мы задумали нанять карету, запряженную парой белых лошадей, которая отвезет нас в церковь на венчание, а затем к тете Фриде. После этого мы решили отпраздновать начало медового месяца в каком-нибудь гамбургском отеле.

23–24 января 1945 года дивизионное и полковое начальство подписало официальное разрешение на женитьбу, дав нам последний необходимый документ. Поскольку подошла очередь моего трехнедельного отпуска, я выбросил из головы все прочие заботы, связанные с Аннелизой, и с нетерпением ожидал предстоящей свадьбы.

Изменение отношения к войне

В течение войны немецкие солдаты могли регулярно узнавать о происходящих в мире событиях из еженедельных выпусков дивизионной газеты и радиопередач для военнослужащих. Однако проходившая через цензуру информация предлагала нам лишь самую общую картину того, что происходило в России и в других уголках мира.

Мое равнодушие к тому, что зимой 1941 года Германия объявила войну Америке, — об этом я узнал в заснеженном Урицке, — в ту пору было типично для большинства немцев. В то время Соединенные Штаты казались такой далекой страной, что не играли никакой роли в нашей войне с Россией, однако, как оказалось, американская промышленность оказала России существенную помощь, которая помогла Красной Армии оправиться от суровых поражений первых военных месяцев.

Сводки со Сталинградского фронта в начале 1943 года встревожили немецких солдат, однако в большинстве своем мы продолжали верить в победу Германии или, по крайней мере, в мирное урегулирование конфликта. Капитуляция Италии, главного союзника

Германии в Европе, произошедшая в сентябре 1943 года, еще сильнее вдохновила нас на борьбу с противником ради достижения окончательной победы. Несмотря на известия о нашем отступлении с территории Советского Союза, немцы в тылу и на фронте все еще ожидали победы рейха над врагом не позднее середины 1944 года.

Этот неизбывный оптимизм частично отражал власть нацистской пропаганды над настроениями немецкого общества. В ходу были слухи о том, что в Германии ведутся работы над секретным чудо-оружием, которое позволит переломить ход войны в пользу Третьего рейха. Эти слухи искусно подогривал сам министр пропаганды Йозеф Геббельс.

Когда наше новое «оружие возмездия», точнее, ракеты начали обстреливать летом 1944 года землю Англии, они подтвердили правдивость слухов, хотя оказалось, что их чудодейственные свойства были сильно преувеличены.

Несмотря на то что пропагандисты нацистского режима ловко манипулировали общественным мнением, я считал, что немцы тешили себя самообманом в том, что касалось обстановки в рейхе, желая сохранить мужество перед лицом грядущих трудностей.

Вскоре после моего возвращения из Германии в мае 1944 года нам стало известно о высадке англо-американских войск во Франции. Немцы не стали воспринимать этот факт как плохое известие, потому что противник давно избрал наши города целями бомбометания, как будто сомневаясь в собственных способностях противостоять вермахту на французской земле. Мы надеялись на то, что эта высадка станет вторым Дюнкерком и мы уже в обозримом будущем сможем дать врагу мощный отпор.

Когда ожидаемый отпор англо-американцам не состоялся в первые недели после высадки в Нормандии, стало очевидно, что Германии придется воевать на два фронта. Если бы моя родина располагала большим количеством ветеранских дивизий, вроде нашей 58-й на Западном фронте, то высадка в день «Д» наверняка провалилась бы, однако частей, имевших богатый боевой опыт, у вермахта тогда оставалось мало.

До войны немцы с глубоким презрением относились к западным державам, вынудившим мою родину смириться с условиями унизительного Версальского договора. В то время, когда в день «Д» была осуществлена высадка в Нормандии англо-американских частей, война с ними казалась мне игрой по сравнению с жестокой войной против России.

Немецкий солдат, захваченный в плен англичанами или американцами, мог надеяться на то, что сумеет остаться в живых; немец, плененный русскими, рассчитывать на это не мог. Узнав о том, что летом 1944 года мой брат Отто попал в плен к американцам, я не стал особо тревожиться за его судьбу, зная, что с ним не случится ничего плохого. Я считал, что, сражаясь на Западе с английскими или американскими войсками, мы сражаемся с цивилизованным врагом, тогда как вооруженное противостояние с Красной Армией представлялось мне войной с беспощадным врагом-варваром.

В самой Германии отношение к англосаксам было иным, потому что немцы ожидали от них ведения войны в более гуманной форме в соответствии с Женевской конвенцией, однако те безжалостно обрушили на немецкие города свои бомбы, унесшие жизни многих моих соотечественников, мирных граждан. Вместо того чтобы сломить мужество немцев, авиационные налеты союзников пробудили в них еще большую решимость и желание выстоять.

Хотя окружавшие меня на Восточном фронте немецкие солдаты не обращали особого внимания на сводки из Франции, успех вторжения англо-американцев на землю Нормандии усилил наш пессимизм. Даже когда я писал Аннелизе о том, что «мы, несомненно, победим в этой войне», я чувствовал, как усиливаются мои сомнения.

Во время отступления от берегов Дюны, накануне разгрома группы армий «Центр», я впервые начал задумываться о том, что Германия может проиграть войну, даже при наличии «чудо-оружия». Признавая неизбежность поражения Третьего рейха, я сообщил в письме к Аннелизе о том, что «больше не надеюсь на невозможное». Когда вермахт отступал на всех фронтах, желание Англии и США сесть за стол мирных переговоров с Германией представлялось мне маловероятным. Не зная, что случится дальше и какой оборот примет

война, мы воевали на передовой исключительно ради собственного выживания в надежде на то, что когда-нибудь сможем вернуться на родину.

Во второй половине 1944 года в войсках все чаще стали обсуждать вопросы политического характера. Мы понимали, что Гитлер и нацистская партия ведут страну неправильным курсом. На передовой мы более открыто обменивались мнениями, чем в тылу. Конечно, все равно следовало проявлять осторожность, выбирая собеседников. Если бы вы открыто заявили: «Гитлер — идиот», то, разумеется, последствия вашего высказывания были бы самыми неприятными.

Через несколько недель после высадки в Нормандии произошло закончившееся неудачей покушение немецких офицеров на Адольфа Гитлера. Подобно многим моим боевым товарищам я был разочарован тем, что заговорщики потерпели фиаско. Не все немецкие солдаты морально поддержали их, однако большая их часть была по-прежнему недовольна нацистским режимом и проявила равнодушие к судьбе Гитлера.

23 июля 1944 года руководство НСДАП отдало приказ о том, что солдаты вермахта должны отдавать приветствие нацистского образца. Солдаты 58-й дивизии проигнорировали его и по-прежнему придерживались старого армейского приветствия. По всей видимости, эта вольность осталась безнаказанной по причине наших многочисленных боевых заслуг.

Я убежден, что если бы в нашу часть прислали служить убежденных нацистов, то их встретили бы не слишком ласково. Мы были немецкими солдатами-патриотами, сражавшимися за родную страну, в отличие от нацистов-коричневорубашечников, готовых умирать за своего фюрера. Большая часть известных мне солдат не поддерживала НСДАП, даже если наше участие в войне и способствовало укреплению власти национал-социализма. Таким образом, возникала трудноразрешимая дилемма — ты хочешь служить родине и в то же время противостоять ее политическому руководству.

В то время как постепенно усиливалась моя неприязнь к правящему режиму, Аннелиза придерживалась иных политических взглядов и осудила действия заговорщиков, назвав их подлыми изменниками, и продолжала верить в «великого фюрера» и победу Германии над врагами. Даже в последние месяцы войны она сохраняла убежденность в том, что «чудо-оружие» спасет нашу родную Германию. Когда она написала мне, что в ее комнате на стене висит портрет Гитлера в рамке, я крайне скептически воспринял это сообщение.

Я, как и многие мои соотечественники, считал такие настроения и подобное отношение к правящему режиму абсолютно смехотворными. При этом я вместе с моими боевыми товарищами был полон решимости воевать до самого конца. В отличие от Первой мировой войны, завершившейся перемирием, исход этой войны определится на полях сражений.

Поскольку орел на эмблеме нацистской партии напоминал грифа, немцы в шутку часто называли его «обанкротившийся гриф». Тем самым подразумевалось, что нацисты, несмотря на всю свою помпезность и ранние успехи, ведут Германию не к светлому будущему, а, скорее, к катастрофе.

Глава 16

Катастрофа

Январь — май 1945 года

Земгалия

Конец января — 13 апреля 1945 года

13 января Красная Армия развернула новое наступление в Восточной Пруссии. Ее части, подошедшие к Мемелю, угрожали отрезать нас от других немецких войск. Отмена

всех отпусков разрушила мои надежды на брак с Аннелизой. Переписка с ней и моими родителями прервалась на полгода, несмотря на наши взаимные попытки обмениваться письмами.

В последнюю неделю января началась эвакуация немецких войск из Мемеля в Земгалию, район Восточной Пруссии. На Куршской косе скопилось огромное количество различных транспортных средств.

Когда части Красной Армии двинулись вперед, чтобы блокировать наш выход из Куршской косы в Земгалию, последние подразделения 58-й дивизии устремились в направлении Восточной Пруссии. Наша артиллерия до последней минуты сдерживала натиск советских войск, чтобы позволить нашей дивизии уйти в Земгалию.

Сомкнувшись с основной массой немецких войск, мы тут же вступили в боевые действия в условиях холодной восточнопрусской зимы.

Задача новоиспеченного армейского соединения «Земгалия» заключалась в обороне Восточной Пруссии и защите мирного немецкого населения. Нам была поставлена задача по освобождению Кенигсберга, окруженного русскими в конце января. Одновременно с 58-й дивизией и другими немецкими частями городской гарнизон должен был нанести удар по советским войскам.

Боевые действия начались на рассвете 19 февраля. Дивизионная артиллерия и моя рота открыли заградительный огонь по тылам Красной Армии, готовя наступление нашей пехоты. Велев моему старому товарищу Шютте направлять огонь наших тяжелых орудий, я занял место на передовой, откуда мог лучше наблюдать за ходом боя.

Когда наш полк двинулся в направлении советских позиций, располагавшихся в лесистой местности, я послал вперед три или четыре 75-мм штурмовых орудия. Одновременно с этим наша пехота пошла в наступление в ста пятидесяти метрах справа от меня.

К несчастью, обстрел советских позиций не смог подавить вражеское сопротивление. В считанные минуты после начала атаки штурмовые орудия были подбиты русскими противотанковыми пушками, прятавшимися в лесу примерно в сотне метров от нас.

Неожиданно оказавшись среди подбитых штурмовых орудий, я начал медленно отходить к расположению моей роты. Не успел я преодолеть эти отделявшие нас 30 метров, как наши ротные 75-мм и 105-мм минометы начали обстрел противника, обрушив на вражеские противотанковые орудия примерно сотню мин.

Атака пехоты позволила нам углубиться на расстояние примерно восьми километров в позиции противника. Как выяснилось позднее, наше наступление застало Красную Армию врасплох, упредив удар, который враг намеревался нанести нам несколько часов спустя.

Для наступательной операции скопление высокоскоростных противотанковых орудий американского производства, установленных на расстоянии шести метров друг от друга на краю леса, могло быть оптимальным, однако столь высокая плотность лишь усугубила разрушительную мощь минометов нашей роты. Того же результата добились и наши артиллеристы, обстреливавшие тылы русских войск. От двух советских дивизий остались лишь развалины передовых штабов и обломки военного снаряжения.

Если скоординированное наступление частей армейского соединения «Земгалия» нанесло удар по неприятелю вдоль линии фронта, то кенигсбергскому гарнизону удалось пробить коридор в шесть километров шириной в кольцо блокады, сжимаемом советскими войсками. В него тут же устремились беженцы из осажденного города. Наступление Красной Армии вынудило мирных жителей бежать на запад, и их трагическое бегство напомнило мне события, происходившие во Франции летом 1940 года. Однако опасность, которой подвергались немцы в Восточной Пруссии, была много больше той, что угрожала когда-то французам.

На той небольшой части рейха, которая была отбита нами у неприятеля, мы узнали о зверствах, творимых вражескими войсками. Самая ужасная история, которую нам рассказали, это история изнасилования слепых монахинь из католического монастыря.

Подобные проявления варварства способствовали тому, что в нас крепла решимость отстаивать родную землю до последней капли крови. Это также заставляло проводить эвакуацию гражданского населения максимально быстро, в отдельных случаях даже делая это насильно.

Получив приказ помогать эвакуации, моя рота вместе с другими немецкими частями, находившимися за линией фронта, стала усаживать гражданских в наши дивизионные грузовики. Прибыв на ферму, расположенную в нескольких километрах от передовой, мы застали там пожилую супружескую пару. Женщина без возражений забралась на грузовик, но ее муж категорически отказался уезжать: «Я останусь здесь и умру в своем доме». Имея приказ вывозить всех, я велел солдатам насильно затащить старика в машину. В эти минуты мое сердце разрывалось от жалости к этому несчастному. Я знал, что, окажись мои родители в такой ситуации, они бы не согласились покинуть нашу ферму.

Помимо защиты гражданского населения, мы были вынуждены отчаянно защищать собственные жизни. Мы понимали, что надежды на благоприятный исход войны у нас нет. Вскоре отступить нам будет просто некуда, остается лишь уповать на чудо, которое спасет Германию. Выбора у нас не было, приходилось стойко выдерживать все удары судьбы. Хотя я не утратил воли к жизни, меня все больше охватывал пессимизм, предчувствие конца, который когда-нибудь неизбежно наступит.

В этих критических обстоятельствах на фронт стали прибывать части фольксштурма, народного ополчения. Они состояли из ветеранов Первой мировой войны, в том числе и почтенных дедушек, которым было далеко за шестьдесят. Многие из них были местными крестьянами, которые остались защищать свои дома, после того как их семьи эвакуировали на запад.

Несмотря на свой почтенный возраст, они были опытными солдатами и на удивление умело и храбро сражались с врагом.

В нашу дивизию вскоре стали присылать пополнение в лице новобранцев из люфтваффе и военно-морского флота, совсем еще не нюхавших пороха. Когда в середине ночи на позиции нашей роты явилась группа новичков-летчиков, в свете зажигательных пулеметных пуль было видно, что они напуганы до смерти. Тем не менее я приказал одному из своих солдат отправить пополнение на тот участок передовой, который больше других нуждался в подкреплении.

На рассвете один из новобранцев вернулся с передовой с раной, которую он явно нанес себе сам. Обладая достаточным опытом, я сразу распознал характер ранения. Было ясно, что этот парень плохо подготовлен к ведению боя и пошел на «самострел» из трусости. Следуя установленным правилам, я с тяжелым сердцем отправил его в трибунал. Это была неприятная обязанность, но приказ есть приказ.

Во время боев в Земгалии подполковник Эбелинг проявил себя прекрасным, знающим офицером. Его командирский талант и тактические умения пригодились в сложившейся обстановке, когда Красная Армия перешла в наступление, имея значительный численный перевес.

24 марта Эбелинг устно произвел меня в звание капитана, предупредив, что в сложившемся хаосе я могу не получить нужного письменного подтверждения.

После присвоения капитанского звания все мои предшественники, командиры 13-й роты, быстро получали под свое начало батальоны, состоявшие из четырех стрелковых рот. Эти офицеры должны были вести свои стрелковые роты в бой прямо на передовую и поэтому постоянно рисковали своей жизнью точно так же, как и солдаты. Я же был еще слишком молод, чтобы часто задумываться о том, какие опасности могут ждать меня на новой должности.

Фишгаузен

13–16 апреля 1945 года

После захвата Кенигсберга, 13 апреля, началось новое наступление Красной Армии. Это привело к тому, что немецкий фронт в Земгалии рухнул. Чуть позже все немецкие части начали отступать в направлении песчаной косы Фрише-Неррунг. На севере она граничит с Балтийским морем, а на юге с заливом Фришес-Хафф. Эта песчаная коса оставалась последним сухопутным путем, ведущим на запад, подобно Куршской косе, по которой менее трех месяцев назад части вермахта эвакуировались из Мемеля.

Отступление немецких войск сопровождалось беспощадными обстрелами советской артиллерии и налетами истребительной авиации. Нынешние части вермахта были слабыми теньями того, чем они были в 1941 году. Наша изрядно потрепанная в боях дивизия теперь насчитывала всего несколько тысяч солдат, а численный состав 13-й роты уменьшился до ста человек, двух десятков лошадей, одного 150-мм орудия, четырех 75-мм гаубиц, четырех 105-мм минометов и нескольких повозок с боеприпасами. После нашего отступления из Мемеля по причине плотного артиллерийского огня противника я больше не рисковал своей Теа и передвигался пешком.

Каждый раз, когда усиливался артиллерийский обстрел или в небе появлялись вражеские самолеты, мы бросались враспынную в поисках укрытия. Продолжая двигаться дальше, после того как угроза миновала, мы внимательно вслушивались в звуки окружающего пространства, пытаясь определить возможную траекторию летящего снаряда и его потенциальную угрозу. Даже если нам удавалось угадать, когда и где он упадет, и спрятаться в безопасном месте, терять бдительность после этого не следовало. В таких условиях наше нервное напряжение никак не ослабевало.

Помимо привычных бомбардировок и обстрелов мы подвергались атакам грозного оружия Красной Армии, которое немецкие солдаты называли «сталинскими органами», а русские — «катюшами». Выполняя роль, сходную с артиллерией, эти ракетные установки залпового огня стали часто использоваться советскими войсками во второй половине войны. Услышав характерный высокий звук выпущенных реактивных снарядов, мы обычно наблюдали за следами инверсии, когда они взлетали в воздух. «Сталинские органы» были особенно опасны, потому как за короткое время покрывали большую площадь, так же как наши 210-мм реактивные снаряды.

Во второй день отступления мы поздним днем двигались колонной по дороге, когда услышали знакомый звук летящих советских реактивных снарядов, заставивший нас разбежаться в разные стороны. Заметив брошенный блиндаж — закамouflированный склад боеприпасов, я бросился к его входу, от которого меня отделяло расстояние в пять-шесть метров. Прежде чем я успел вбежать в него, небольшой снарядный осколок ударил меня в висок чуть ниже края каски. Хотя половина лица у меня была залита кровью, рана оказалась пустяковой, и наш медик перевязал мне голову всего за пару минут. Когда я вернулся на дорогу, ко мне, пошатываясь, подошел рядовой моей роты. «Вы сообщите моей жене обо мне? Я умираю!» Он не показался мне смертельно раненным, и, не разделив его обеспокоенности, я небрежно ответил: «Вы не умрете».

Позднее я начал думать о том, не была ли слишком поспешной и пренебрежительной моя реакция на его слова. Я мог бы проявить больше участия и попытаться узнать о его физическом состоянии. Видимо, он на самом деле мучительно страдал от смертельного ранения осколком, которое я не заметил. Помимо того, что я мог оказать ему простейшую медицинскую помощь, в моих силах было хотя бы немного приободрить его. Хотя я так и не узнал о дальнейшей судьбе этого несчастного, моя неспособность помочь ему до сих пор сильно угнетает меня.

То, что мы вынесли в предыдущие недели, было лишь прелюдией к драматическим событиям, которые произошли через два дня в десятке километров западнее. 16 апреля артиллерия четырех советских армий вместе с четырьмя сотнями самолетов обрушила на нас огонь своих орудий в мощном наступлении, имевшем целью уничтожить остатки немецких войск в Земгалии. Результатом стала катастрофа поистине огромного масштаба. Ничего

подобного в годы войны я не видел.

Тем утром наша рота добралась до небольшого городка Фишгаузена. Через него проходили главные дороги, ведущие с севера и востока. Располагался он на оконечности узкого полуострова близ песчаной косы Фриш-Неррунг. К советской артиллерии, продолжавшей обстреливать нас, — она находилась в двух-трех километрах восточнее, — присоединилась авиация. Русские самолеты пролетали над нами на высоте 150–300 метров.

Я отправился вперед, чтобы разведать дорогу, и, оказавшись на расстоянии 20 метров перед колонной, вышел на узкую городскую улицу. В следующее мгновение обстрел из вражеских орудий значительно усилился, едва ли не в два раза по сравнению с его интенсивностью на подходе к Фишгаузену. Из-за нескончаемого заградительного огня и напавших сзади других немецких частей колонна была вынуждена остановиться. Воцарился хаос, возницы из всех сил пытались обуздать перепуганных лошадей.

Стараясь держаться ближе к разрушенным одно- и двухэтажным домам, я не осмеливался заходить в них, опасаясь оказаться под их обломками в случае прямого попадания. Когда рядом пролетал снаряд или в моем направлении начинал двигаться вражеский самолет, я быстро прятался за угол дома или скрывался в дверном проеме.

Когда я углубился в центр Фишгаузена примерно на километр, ураган артиллерийского огня и оглушительные взрывы авиационных бомб слились в безумную какофонию. Такого адского хаоса я ни разу не видел в предыдущие годы войны.

Обломки военного снаряжения четырех или пяти разбитых немецких дивизий были беспорядочно разбросаны по всему городу. На улицах лежали обугленные трупы людей и животных. Лишь грохот взрывов не давал мне слышать жалобные стоны раненых и умирающих лошадей.

Жуткое зрелище погибающего города притупило все мои чувства, ввело в состояние бездумного оцепенения и невыразимого отчаяния. Я понимал, что могу погибнуть в любую секунду.

Однако я был не готов к смерти. Моей главной целью стало бегство из этого кошмара и необходимость собрать вместе всех оставшихся в живых солдат нашей роты.

К этому времени бомбежка усилилась настолько, что мне стало ясно — нужно побыстрее уйти с главной дороги, иначе меня ждет неминуемая гибель. Не имея возможности связаться с моими людьми в этой кровавой кутерьме, я лишь надеялся, что они поймут, что смогут спастись, только если бросят лошадей и орудия и попытаются самостоятельно выбраться из Фишгаузена.

Скользнув в какой-то переулок слева от меня, я пробежал два квартала и оказался на краю города. Когда я вышел к южной окраине, то свернул на запад и стал двигаться вперед по дороге, параллельной главному шоссе, которое находилось справа на расстоянии примерно 30 метров. Все так же стараясь держаться ближе к домам, я осторожно шел по местности, которая медленно поднималась вверх метрах в ста от гавани. Хотя бомбежка здесь была не такая интенсивная, как на шоссе, осколки все равно падали достаточно близко от меня.

Когда я достиг самого края города, то вернулся на центральную улицу Фишгаузена примерно в километре от того места, где я отошел от берега. В эту минуту в небе появился советский истребитель «Як», летевший к центру города. Приблизившись к главной дороге, он принялся огнем пулеметов поливать скопление немецких солдат и транспортных средств.

Заметив ряд траншей рядом с улицей, я мгновенно нырнул в одну из них. Вместо того чтобы залечь на дно полутораметрового окопа, я нашел удобное и относительно безопасное место, откуда смог наблюдать за происходящим. Мое неистребимое любопытство в те дни неизменно преобладало над чувством опасности.

Пилот «Яка», по всей видимости, заметивший меня, тут же изменил курс и полетел в моем направлении. Я почувствовал себя загипнотизированным яркими вспышками пулеметных очередей русского самолета, когда тот помчался в сторону моего окопа.

Пули со свистом впились в землю передо мной, вздымая фонтанчики пыли,

летевшей прямо мне в глаза. В лицо мне впиалась пригоршня мелкой шрапнели. Когда «Як» с ревом пролетел прямо над моей головой, я вскрикнул от боли, отпрянул назад и повалился на дно траншеи.

Через секунду мозг принялся оценивать ситуацию. У меня явно было легкое ранение, но когда я открыл зажмуренные глаза, то ничего не увидел, одну только черноту. Я лихорадочно размышлял о том, что могло со мной случиться. Неужели я навсегда ослеп?

Прошло несколько тяжелых мрачных минут, прежде чем ко мне стало возвращаться зрение, правда, частично. Мои глаза были залеплены грязью и кровью, и я различал лишь смутные силуэты того, что окружало меня.

Выбравшись из окопа, я заковылял по главной улице, стараясь разглядеть происходящее сквозь дымку, застилавшую мой взор. Несмотря на непрекращающийся дождь снарядных осколков, несколько наших солдат пытались привести в негодность орудия, чтобы они не достались врагу.

Прошел всего час с тех пор, как я вошел в Фишгаузен, однако за это короткое время была почти полностью уничтожена немецкая армейская группировка «Земгалия». Зная, что захват города Красной Армией — дело решенное, я понимал, что сейчас нужно найти уцелевших солдат моей роты и ждать нового приказа начальства. Катастрофа в Фишгаузене означала конец многому, но в то же время стала началом моего удивительного спасения от русского плена.

Двигаясь на запад под огнем вражеских снарядов, я вскоре отыскал несколько своих солдат возле пустого блиндажа, в котором раньше хранились боеприпасы. Это было примерно в трех километрах от города.

Моя попытка отыскать подполковника Эбелинга едва не закончилась трагедией, потому что на то место, где я искал его, налетела эскадрилья русских бомбардировщиков. Я в последнюю секунду успел спрятаться в траншее, чудесным образом избежав нового ранения.

Минут через десять я, наконец, нашел Эбелинга, который пытался организовать новую линию обороны, чтобы остановить надвигающегося с востока неприятеля. Я получил достаточно иллюзорный приказ отправиться в Гамбург и войти в состав формирующейся там новой дивизии. Этот приказ давал мне возможность вернуться в центральную Германию, но также требовал от меня отправить уцелевших солдат моей роты в другую дивизию. Последнее было мне особенно неприятно и горько, потому что я знал, что их ждет неминуемая смерть или плен.

Два дня спустя, 18 апреля, под переменным артиллерийским огнем мы с гауптфельдфебелем Юхтером отправились на запад, в направлении Пиллау. Затем свернули на юг, к берегу Данцигской бухты, где сели на паром и переплыли в порт Хель.

Смерть Юхтера, наступившая через две с половиной недели в результате обстрела русской артиллерии, ускорила мое желание как можно быстрее переправиться на земли рейха. На следующий день я вместе со стрелковой частью из Силезии погрузился на борт немецкого эсминца, взявшего курс на запад. Те, кто не смог отплыть вместе с нами, попали в плен к русским.

Глава 17

Цена поражения

Май — июль 1945 года

Военнопленный

— Герр обер-лейтенант, война окончена! — сообщил мне утром 9 мая какой-то моряк, заглянувший в мою каюту. Прошло всего несколько часов с того момента, как корабль покинул Хель.

Безоговорочная капитуляция Германии вступила в силу 8 мая в 23:01 по центральноевропейскому времени, хотя фактически она началась еще несколько дней назад. 4 мая британское военное командование приняло капитуляцию всех немецких войск, находящихся в Голландии, северо-западной Германии и Дании. Официальная церемония состоялась в Вендиш-Эверне, где я когда-то проходил военную подготовку в тренировочном лагере.

В ночь на 4 мая гросс-адмирал Дениц с согласия британского командования приказал всем кораблям кригсмарине прибыть в порт Хель и к устью реки Вейксель близ Штутгофа. Им была поставлена задача эвакуировать всех немецких солдат и гражданских лиц на запад в кратчайшее время, которое оставалось до подписания акта об окончательной капитуляции. На последнем из таких кораблей, среди которых были эсминцы «Карл Гальстер» и «25», ночью 8 мая мы отчалили из Хеля. Мне удалось попасть на него благодаря чистой случайности, затесавшись к солдатам пехотного полка из Силезии.

Несмотря на то что утром 9 мая наш небольшой конвой находился все еще достаточно близко к территории, занятой частями Красной Армии, мы были настроены любой ценой избежать русского плена. Не обращая внимания на требования советских военных властей следовать в один из портов, находящихся под их контролем, командир нашего конвоя запросил инструкций у англичан. Те, помимо того, что позволили конвою следовать в Копенгаген, разрешили командиру оказать сопротивление всем попыткам заставить его изменить курс.

Наше нежелание выполнить приказ русских и отправиться в контролируемый ими порт привело к тому, что рано утром нас атаковало несколько советских патрульных катеров. Немецкие моряки ответили огнем оружия всех видов, которое было на борту эсминцев. Русские катера быстро отступили и скрылись в предрассветном тумане. Хотя я не видел самого боя, звуки перестрелки были хорошо слышны в моей каюте. Это был последний раз, когда я слышал орудийную стрельбу.

Много лет спустя подполковник Эбелинг рассказал мне, что эвакуировался примерно в то же самое время на буксире, тянувшем баржу, которая была переполнена двумя сотнями немецких солдат. В море неожиданно разразился шторм. Буксир остался цел, но те, кто находились на барже, утонули. Это была настоящая трагедия последних часов войны.

Когда наш эсминец прибыл в порт Копенгагена, нам приказали спуститься по сходням на пристань. На пропускном пункте нас ждали английские солдаты, которые тут же разоружили нас. Так мы стали военнопленными.

Еще находясь на борту корабля, я извлек из кармана свой «люгер» и вытащил из него ударник, который выбросил в море. Положив бесполезный отныне пистолет в кобуру, более надежную «астру» я спрятал в карман мундира, рассчитывая на то, что она когда-нибудь еще мне понадобится. Кроме того, я снял Железный крест 1-го класса и спрятал его в карман.

Оказавшись на пропускном пункте, я протянул «люгер» стоявшему передо мной британскому солдату. К моему великому удивлению, он неожиданно закричал на меня на прекрасном немецком языке без всякого акцента. С перекошенным от ненависти лицом он сорвал с моего мундира офицерские погоны и нашивки, заставив меня испытать чувство глубокого унижения.

Затем он молча сделал жест, приказывавший мне идти дальше. С великим трудом взяв себя в руки, я принял новый статус, статус военнопленного, солдата проигравшей армии. Позднее я пришел к выводу, что этот солдат, по всей видимости, был немецким евреем-иммигрантом, перебравшимся в Англию. Подобным поведением он отомстил немцам в моем лице за все те унижения, которым ранее подвергался на моей родине. В остальных случаях англичане вели себя корректно и профессионально, хотя было видно, что они относятся к нам настороженно.

Выйдя из пропускного пункта, я присоединился к двум или трем тысячам немецких солдат, которых поместили на борту огромного транспортного судна. Не увидев ни одного знакомого лица, я оставался один во время 20-часового морского путешествия на юг. Однако

я чувствовал себя обязанным помогать по мере возможности другим немецким офицерам поддерживать среди солдат военную дисциплину.

Какой-то офицер рассказал мне, что военный трибунал из четырех-пяти полковников рассматривает вопиющие случаи нарушения субординации и вынес смертный приговор рядовому, напавшему на офицера на борту корабля. Провинившегося расстреляли, затем привязали к его ногам тяжелую станину миномета и выбросили за борт.

Когда мы вошли в небольшую бухту Хайлигенхафена в земле Шлезвиг-Гольштейн на севере Германии, у причала нас снова ожидали английские солдаты. На этот раз они обрызгали нас дезинфектантами, чтобы избавиться от вшей, и только после этого разрешили сойти на берег.

Бухта находилась в четырех-пяти километрах от входа в лагерь для военнопленных. Он располагался под открытым небом и представлял собой огромную территорию в сорок пять квадратных километров, где были деревушки Гремесдорф, Нанндорф и Альтгалендорф. Ограды не было, и по периметру лагерь патрулировали несколько английских солдат. В нем, как овец в загоне, разместили сотни тысяч пленных немецких солдат.

Внутри лагеря британцы назначили нескольких офицеров вермахта для поддержания порядка среди своих бывших подчиненных. Было даже разрешено ношение личного оружия; видимо, они смотрели сквозь пальцы на то, как нам удалось сохранить его.

Я получил приказ взять под командование импровизированную роту численностью около двух сотен человек, приплывших на одном со мною корабле. Не предпринимая особых усилий для командования этими солдатами, я вскоре понял, что поддерживать порядок будет достаточно трудно, даже имея в кобуре «астру». Вскоре после нашего прибытия на ферму один из солдат прошел мимо меня, засунув руки в карманы, даже не сделав попытки по уставу приветствовать старшего по званию.

Когда я запротестовал: «Почему не отдаете честь?» — тот засмеялся и ушел прочь.

Хотя я еще дважды окликнул его, он больше не обращал на меня никакого внимания. Подобное пренебрежение вызвало у меня ярость, однако я сдержался, подумав, что этот негодяй ведет себя так потому, что в подобных обстоятельствах офицер ничего не сможет сделать и не станет стрелять в него за несоблюдение устава. Или, может, ему было просто наплевать на собственное будущее.

Поражение Германии после шести лет войны вызвало у большинства немцев чувство горечи и бессилия от неспособности быть хозяином своей судьбы. Германия, которую мы знали, перестала существовать. Не стало правительства и порядка. Все куда-то исчезло.

Наверное, бежать из лагеря было бы несложно, однако никто не предпринимал таких попыток. Идти было некуда. Вся Германия была оккупирована вражескими войсками. Более того, у беглеца не было бы выданных англичанами документов, позволяющих обрести легальный статус человека, который рассчитывает на получение работы. Кроме того, наша дисциплинированность и отказ от побегов объяснялись традиционным немецким уважением к закону и власти, а также нашим тяжелым настроением, вызванным поражением в войне.

На ферме мы разместились в огромном пустом коровнике. Возможность помыться и побриться предоставлялась нам не часто, но главной нашей заботой был скудный рацион питания. Каждый день англичане выдавали нам четыре или пять галет размером с крошечный кусочек хлеба, и поэтому мы постоянно испытывали чувство острого голода. Настало время, и я так оголодал, что начал есть листья одуванчика, вспомнив, что в детстве слышал об их питательных свойствах.

Когда солдаты спросили у меня, можно ли устроить некое подобие кухни, я ответил согласием. Найдя на соседней, никем не занятой ферме небольшой запас ячменя, мы поджарили зерна на печке, чтобы придать им хотя бы какой-то аромат. На вкус они оказались малоприятными, но, по крайней мере, хотя бы немного насытили нас.

Недостаток еды привел к тому, что мы все сильно потеряли в весе. При росте метр восемьдесят в годы войны я стал весить 80 килограммов. После двух месяцев в лагере я

потерял около десяти килограммов и не переставал удивляться, как только таскаю ноги.

Никаких условий для отдыха и развлечений не было, но к подобного рода вещам никто не проявлял особого интереса, потому что все были так сильно истощены и измотаны годами непрерывных боев, что предпочитали одиночество и пассивный отдых. У людей, наконец, появилась возможность спокойно написать письма родственникам тех своих боевых товарищей, кто погиб в последние месяцы войны. У меня же не было ни бумаги, ни адресов, да я и не знал о судьбе многих моих сослуживцев.

Хотя о судьбе большинства солдат из моей роты я не знал, но мне точно было известно, что, по крайней мере, некоторые из тех, кого признали пропавшими без вести, точно не были убиты.

Я до сих пор испытываю грусть, думая о том, что никто из таких семей так и не получил окончательного заключения о судьбе своих близких, не вернувшихся с войны.

Вспоминая о том, что я уцелел в годы войны, прихожу к мнению, что в моей судьбе имело место божественное вмешательство. За военные годы у меня было четыре незначительных ранения, которые наши медики сумели обработать прямо на передовой, им не понадобилось отправлять меня в полевой госпиталь. Видимо, у Господа были в отношении меня другие планы, и он пощадил меня.

Аннелиза и моя семья, разумеется, оставались в неведении о том, что случилось со мной, точно так же, как я ничего не знал о них. Писать наугад письма в лагеря военнопленных было бессмысленно, однако Красный Крест выдал каждому из нас по две открытки, чтобы мы могли сообщить семьям о своем местонахождении. На отдельных открытках я писал Аннелизе и моей семье о том, что жив и пребываю в относительно нормальной здравии в английском лагере в Шлезвиг-Гольштейне и надеюсь, что мое известие скоро дойдет до них.

В те летние месяцы многие солдаты, находившиеся на ферме, получили известия о своем освобождении из лагеря и были направлены в фильтрационную зону. В конце июля я узнал о том, что скоро настанет и моя очередь.

Зная, что на британских пропускных пунктах нас будут обыскивать, я решил спрятать свою «астру» и солдатскую книжку, чтобы их не отобрали у меня.

Прежде чем покинуть ферму, я зашел в лес примерно в километре от нее. Аккуратно завернув мои вещи в водонепроницаемую материю, я спрятал их в вырытой в земле ямке и отметил место камнем. Через год я вернусь и заберу их.

Оказавшись в фильтрационном пункте, я удивился, когда увидел там Отто Тепельмана, моего друга детства из Пюггена. Оказалось, что он тоже был на Восточном фронте и чудом избежал советского плена. Несмотря на то, что в Пюггене находились русские оккупационные войска, он намеревался вернуться из английского лагеря домой, в нашу деревню.

Зная о том, что бывших офицеров вермахта после войны сошлют в Советский Союз, я понимал, что возвращаться в Пюгген не стоит, это слишком рискованно, и решил после освобождения отправиться в Люнебург. Прежде чем Тепельмана выпустили, я написал короткую записку, которую попросил передать родителям, потому что был не уверен, что они получили открытку через Красный Крест.

Меня отпустили через пару дней после 27 июля. Мне повезло, потому что в фильтрационной зоне не хватало жилья и многим приходилось спать в вырытых в земле траншеях. Готовя нас к освобождению, британцы сделали меня старшим над группой из двадцати солдат, направлявшихся в Люнебург. Нас посадили на три грузовика с водителями-солдатами и капралом, военнослужащими британской армии.

Между тем за несколько дней до моего освобождения Аннелиза из моей открытки, посланной через Красный Крест, узнала, что я жив и нахожусь в плену. Она решила немедленно отправиться ко мне, оставила работу в госпитале в Зюдердайхе, даже не попросив разрешения у начальства, которое в тот момент оказалось под контролем британских оккупационных властей. Перейдя контрольно-пропускной пункт на соседней

Эльбе, она тайком пробралась на паром.

Когда он причалил на восточном берегу, Аннелизе как-то удалось раздобыть велосипед и проделать на нем путешествие в 150 километров до моего лагеря в Шлезвиг-Гольштейне. Измученная долгой дорогой, она, наконец, добралась до главных ворот лагеря и узнала, что англичане выпустили меня за день до ее прибытия.

Какое-то время я не знал о приезде Аннелизы.

Когда мы проехали около 150 километров на юг от лагеря к Люнебургу, я попросил водителя-англичанина подъехать к бирже труда, располагавшейся в центре города.

Когда солдаты вылезли из грузовика, остановившегося перед зданием, они выстроились во дворе перед входом. Я отдал им последний приказ:

— Война окончена. Расходитесь по домам.

В конце июля 1945 года, после шести лет войны, в возрасте 25 лет я снова стал гражданским человеком.

Оккупация

До того, как Отто Тепельман передал родителям мою записку, они ничего не знали о том, где я нахожусь и жив ли вообще. Они не получили ни одного письма после того, как я покинул Мемель, как не получили и отправленной через Красный Крест открытки. Это значит, что с января они не получали от меня никаких известий.

Хотя моего младшего брата Германа усыновили мои дядя и тетя Шторки, родители тревожились также и о его судьбе.

За полгода до конца войны его, шестнадцатилетнего, призвали в армию и отправили под Берлин, в зенитную батарею.

Отступая на запад под натиском частей Красной Армии, Герман переплыл Эльбу и добрался до дома приемных родителей в Люнебурге вскоре после того, как отгремели последние бои.

Несмотря на то что Отто все еще оставался в плену, мои родители не сильно беспокоились за его судьбу, зная, по крайней мере, что он жив. Его интернировали в Соединенные Штаты, и большую часть времени он занимался сбором грейпфрутов в Аризоне и Калифорнии. В то время как многие немецкие семьи потеряли на войне по двое-трое сыновей, было просто удивительно, что я и двое моих братьев остались живы.

После победы над Германией победоносные союзники разделили ее на зоны оккупации — советскую, американскую, британскую и французскую. Они отторгли от нее даже большие территории, чем после Первой мировой войны. Согласно Версальскому договору в 1919 году три большие провинции моей страны — Восточная Пруссия, Померания и Силезия — были переданы только что созданной Польше. Провинция Эльзас-Лотарингия отошла Франции. В 1945 году вся Померания, Силезия и Бранденбург, расположенный восточнее Одера и Нейсе, перешли к Польше, а Восточная Пруссия была поделена между Советским Союзом и той же Польшей.

Помимо территорий русские получили промышленные предприятия Германии, которые они демонтировали и отправили в Россию в качестве репараций. Например, сталелитейный завод в Зальцгиттере близ Брауншвейга был демонтирован и переправлен в СССР поездом. Поскольку в Польше ширина железнодорожной колеи не такая, как в Германии, оборудование нужно было перегрузить на другие составы, стоявшие на железнодорожных узлах.

Когда вагоны с оборудованием прибыли на станцию, немецкие военнопленные перегрузили его на разные поезда, идущие на восток, чтобы русские потом не смогли заново смонтировать завод. Это был не единственный случай, когда немцы оказывали сопротивление победителям, грабившим побежденную страну.

Западные союзники также не гнушались немецким добром, правда, не в такой степени, как русские. Например, англичане срубили тысячи деревьев возле Люнебурга и

переправили их на кораблях на Британские острова. В целом немцы относились к англичанам и американцам лучше, чем к русским, однако подобные поступки вызывали у них неудовольствие: «Они выиграла войну и теперь хотят забрать у нас то небольшое, что осталось». Лишь два-три года спустя большая часть немцев на западе стали понимать, что англичане и американцы стали их союзниками в «холодной войне», начавшейся против Советского Союза.

В конце апреля 1945 года Пюгген заняли американские войска и потребовали у местных жителей покинуть свои дома, в которых разместится военная база. Моя семья перебралась на луг нашей фермы и была вынуждена спать на повозках. Через десять дней американцы оставили деревню, сохранив контроль над нашим районом. Несмотря на то что боев возле Пюггена не было, многие брошенные дома находились в удручающем состоянии. Это было в основном делом рук военнопленных, которых освободили англичане и американцы.

В первые дни после окончания войны по дорогам страны двигалось множество бывших немецких солдат, направлявшихся домой. Моя мать часто подкармливала их и давала гражданскую одежду, чтобы они не привлекали излишнего внимания оккупационных властей.

В конце июня американцев в Пюггене сменили англичане, которые после 1 июля передали наш район русским в соответствии с договором союзных держав. Известие об этом встревожило жителей моей родной деревни.

Большинство немецких беженцев, остававшихся в то время в Пюггене, решили отправиться на запад вместе с отходящими британскими частями. Чтобы не оказаться в русской оккупационной зоне, многие мои земляки предпочли последовать их примеру, оставив фермы и погрузив на конные подводы свое имущество. Посоветовавшись, моя семья решила никуда не ехать и остаться в родном доме.

Сразу после ухода англичан части Красной Армии начали патрулировать границу между западной и восточной зонами, которая первоначально была размечена обычными столбиками. За бутылку шнапса русские солдаты пропускали всех, кто еще не успел перебраться на запад. Тем временем немцы, пожелавшие остаться, с тревогой ожидали прибытия красноармейцев.

Когда в Пюгген вошли советские войска с кавалькадой четырехколесных маленьких повозок, запряженных низкорослыми лошадьми, они показались местным жителям скорее цыганскими табором, а не армейской группой. Позднее мать рассказала мне, что сильно удивилась тому, как такие неказистые люди могли разгромить прекрасно вооруженную и дисциплинированную немецкую армию.

Сначала Красная Армия пыталась изобразить себя освободительницей, спасшей немецкий народ от нацистской тирании, однако враждебность русских к немцам вскоре стала очевидной, особенно когда их солдаты напивались. В дневное время красноармейцы оставались невидимыми, чаще всего они объявлялись по ночам, терроризируя тех мирных граждан, которые не успели или не захотели уйти на запад. Они обыскивали дома в поисках оружия и заставляли готовить им еду из лучших продуктов.

Когда русские солдаты появлялись в деревне, немецкие женщины старались куда-нибудь спрятаться, опасаясь угрозы изнасилования.

Когда они пришли к нам в дом, матери каким-то чудом удалось помешать им подняться на второй этаж, где прятались мои сестры. Позднее женщины старались передвигаться по деревне лишь в сопровождении нескольких мужчин-немцев.

Хотя в дни войны командование Красной Армии терпимо относилось к случаям изнасилований немецких женщин, некоторые русские офицеры постепенно начали наводить порядок и строго наказывали тех солдат, которые в оккупационной зоне пытались посягнуть на немок. В Тюрингии русский офицер позволил одной немке опознать солдата-насильника, после чего расстрелял его на месте в назидание другим.

Разумеется, в условиях русской оккупации немцам угрожали и многие другие беды.

Помня о том, как тайная полиция нацистов обыскивала дома тех, кого подозревали в государственной измене, моя мать ожидала, что советские оккупационные власти также будут проводить обыски. Не желая навлечь на нашу семью опасность, чтобы скрыть, что один из ее сыновей воевал в России, она поступила мудро — спрятала мой мундир, пистолет «вальтер» и армейские знаки различия, которые я оставил дома, во дворе рядом со свинарником.

Однако она допустила промах: спрятала мой офицерский кортик в матрасе на кровати одной из спален, возможно, посчитав, что эта вещь дорога мне. Когда русские, проводя обыск, нашли его, мою семью отвели в советскую комендатуру, располагавшуюся в Пюнгене. Только после долгих допросов моих родственников отпустили домой.

Пожалуй, самой большой опасностью для гражданских было в одиночку столкнуться с советскими солдатами. Ходили слухи о том, как немцев, ехавших на велосипедах, сбивали на дороге русские грузовики. Сильно рисковали жизнью и те, кто жил на окраине деревни. По вечерам такие люди старались уйти в город, чтобы избежать ночных визитов незваных гостей в советской военной форме.

Однако в отсутствие хозяев красноармейцы свободно заходили на пустые фермы, выносили из дома вещи и уводили домашний скот. Иногда животных из хулиганских побуждений просто выпускали на волю. Зимой 1945/1946 года в сельской местности бродило много таких животных.

Каждой деревней управлял русский комиссар, к которому приставляли кого-нибудь из немецких коммунистов, которые порой вели себя хуже, чем иностранные оккупанты. По указаниям комиссаров печатались специальные листовки. В них уточнялись виды сельскохозяйственной продукции, которые немецкие крестьяне должны были сдавать оккупационным властям. Это были продукты питания, одежда и, что важнее всего, шерстяные одеяла. Если назначенный русскими бургомистр не выполнял эти требования, то советские солдаты начинали ходить по домам и забирать все, что им приглянулось.

Спустя какое-то время начались конфискации земель площадью больше ста гектар.

После того как советские власти издали приказ о выселении крестьян, хозяевам домов давали час на сбор вещей, после чего им приходилось уходить куда глаза глядят. Одну семью выселили с фермы в пять часов вечера в Сочельник. Тех, кто отказывался покидать дом, отправляли в лагеря. В такой обстановке многие крестьяне предпочли перебраться в западную зону.

Часто бывало так, что новые хозяева уже ждали возле фермы старых хозяев, чтобы сразу же завладеть их собственностью. Таких новых хозяев выбирали немецкие коммунисты при помощи советских оккупационных властей. На фермы площадью десять гектаров и больше присылали 10–20 человек, в основном тех, кто раньше работал батраками или сочувствовал коммунистам.

Все новые семьи искали свою выгоду, что часто приводило к серьезным конфликтам с другими новыми хозяевами ферм и земли. По причине высоких разрядок на сельскохозяйственную продукцию, которые устанавливались коммунистами, многие такие хозяева надолго не задерживались. Нередко они убегали ночью, захватив с собой все, что только могли унести. Те, кто оставался, сталкивались с серьезными проблемами, потому что вся сельскохозяйственная техника и инвентарь были изготовлены специально для работы на больших фермах, а не на маленьких участках земли.

В деревнях часто вспыхивали ссоры между крестьянами, потому что коммунистические власти новоприбывшим давали больше прав, чем старожилам. Конфликты еще больше усиливались вышеупомянутой системой норм сдачи сельскохозяйственной продукции. Если новым переселенцам эти нормы каждый год снижались, то для старожилов они, напротив, увеличивались. Основную часть сельскохозяйственной продукции распределяли по другим местам Германии или отправляли в Советский Союз, а той малой части, которая оставалась, едва хватало на то, чтобы прокормить ее производителей и их животных. Им постоянно не хватало мяса, яиц и масла.

Однако даже хуже дефицита продовольствия была тяжелая психологическая атмосфера. Крестьяне никак не могли избавиться от постоянной тревоги о том, что им не удастся сдать властям требуемое количество зерна, мяса и прочего. Они боялись, что в противном случае их сошлют в Сибирь, в трудовые лагеря.

Не имея возможности выполнять требования властей, многие крестьяне бежали на запад. Если они не могли бежать сами, то отправляли туда своих детей, тревожась за их будущее. Беглецов в случае поимки ожидала Сибирь, то есть то, чего они боялись больше всего. Такова была реальная картина жизни в первые послевоенные годы в советской зоне оккупации.

Глава 18

Послевоенная Германия

1945–1949 годы

Заново начинаем жизнь

27 июля — 24 декабря 1945 года

Отпустив солдат возле биржи труда в Люнебурге, я отправился на ферму моего дяди в Хагене. Я был одет в ту же военную форму, которую носил еще в Фишгаузене, и испытывал странное чувство. Я возвращался туда, где шесть лет назад получил повестку, обязывавшую меня явиться на сборный пункт вермахта. Как много событий произошло за это время!

Подойдя к знакомому дому, я постучал в дверь. На пороге появилась моя тетьа. На ее лице было написано выражение крайнего удивления и разочарования.

— А я думала, что это Генрих! — печально произнесла она.

Генрих, старший сын дяди и тети, получил звание капитана артиллерии. В последние недели войны он возвращался на фронт из отпуска и получил приказ взять под командование одну из боевых частей, защищавших Берлин. Лишь позднее дядя и тетьа узнали, что он погиб, обороняя столицу рейха.

Несмотря на беспокойство о судьбе Генриха, они сделали все, чтобы я почувствовал приветливую атмосферу родного дома. К моей великой радости, они передали мне открытку от Аннелизы, которую та переслала на их адрес, когда узнала, что я жив. Я впервые за последние полгода получил от нее известие.

Проведя пару дней в Хагене, я на поезде отправился в Гамбург.

Когда я добрался до дома Аннелизы в Вандсбеке, ее отец тепло встретил меня и сообщил, что сам только недавно вернулся домой из отряда фольксштурма, воевавшего в Бельгии и Германии. Он любезно пригласил меня погостить в его доме, пока я буду ждать приезда Аннелизы.

После долгих лет боев меня стали преследовать тяжелые ночные кошмары. Вскоре после прибытия в дом Берндтов мне как-то раз приснилось, будто я на фронте в России и меня завалило в блиндаже. Я принялся бить кулаками в стену возле пола. После долгих бомбежек в годы войны слой штукатурки держался плохо и от моих ударов тут же осыпался, завалив мою постель и пол возле нее. Я очень расстроился и пришел в смущение от случившегося и не мог объяснить причину моего странного поведения. Продолжая страдать от стресса, вызванного страшным напряжением бесконечных боев, я понимал, что в таком же состоянии находятся и многие другие солдаты, которым, может быть, еще труднее справляться с этой проблемой. Лишь пять-десять лет спустя война постепенно ушла из моих мыслей и снов.

Не сумев найти меня в лагере для военнопленных, Аннелиза вернулась в Зюдердайх, где 6 августа 1945 года уволилась из госпиталя.

Когда на следующий день она вошла в Гамбурге в дом отца и увидела меня, то сразу бросилась в мои объятия. Мы крепко обнимали друг друга и плакали от радости и облегчения. Моя любовь к ней и надежда на то, что когда-нибудь наступит эта счастливая минута, помогли мне пережить самые тяжелые эпизоды войны. Вопреки всему мы снова были вместе.

Позже я узнал о судьбе денег, которые скопились за годы войны. Находясь на службе, я получал должностной оклад в соответствии с моими воинскими званиями, а также дополнительную оплату, так называемые «боевые». Поскольку я почти постоянно бывал в бою, то у меня не было возможности тратить на фронте накопившиеся деньги. Все эти суммы перечислялись на мой счет в армейском банке в Бремене. Начиная с 1941 года я стал копить деньги, чтобы оплатить учебу в техническом училище после окончания войны.

Когда окончилась война и вермахт перестал существовать, лопнул и этот армейский банк. Может быть, стоило перечислить мои сбережения в какой-нибудь другой банк, но в то время меня больше беспокоила собственная безопасность, нежели сохранность денег. И все же мне было больно осознавать, что я лишился всех своих накоплений. Поскольку наши семьи мало чем могли помочь, нам с Аннелизой пришлось начинать совместную жизнь практически с чистого листа.

Прежде чем попасть на службу в вермахт в 1939 году, я уже прошел полуторагодичный курс из двух лет ученичества, необходимых для того, чтобы приступить к получению инженерного образования. Мои надежды на получение высшего образования не сбылись, и поэтому я решил закончить двухгодичный курс, необходимый для получения статуса лицензированного электрика, и лишь после этого снова задуматься о продолжении образования. Мои полтора года учебы давали мне возможность получать лишь почасовую оплату за мою работу, которой нам едва хватало на самое необходимое.

Вскоре после возвращения Аннелизы я нашел работу ученика электрика в фирме «А.Леманн», через которую получал заказы от компании «Блом и Фосс», самой крупной судостроительной корпорации Гамбурга. Я добирался на поезде до порта — на это уходило пятнадцать минут — и на пароме приплывал на верфь.

Однажды, когда я пришел на работу, бригадир велел мне подождать его возле высоковольтных выключателей. Тем временем он вошел в соседнюю комнату и включил ток. Как он и рассчитывал, громкий, вызванный огромной волной электричества шум сильно напугал меня. Такие шутки и дальше иногда устраивались, оживляя скучные будни, но в целом работа была интересной, и я многому научился на ней.

Работая на верфи, я нередко видел, как в порту уничтожались гигантские бетонные бункеры, предназначенные для защиты немецких подводных лодок от налетов вражеской авиации. Когда в действие приводились взрыватели, раздавался взрыв, и вверх взлетали огромные глыбы бетона, падавшие на прежнее место.

Полностью взорвать такой бункер удавалось лишь после третьей или четвертой попытки. Я с гордостью подумал о том, как качественно делают свое дело немецкие рабочие.

Между тем Аннелиза заняла квартиру, располагавшуюся в доме напротив теплиц ее отца. Квартира располагалась всего в паре кварталов от моего нового дома, что позволяло нам часто встречаться и подолгу проводить время вместе.

Однажды мы гуляли с ней по парку «Плантен унд Бломен», расположенному в центре Гамбурга. Там мы стали свидетелями сцены, которая поразила нас до глубины души. Почти за каждым кустом можно было увидеть английских солдат с немецкими девушками. Некоторые парочки целовались, другие лежали на траве и беззастенчиво обнимались. Это было отвратительное, непристойное зрелище. Мы с Аннелизой никогда не осмелились бы вести себя таким образом в общественном месте.

Осенью в городе стали ходить неприятные слухи, угрожавшие нашим планам о будущей женитьбе. В них говорилось о том, что с 1 января 1946 года якобы вступит в силу закон британских оккупационных властей о запрете на три года браков между немецкими мужчинами и женщинами в целях сокращения немецкого населения. Эти слухи не умолкали,

и мы с Аннелизой почти поверили в них.

Не желая ждать три года, мы решили ускорить нашу женитьбу и назначили свадьбу на 22 декабря 1945 года. Мы отказались от прежних планов большой свадьбы, но тем не менее я нанял карету, запряженную парой белых лошадей, которая должна была утром отвезти нас в церковь на церемонию венчания.

После этого карета отвезла нас в дом отца Аннелизы и на квартиру тети Фриды, где находился мой брат Герман и где я снимал комнату. Моя сестра Марлен не смогла приехать на свадьбу и оставила в подарок свиньи отбивные, чтобы мы смогли полакомиться ими в торжественной обстановке, после чего вернулась в Пюнген, находившийся в советской оккупационной зоне.

Мои финансовые возможности в те дни в условиях послевоенной нищеты всей Германии вызвали у меня затруднения, не позволив устроить достойный медовый месяц для Аннелизы. Большая часть Гамбурга лежала в развалинах, однако в центре города каким-то чудом сохранился неплохой отель, на Менкебергштрассе, неподалеку от центрального вокзала. Не дозвонившись по телефону, я отправился туда пешком и спросил управляющего о возможности заказать для нас отдельный номер.

Мне ответили, что свободных номеров нет, но когда я объяснил, что мы новобрачные и нам нужно место для уединения, ситуация изменилась.

— Это другое дело, — ответил управляющий. Две ночи после свадьбы мы наслаждались роскошной комнатой со всеми удобствами, в том числе и ванной с горячей водой, которой по-прежнему не было в доме, где мы жили.

В последние месяцы войны Аннелиза испытала эмоциональное потрясение, сходное с тем, которое я пережил после гибели моей роты в Фишгаузене. Не получая с января писем от меня, она не знала, жив я, попал в плен или убит. На фоне огромных потерь, которые понесла Германия, ей казалось, что она потеряла меня навсегда. В такой обстановке ее ощущение одиночества и уязвимости, разумеется, лишь усиливалось. Несмотря на тяжелые испытания военных лет, наша любовь впоследствии сделалась еще крепче, чем раньше.

Борьба за выживание

Декабрь 1945 года — август 1946 года

Как только державы-победительницы позволили немцам в западной зоне оккупации приступить к перестройке экономики и промышленности, условия жизни начали понемногу улучшаться. Жизнь в целом стабилизировалась, однако общее состояние экономики в первые послевоенные годы было тяжелым. Даже при оккупационных властях еще несколько лет сохранялись карточки на отдельные продукты питания и товары легкой промышленности, введенные еще при нацистах. Особенно тяжело дело обстояло с молоком, мясом, маслом и одеждой. Плохо работали коммунальное хозяйство и транспорт.

Вскоре после свадьбы Аннелиза переехала в мою комнату в доме тети Фриды. К счастью, пригород Гамбурга Винтерхуде, где она жила, почти не пострадал во время бомбежек.

Наше финансовое положение было очень тяжелым. После замужества Аннелиза перестала работать в теплицах ее отца. Хотя нам отчаянно были нужны деньги, замужние женщины в те годы редко работали и занимались преимущественно домашним хозяйством. Кроме того, получить хорошую, высокооплачиваемую работу тогда было трудно.

Когда я обрел статус женатого человека, моей главной жизненной целью стала ответственность за судьбу и благосостояние Аннелизы.

Несмотря на наши постоянные попытки экономить на всем, мой скромный доход позволял нам покупать крайне малое количество продуктов. Хотя мы получали кое-что из овощей с огорода отца Аннелизы, наш постоянный и неутолимый голод заставлял меня прибегать к самым разным мерам.

Однажды в выходной я сел на поезд и доехал до небольшого городка Гифхорна, расположенного в 150 километрах южнее Гамбурга. Там находилась ферма одного из наших дальних родственников. Придя к нему домой, я попросил продать мне немного картофеля. Соблазненный деньгами, он согласился, однако ясно дал понять, что не слишком доволен моим приездом. Подобно другим крестьянам, он без особой любви относился к горожанам, рыскавшим по деревням в поисках продовольствия.

Ночью я вернулся домой к Аннелизе и тете Фриде с мешком картофеля, усталый и оскорбленный. Ситуация была еще хуже той, которую моя семья пережила в годы экономического кризиса конца 1920-х годов. После еще одной поездки в Гифхорн осенью 1946 года нам стало понятно, что нужно найти другой способ обеспечения продуктами питания.

Хотя моя сестра Марлен несколько раз с риском для жизни пересекала Железный занавес и привозила нам продукты из Пюнгена, сам я не был в родном доме вот уже более двух лет. Мне, естественно, очень хотелось увидеть родителей, братьев и сестер, однако пересечение границы с русской оккупационной зоной было очень опасным, рискованным делом. До этого мы с Аннелизой не осмеливались ездить туда, однако хронический голод не оставлял нам иного выбора.

Несмотря на подстерегавшую нас опасность, Аннелиза спала, склонив голову мне на плечо, пока поезд ехал в направлении пропускного пункта Берген ан дер Дамме, расположенного примерно в ста километрах от Гамбурга. Ранним сентябрьским вечером мы подъехали к станции и от вокзальной площади направились к границе, где остановились и стали ждать.

Где-то рядом свистели соловьи. Мы с Аннелизой присоединились к небольшой группе людей, собравшихся в сумерках перебраться в советскую оккупационную зону. Хотя колючую проволоку и минные поля разместили еще не вдоль всей границы, отряды Красной Армии интенсивно патрулировали сектор безопасности четырех-пятикилометровой ширины, через который пропускали лишь местных жителей. Когда мы прошли примерно половину пограничной зоны, раздался требовательный окрик: «Стой!» Мне показалось, будто меня обдали ведром ледяной воды.

Два русских солдата, подошедшие к нам, не говорили по-немецки, но один из них жестами объяснил Аннелизе, что нам нельзя в советскую зону. Мне он велел следовать за ним. Оба красноармейца были вооружены автоматами, и поэтому было бессмысленно сопротивляться или бежать. Стараясь успокоиться, я попросил Аннелизу оставить меня, чтобы не усугублять сложившуюся ситуацию. Один из солдат толкнул меня прикладом автомата и повел за собой. Когда стало совсем темно, мы пришли на какую-то ферму к массивному каменному дому. Меня ввели в гостиную комнату.

Будучи в прошлом офицером вермахта, я понимал, что меня могут выслать в Советский Союз, если сверят мое удостоверение личности с архивными документами и узнают, что я воевал на Восточном фронте. Несколько месяцев назад русские арестовали одного из моих дальних родственников, который учился в медицинском институте в советской оккупационной зоне. Его без всяких объяснений на два года выслали в Сибирь. Если таким образом обошлись с ним, студентом, то что же тогда они сделают с бывшим офицером немецкой армии?

Сопровождающие оставили меня в комнате и вышли. Я подождал три-четыре минуты, подошел к двери и толкнул ее. Она оказалась незапертой. Открыв дверь шире, я спрятался за ней. В комнату никто не вошел. Убедившись, что поблизости никого нет, я решил попытать удачи и незаметно скрыться. В следующую секунду раздались крики красноармейцев — они поняли, что я сбежал.

Я бросился в лес. Через несколько секунд в ночи прозвучали пулеметные очереди, хлестнувшие по кустам и деревьям рядом со мной. Давно привыкнув к звукам выстрелов, я, не останавливаясь, побежал дальше. Двигался я, пригибаясь к земле, чтобы не угодить под пули, и старался как можно быстрее удалиться от фермы.

Опасаясь, что советские солдаты поднимут по тревоге патрули, я побежал в направлении деревни Хоэндольслебен, находившейся в пяти-шести километрах от меня. Я надеялся, что Аннелиза догадается отправиться туда и придет в дом моей тети. Когда я, полностью измотанный, пришел в деревню, то с огромным облегчением увидел там Аннелизу. Мы обнялись и долго не разжимали объятия, зная, что я только что избежал верной гибели.

Хотя мне удалось скрыться от советских солдат, у меня все еще оставалось опасение, что местные немцы-коммунисты узнают обо мне и донесут русским. Эта опасность усиливалась тем, что тетина семья была под подозрением у коммунистических властей, потому что мой дядя состоял в НСДАП и уже находился в английском лагере для военнопленных.

Рано утром в дом зашли представители местных коммунистических властей — проводилась выборочная проверка мест, где могла находиться контрабанда. Я бросился на чердак, где быстро спрятался под кучей старой одежды. Аннелиза осталась внизу вместе с моей тетей. Обыск и расспросы продолжались довольно долго, и все это время я опасался, что незваные гости могут подняться на чердак. Через полчаса они ушли, но я понимал, что опасность по-прежнему сохраняется и я подвергаю тетушку нешуточному риску.

На следующий день мы с Аннелизой тайком вышли из Хоэндольслебена и, преодолев расстояние в 25 километров, вернулись в относительно безопасный дом моих родителей в Пюггене. Здесь было легче спрятаться от глаз недоброжелателей. Через пару дней мы осторожно пересекли границу с двумя рюкзаками, набитыми продуктами, удачно избежав каких-либо новых неприятностей. Помня об угрозе попасть в руки советских оккупационных властей, я совершил затем всего одну такую поездку на ферму.

Беспокоясь о том, что наше присутствие может привлечь ненужное внимание коммунистических властей, мы с Аннелизой с удивительной легкостью включились в дела родительской фермы во время нашего второго приезда в Пюгген осенью 1946 года. После того как мы с сестрами весь день проработали, таская снопы к молотилке, отец предложил доделать остальную работу завтра. Работы оставалось еще примерно на час, и я уговорил его завершить ее сегодня.

Вскоре из тракторного двигателя, приводившего в действие молотилку, полетели искры, воспламенившие лежавшую неподалеку солому. Несмотря на наши отчаянные попытки потушить огонь, пламенем был объят весь сарай. Хотя мы не позволили огню перекинуться на другие постройки, сарай все-таки сгорел. Это было самое худшее, что могло случиться с нашей фермой. Я чувствовал себя виноватым в том, что убедил отца завершить работу, но что случилось, то случилось, тут уже ничего не поделаешь.

Весной 1947 года Аннелиза убедила меня, что спокойно пересечет границу и доберется до Пюггена, и совершила еще одну поездку за продуктами. Хотя ее первая одиночная поездка прошла спокойно, без приключений, вторая обернулась серьезной неприятностью.

После своего возвращения Аннелиза рассказала мне о том, как предыдущей ночью на границе чуть было не наткнулась на патруль Красной Армии. К счастью, русские ее не заметили, и ей удалось спрятаться в каком-то сарае. Утром хозяин фермы пришел кормить коров и обнаружил ее. Сильно рискуя, крестьянин позволил Аннелизе уйти, не выдав ее коммунистам.

Услышав этот рассказ, я запретил ей дальнейшие походы на ту сторону Железного занавеса. Сегодня, когда я вспоминаю об опасности, которой тогда подвергалась моя жена, то не могу понять, как мог допустить подобное. Это свидетельствует о том, какими беспечными и неразумными мы были в те далекие годы.

В апреле 1947 года я, наконец, стал учиться в федеральном инженерном училище в Гамбурге. В июле я сдал квалификационный экзамен и официально стал квалифицированным электриком. Хотя теперь зарплата стала более или менее сносной, я решил, что работать и продолжать образование невозможно.

Закончив первый семестр в училище в Гамбурге, другие семестры я прошел в другом училище, в Вольфенбюттеле, неподалеку от Брауншвейга. Не обладая постоянным источником дохода и имея неработающую жену, я попросил в долг у дяди Шторка тысячу марок. Деньги у него были, потому что он занимался торговлей машинами. Однако даже после этого условия нашей с Аннелизой жизни в Вольфенбюттеле сделались еще хуже, чем в Гамбурге, где нас иногда подкармливал ее отец.

Хотя мы были очень благодарны Марлен за то, что она пару раз привозила нам продуктовые посылки из дома, ее помощь практически не уменьшила нашу с Аннелизой потребность в еде. Иногда мне приходилось прибегать к самым отчаянным мерам. Пару раз я отдавал в залог наши обручальные кольца, которые нам когда-то сделал дрезденский ювелир. Один раз, когда было совсем нечего есть, я забрался на чье-то поле в нескольких сотнях метров от нашего дома и тайком нарвал бобов. Разумеется, это следовало признать самым настоящим воровством, но наше положение было действительно отчаянным.

Несмотря на то что моей семье в Пюггене еды хватало, местные власти подчистую забирали у них излишки сельхозпродукции. Чтобы крестьяне не забивали скот для собственных нужд без официального разрешения, власти стали регулярно навещать на фермы и лично вели учет. Во время одного из таких визитов моя сестра Криста спрятала двух барашков в своей спальне и с великим трудом заставила их не блеять.

Моей семье пришлось пережить гонения коммунистических властей. Официальное давление на нее несколько раз было вызвано отчасти ее неспособностью выполнить высокие нормы сдачи сельскохозяйственной продукции, но также и тем, что мой отец нередко высказывал свое несогласие с действиями коммунистической партии в Пюггене.

В послевоенные годы отец регулярно навещал моего дядю и его семью, живших в Хагене. В конце 1948 года в одну из таких поездок пастор нашей местной лютеранской церкви, герр Шмершнайдер, пришел к нам в дом и предупредил мою мать о том, что отца могут арестовать сразу после того, как он вернется с запада. Когда отец узнал об этой угрозе, то принял трудное решение остаться в Хагене у своего брата. Эта вынужденная разлука с матерью и моими сестрами продлилась много лет.

Между тем в мае 1948 года в Германию, наконец, вернулся мой брат Отто. Из США его перевезли в Англию, откуда он приехал на родину. Он побыл пару недель у нас с Аннелизой в Вольфенбюттеле, где я пытался убедить его, чтобы он перебрался после брака на своей давней подруге в западную зону. Брат не послушался меня и решил поселиться в восточной зоне, чтобы быть ближе к родственникам. Позднее он горько пожалел о своем решении, когда стало ясно, что путь на запад закрыт для него навсегда. Оба случая с моей семьей свидетельствуют о том, какие последствия для немцев имело последующее разделение Германии. В последний год моей учебы в Вольфенбюттеле Аннелиза забеременела. Когда она была на восьмом месяце, мы отправились на прогулку. Она поскользнулась и упала на живот. Опасаясь за ее жизнь, я где-то отыскал детскую коляску и таким образом довез ее до дома. К счастью, Аннелиза отделалась лишь огромным синяком на животе. Никаких серьезных последствий ее падение не имело. В июне 1949-го у нас родился крепкий, здоровый первенец, сын Гарольд.

Трудности, которые мы испытали в те годы, еще более укрепили нашу с Аннелизой любовь. Несмотря на вызовы, которые судьба бросала нашему семейному союзу в конце 1940-х годов, это время стало удивительно приятным для нас, видимо, потому, что мы, наконец, были вместе после суровых испытаний жестокой и кровопролитной войны.

Глава 19

Новая жизнь на чужбине

1949 год — по настоящее время

Покидая родину

В августе 1949 года, получив, наконец, диплом инженера-электрика, я тотчас принял предложение от гамбургской фирмы «Х. Мюллер», филиала компании «Филлипс». Моя новая работа состояла в продаже и гарантийном обслуживании рентгеновского и другого медицинского оборудования.

Живя в Вольфенбюттеле, я постоянно ездил на поезде по северной Германии, от гор Гарца до Северного моря, нанося визиты дантистам, практикующим врачам и больницам. Когда один из врачей предложил мне протестировать рентгеновское оборудование, использовав для этой цели кисть собственной руки, на снимке в одном из моих пальцев обнаружился осколок русского снаряда. Врач удалил осколок и купил наше оборудование.

Хотя в послевоенной Германии было не так-то легко найти высокооплачиваемую работу, то, чем я занимался, не приносило мне никакого удовлетворения. И дело не в том, что я от природы лишен коммерческой хватки. Просто мне не нравилась моя работа. К сожалению, в то время найти другую работу, которая позволила бы мне полностью реализовать себя как инженера, не представлялось возможным. Предложений практически не было.

Кроме того, меня угнетал тот факт, что при приеме на работу негласно играл роль, и причем весьма существенную, социальный статус. Я хотел, чтобы обо мне судили по моим способностям, а не по тому, из какой семьи я родом — аристократической или самой обычной.

В 1948 году ухудшились отношения между западными союзниками и Советским Союзом по поводу доступа в Западный Берлин. Хотя западные страны не стали прибегать к силе, а ответили на блокаду со стороны русских тем, что наладили воздушный мост, «холодная война» существенно обострилась, и потенциальная угроза военных действий сохранялась в Европе до начала пятидесятых. Когда я слушал по радио новости, новая война казалась мне куда вероятнее, нежели продолжение хрупкого, нестабильного мира.

Если бы возник новый конфликт, не сомневаюсь, что правительство вновь поставило бы меня под ружье — хотя бы по причине моего военного опыта. Коммунистическая Россия по-прежнему представляла для Германии угрозу, но мне казалось, что, прослужив шесть лет в вермахте, главным образом на передовой, я уже выполнил свой долг перед родной страной. Теперь на мне лежала иная ответственность — забота о жене и ребенке.

В начале лета 1951 года международная ситуация и послевоенные экономические трудности не сулили для Германии ничего хорошего. Будущее рисовалось мне в довольно мрачных красках. Я все чаще начинал подумывать о том, что обеспечить моей семье достойное существование я смогу разве что в другой стране. Учитывая плачевное состояние Германии и финансовые трудности нашей семьи, мы с Аннелизой в конце концов приняли трудное для нас решение покинуть родину. Мы намеревались пожить и поработать с десяток лет за рубежом, до тех пор, пока не обеспечим себе достаток. К тому времени немецкая экономика наверняка оправится от послевоенных трудностей, а угроза новой войны уменьшится.

Сначала мы планировали отправиться в Аргентину, куда уже эмигрировало довольно много немцев. К сожалению, я не знал ни слова по-испански. И хотя в то время я лучше владел французским, нежели английским, я подумал, что в Соединенных Штатах для нас откроются куда большие перспективы, и мы сможем жить той жизнью, о которой мы мечтали. Америка издавна была страной, привлекательной для иммигрантов, и неудивительно, что наш выбор пал именно на нее. Увы, нас поджидал малоприятный сюрприз — оказалось, что квота для эмигрантов из Германии уже исчерпана, и мы с Аннелизой решили ехать в Канаду.

Остановив мой выбор на Канаде, я какое-то время продолжал работать в Вольфенбюттеле — до тех пор, пока спустя три месяца не получил канадскую визу. В августе 1951 года мы распродали нашу скромную мебель, денег от продажи которой едва хватило, чтобы купить три билета на паром до Канады. Было решено, что, пока я не найду

себе на новом месте работу и не подыщу для нашей семьи жилье, Аннелиза с Гарольдом какое-то время поживет у ее отца в Гамбурге.

Мое образование вкупе с желанием начать за океаном новую, достойную жизнь окрылило меня, придало сил. И все же начать жизнь с чистого листа в другой стране, не имея ни денег, ни связей, без знания языка сулило на первых порах немалые трудности. Я готовился в одиночку пуститься в неизведанное, и неудивительно, что меня одолевали тревожные мысли.

Мне трудно было пережить разлуку с женой и сыном, пусть даже временную. Но куда тяжелее было оставлять за спиной родную страну и близких мне людей. Хотя тогда мы об этом как-то не думали, наше решение эмигрировать наверняка явилось для них ударом, особенно для моей матери. Поскольку большинство наших родственников оказались отрезаны от нас Железным занавесом, я не мог даже попрощаться с ними лично. О нашем решении уехать за океан они узнали из моего письма.

На гамбургском вокзале я попрощался со своим тестем, Аннелизой и сыном. Все как один плакали. Я ступил на подножку поезда, чтобы совершить путешествие через всю Францию до французского порта Кале. Когда спустя полчаса поезд сделал первую остановку в Люнебурге, на перроне, чтобы попрощаться со мной, меня поджидал уже мой отец. И вновь печальные объятия, вновь слезы.

С тяжелым сердцем я простился с родными, не зная, что ждет меня впереди, Где, в каком месте, я смогу пустить корни за океаном? И вообще, свидимся ли мы снова? Наверно, эти шесть лет на фронте настолько ожесточили мое сердце, что я был готов покинуть их, покинуть родину, не зная толком, что ждет меня в будущем.

Канада

Август 1951 года — июль 1956 года

Пока я поездом добирался до побережья Франции, у меня уже сложились первые представления о том, что ждет меня по другую сторону Атлантики. В разговоре по-английски с четой американцев, что сидели рядом со мной, сам собой возник вопрос, что я буду делать, если у меня продырявится носок. Я ответил, что наверняка собственноручно его заштопаю, потому что жены со мной нет.

Американку этот ответ неприятно поразил, потому что она сказала мне, что у них в Америке так не принято поступать. Если в одном из носков вдруг появится дыра, то вместо того, чтобы его чинить, они просто выбросят всю пару, а взамен купят новую. И я тогда подумал, какие они наверняка богатые, раз позволяют себе такую экстравагантность.

Отплыв из Кале в середине августа, я вскоре понял, что пустое грузовое судно, водоизмещением 1500 тонн, скачет на волнах, словно пробка. Я жутко страдал от морской болезни, и мне оставалось лишь уповать на то, что плавание не займет слишком много времени. Увы, разразившийся над Атлантикой ураган вынудил нашего капитана повернуть назад к Франции и ждать в порту хорошей погоды. В результате плавание, которое должно было продлиться восемь дней, заняло две недели.

Наконец, 27 августа мы причалили к берегу в городке Мон-Жоли в устье реки Святого Лаврентия в провинции Квебек. Я сошел на берег, неся два чемодана и имея в кармане всего десять долларов. Чтобы заработать еще несколько долларов, я проработал весь день в порту, грузя целлюлозу на наш корабль, прежде чем тот отправился в обратное плавание. Я уже страшно скучал по жене и сыну, и будь у меня такая возможность, то, не колеблясь, вернулся бы на родину.

Имея на руках железнодорожный билет, предоставленный канадским правительством, я отправился дальше, за триста пятьдесят километров в глубь страны, в Монреаль. Будучи инженером-электриком, я первым делом обратил внимание на то, что электрические и телефонные провода натянуты между столбами, а не проложены в земле,

как это делают у нас в Европе. Наверняка в ближайшее время меня ждет еще немало новых открытий.

Заполнив в Монреале необходимые иммиграционные документы, я оставил чемодан в камере хранения и тотчас принялся за поиски работы на местных фабриках. Будучи крайне стесненным в средствах, я не мог позволить себе даже такую «роскошь», как пользование городским транспортом, и повсюду ходил пешком, порой по много километров в день.

В конце моего первого дня я буквально валился с ног от усталости. В голове гудело — главным образом от странной смеси французского и английского. Хотя по-французски я говорил довольно бегло, квебекский французский я понимал с трудом, почти так же плохо, как и английский.

Вернувшись в первый вечер к себе в гостиницу, я познакомился с одним шведом, с которым мы разделили кровать, и рухнул спать. Правда, в середине ночи, почувствовав, как меня ощупывает чья-то рука, я проснулся. В ужасе и растерянности я вскочил на ноги. Впервые в жизни я оказался в столь неприятной и вместе с тем нелепой ситуации. Сначала я подумал, а не врезать ли мне ему как следует, но это наверняка означало бы неприятности с полицией.

Не зная, как поступить, я, однако, понимал, что оставаться в комнате не могу. Быстро собрав чемоданы, ранним утром я выбежал на улицу. Мне страшно хотелось спать, но такой возможности у меня не было. Побродив довольно долго по пустынным улицам, спрашивая себя, не совершил ли я ошибку, уехав из Германии, я, наконец, обнаружил новое место ночлега и тотчас уснул как убитый.

Несмотря на одолевающие меня сомнения, наутро я продолжил поиски работы. Хотя канадские наниматели были согласны принять во внимание мой опыт работы в качестве электрика, они отказывались признавать мой диплом инженера. К концу недели у меня уже не осталось средств, чтобы продолжать поиски, и я был вынужден согласиться на скромное место электрика в фирме «Сорель Индастриз Лимитед», расположенной здесь же, в Монреале. Это одна из крупнейших фирм в восточной Канаде, которая занимается тяжелым машиностроением.

Днем я занимался тем, что разбираю, чистил и заново собирал электрические моторы, а по вечерам возвращался в свое жилище, которое подыскал себе спустя пару недель после того, как нашел работу. Ужинал я в небольшой забегаловке рядом с моим домом. Там, к моему удивлению, какой-то канадский солдат принялся добиваться моего внимания так же, как мой недавний шведский сосед по комнате. Этот эпизод лишь еще сильнее обострил мою тоску по родине и моей семье.

Тем временем дома, в Германии, у Аннелизы вскоре кончились деньги, но она была слишком горда, чтобы обратиться к кому-нибудь за помощью. Чтобы избежать унижительной для себя роли просительницы, она пошла в ломбард, где заложила наши последние ценные вещи. Вырученных грошей ей едва хватило, чтобы протянуть до даты отъезда.

Примерно спустя три недели после того как я нашел работу, мое финансовое положение немного улучшилось — меня перевели на более интересное место, назначив чертежником. Им нужны были немецкие инженеры, чтобы разобраться в захваченных чертежах, на основе которых будут производиться системы четырехствольного оружия для американского флота. Теперь мне платили значительно больше. Будучи уже не столь стеснен в средствах, я сумел снять квартирку в центре Монреала и стал готовиться к приезду Аннелизы и Гарольда.

После трехмесячной разлуки в октябре 1951 года они пересекли Атлантику, и моему одиночеству настал конец. Поскольку мое материальное положение быстро улучшалось, мы смогли переехать из нашей тесной квартирki в центре Монреала в более просторную на другом берегу реки Святого Лаврентия, ближе к месту моей работы. 9 октября 1952 года у нас родилась дочь Марион. Наше счастье росло вместе с нашей семьей.

Разумеется, на первых порах в нашей новой жизни были и трудности. Будучи маленьким немецким мальчиком, Гарольд говорил по-английски с сильным акцентом, и ему

было труднее нас всех приспособиться к жизни в новой стране. Как-то раз в школе он даже затеял драку с местным мальчишкой, который дразнил его из-за плохого английского. Правда, дело закончилось лишь парой синяков.

Но у жизни в Канаде были и свои преимущества. Так, например, Аннелиза вскоре выяснила, что фунт нутряного жира, который мы намазывали на хлеб или использовали для жарки, стоит здесь всего пятнадцать центов. У нас в Германии нутряной жир считался предметом роскоши, здесь же мы жирно намазывали его на все, что ели — по крайней мере, пока не узнали, что это крайне нездоровая пища.

В мае 1953 года мы с Аннелизой решили переехать в город Гамильтон, провинция Онтарио, расположенный в 375 километрах к юго-западу от Монреаля, где для меня открывались лучшие перспективы карьерного роста. Почти сразу после нашего переезда я нашел себе работу в строительной компании.

На следующий день я получил новое, куда более заманчивое предложение от канадской сталелитейной компании, которой принадлежал крупнейший в стране сталелитейный завод. Поработав там пару месяцев чертежником, я получил повышение, попал в инженерный отдел и был назначен ответственным за работу конвертора.

Конверторная печь представляет собой облицованный изнутри кирпичом контейнер с подвижной крышей. После того как в контейнер загрузят металлолом и закроют верхнюю крышку, оператор опускает в отверстия три электрода. Таким образом создается электрическая дуга, и металлолом в контейнере плавится. Раньше конверторы использовали для того, чтобы переплавлять металлолом в железо, однако позже появилась новая, прогрессивная технология, позволяющая получать из металлолома в конверторных печах высококачественную сталь.

Я никогда открыто не требовал от начальства повышения зарплаты, зато регулярно просил поручить мне более ответственную работу. По мере того как я доказывал свои профессиональные качества, мне поручали все более ответственную работу и, соответственно, больше платили. А мой опыт работы с первой конверторной печью нового типа в Северной Америке оказался бесценным преимуществом в моей дальнейшей карьере.

Мы с Аннелизой не хотели останавливаться на достигнутом, и наша жизнь в Гамильтоне неуклонно продолжала улучшаться. Мы трижды переезжали в более просторную квартиру, и, наконец, купили свой первый автомобиль. Одновременно, поскольку я пользовался им каждый день, улучшился и мой английский.

В ноябре 1954 года Аннелиза открыла в центре города свой собственный цветочный магазин. Я помог ей с осуществлением ее давней мечты, что означало дальнейшие перемены в нашей жизни. Гарольд уже ходил в школу. Что касается Марион, то ее пришлось отдать в детский сад под надзор монахинь, потому что днем Аннелиза была занята у себя в магазине. В обеденный перерыв и в свободное от основной работы время я занимался доставкой цветов клиентам. К сожалению, несмотря на все старания, магазин приносил моей жене крайне скромный доход.

На Рождество 1954 года Аннелиза буквально дневала и ночевала в магазине, делая рождественские букеты, которые я потом развозил по всему городу. В результате мы почти не видели собственных детей. Слушая по радио в моей машине рождественские песнопения, когда за окном шел снег, я с грустью думал о собственных детях, которые скучают без нас дома. Как это было не похоже на рождественские праздники моего детства! Не удивительно, что когда, наконец, после долгих трудов мы вечером сели за стол, праздник показался мне вдвойне торжественным.

В конце концов, сделав все, что было в ее силах, Аннелиза решила закрыть магазин, не дожидаясь следующего Рождества.

Бегство из Восточной Германии

В начале 1950 года мой брат Ганс все еще жил на ферме в Пюггене вместе с моей

матерью, сестрами и тетушкой Хедвиг. В отличие от него Отто обзавелся собственной семьей и теперь жил и работал неподалеку от Хоэнгрибена, на ферме, которая принадлежала семье его жены.

Правительство Восточной Германии пока что не предпринимало попыток отнять у нашей семьи ферму в Пюггене, однако с каждым днем увеличивало нормы сдачи сельхозпродукции, которые тяжким грузом ложились на плечи моих родных после того, как отец принял решение остаться на Западе. И хотя остальные семьи тоже были не в состоянии выполнить предписанные им задания, коммунистический режим постоянно преследовал нашу семью, потому что знал о враждебном к нему отношении со стороны моих родных.

Незадолго до Рождества 1951 года Отто получил приказ явиться к бургомистру Пюггена. После того как спустя полтора часа он не вернулся домой, моя сестра Марлен, не на шутку перепуганная, пошла проверить, в чем дело. Оказалось, что в магистрате ждут прибытия представителя коммунистических властей из города Зальцведеля, что в десяти километрах от нашей деревни. Когда представитель нового режима, наконец, прибыл, Отто куда-то увели в наручниках.

В Зальцведеле судья приговорил Отто к пятнадцати месяцам тюрьмы за то, что наша семья не сумела выполнить вышеупомянутые нормы. Судя по всему, они не знали, что согласно документам ферма принадлежала моей матери, а сам Отто жил у жены в Хоэнгрибене. Кроме того, судья поставил Отто в известность, что ферма будет конфискована, причем по двум причинам: во-первых, мы не сумели выполнить возложенную на нас норму. Во-вторых, мой отец нелегально перебрался в 1948 году на Запад.

Когда в Пюггене стало известно о том, что Отто посадили в тюрьму, возмущению людей не было предела. Они явились в полицейский участок и продержали местных полицейских в подвале до тех пор, пока его не выпустили. Однако восточногерманская полиция вскоре вновь арестовала Отто, однако в середине февраля 1952 года в очередной раз выпустила на свободу. Он вернулся в Хоэнгрибен и почти не бывал у нас дома на ферме в Пюггене.

В то же самое время правительство не желало отступать от задуманного. У нас не только конфисковали ферму, но и арестовали наш счет в банке, которым теперь распоряжалось специально назначенное правительством доверенное лицо. Кроме того, после того как из нашего дома вывезли всю мебель, правительство конфисковало и увело наших лошадей и стало отправлять на бойню коров, даже тельных.

Так как моя сестра Криста работала в фотографии в Зальцведеле, то основная забота о моей матери и младшей сестре Маргарите легла на плечи моей старшей сестры Марлен. После конфискации фермы она превратилась в государственного работника и за свой труд получала почасовую оплату. Поскольку ферма теперь считалась государственной собственностью, наша семья не могла брать себе яйца, молоко или что-то еще из того, что производила. Марлен кормила оставшихся коров, но всякое другое сельскохозяйственное производство на ферме прекратилось.

В марте 1953 года герр Шмерцшнайдер, тот самый лютеранский пастор, который в свое время предупредил моего отца, что тому грозит арест, если он вернется в Пюгген, передал новую информацию. На этот раз он предостерег мою мать и сестер, что коммунисты хотят отправить Марлен и Кристу в специальный трудовой лагерь на острове Рюген в Балтийском море, чтобы они там отработали срок в наказание за нелегальное бегство моего отца.

Давление на нашу семью с каждым днем становилось все сильнее. Наконец, не в силах больше его выносить, моя мать и сестры приняли решение навсегда покинуть родную ферму и бежать в Западную Германию. Нет, это было не простое бегство из родного дома. Это была своего рода капитуляция — мои сестры и мать отказывались от земли, которая принадлежала нашей семье на протяжении нескольких столетий.

Готовясь к бегству, они начали собирать личные вещи — одежду, постельное белье и другие пожитки, намереваясь отправить все это по почте моему отцу в Западную Германию.

А чтобы их случайно ни в чем не заподозрили, они отправляли посылки из разных городов. Таким образом им удалось переслать ему кое-что из ценных вещей, но чтобы отправить все, что у них имелось, на это не приходилось даже рассчитывать.

Среди отосланных отцу вещей было несколько ценных старинных монет — мои родители откопали их в нашем палисаднике еще в двадцатые годы. Это были монеты времен Тридцатилетней войны, 1618–1648 года. Прежние владельцы, по всей видимости, закопали их, прежде чем бежать от мародеров в окрестные леса.

Когда я учился в Вольфенбюттеле и у моих родителей не было денег, они отдали часть этой коллекции мне. Несколько монет мне пришлось заложить, но все, что осталось, я, перед тем как уехать в Канаду, честно вернул матери. Готовясь перебраться на Запад, моя мать поручила хранение коллекции одному из наших соседей, которому, как ей казалось, можно было доверять. К сожалению, сосед не оправдал доверие и продал нашу семейную реликвию.

Для охраны границы, отделявшей Восточную Германию от Западной, коммунисты все чаще использовали колючую проволоку, полицейских собак и минные поля. В результате этого пробраться на Запад нелегально было едва ли возможно. Однако все еще оставался открытым один путь — через разделенный на сектора Берлин. Поскольку любому, кто пытался перебраться на Запад без официального разрешения, в Восточной Германии грозило тюремное заключение, моя мать и сестры никому не рассказывали о своих намерениях и до самого последнего дня продолжали вести себя так, словно никаких планов бегства у них не было.

Взяв с собой лишь по небольшому чемодану, они тайком, поодиночке и разными дорогами покинули Пюгген в пятницу, 3 апреля 1953 года, всего за пару дней до Пасхи. Это было сделано нарочно, чтобы не привлекать к себе внимания многочисленных доносчиков. Встретиться они договорились в Западном Берлине.

Моя мать перешла поле и села на поезд в Беетцендорфе. Маргарет — в Зиденлангенбеке, на ближайшей к нашей деревне станции, причем на тот же самый поезд, что и мать. Криста после работы в пятницу вечером осталась в Зальцведеде, а Марлен — на ферме, чтобы покормить животных.

Сказав правительственному чиновнику, что собирается из Пюггена на конфирмацию к родственнику и не вернется до конца недели, Марлен попрощалась с тетушкой Хедвиг. Утром в пасхальное воскресенье она в последний раз вышла из ворот фермы. Наш верный пес залаял ей вслед. Сев в Зиденлангенбеке на поезд, Марлен встретила с Кристой в Зальцведеде.

Доехав до Восточного Берлина, моя мать и Маргарита, а также две моих старших сестры поодиночке сели в метро, которое все еще соединяло находившийся в руках коммунистов Восточный Берлин с западной его частью, которую контролировали союзники. Они вновь обнялись в Шпандау, в Западном Берлине. Теперь они были свободны, и им ничего не угрожало, хотя у них и не было денег на билет до Западной Германии.

Наконец, примерно спустя месяц, на деньги, которые я прислал им из Канады, они купили авиабилеты до Ганновера. Когда в мае они поездом прибыли из Ганновера в Люнебург, отец уже ждал их на платформе. Впервые за четыре с половиной года он обнял свою жену и дочерей.

Узнав, что мои родственники бежали, восточногерманские власти тотчас забрали нашу семейную ферму в Пюггене себе. Вскоре они разрушили все постройки, за исключением самой старой части, где когда-то жили мои дед и бабка.

Судьба нашей фермы и нашего дома трагична, однако тогда для нас куда важнее было то, что моим близким удалось вырваться из цепких лап коммунистического режима. Неудивительно, что их переполняла радость. Хотя моя семья никогда не рассчитывала получить назад конфискованную восточногерманскими властями собственность, после воссоединения Германии в 1990 году три мои сестры выиграли судебный иск и восстановили право собственности на нашу ферму.

В 1989 году, когда по всей Европе прокатилась волна демократических революций, вся наша семья пришла в восторг, узнав, что границы, делившей Германию на две части, больше нет, но больше всех радовался Отто. Он и его семья, наконец, получили возможность жить в свободном обществе. Мой брат впервые смог навестить родных, которых не видел несколько десятков лет. К сожалению, к этому времени многих наших родственников уже не было в живых. Как и для многих других немцев, самым печальным были не столько тяготы военных лет, сколько поражение в войне и тот факт, что страна на протяжении нескольких десятилетий оказалась расколота на две части.

Соединенные Штаты

Июль 1956 года — декабрь 1982 года

К середине пятидесятых годов мы с Аннелизой настолько привыкли к нашей жизни в Северной Америке, что решили не возвращаться в Германию. С другой стороны, нам хотелось переехать в Соединенные Штаты, как то планировалось изначально.

В американском консульстве на канадской стороне Ниагарского водопада я подал прошение о выдаче мне визы, которая позволила бы нам поселиться в США всей семьей на правах легальных эмигрантов. Наверняка мне сыграло на руку то, что я был немец и инженер. Менее чем через три месяца я получил нужную мне визу.

Вскоре после этого, летом 1956 года, я уволился с работы и один на машине уехал в Кливленд, штат Огайо. С моим послужным списком я быстро, уже в первую неделю, получил сразу пять предложений работы от строительных компаний и сталелитейного завода.

Практически все эти предложения заинтересовали меня, однако я остановил свой выбор на должности инженера-электрика в крупной промышленной компании, которая предложила удвоить мне жалованье. Мы быстро втянулись в американскую жизнь — на машине объехали весь северный Огайо, осматривая по выходным местные достопримечательности. Примерно через год, 22 октября 1957 года, у нас родился сын Норманн Ральф. Позднее мы с женой шутили, что наши дети могут основать собственную Организацию Объединенных Наций, представляющую Германию, Канаду и США.

В конце 1958 года я перешел от своего первого американского работодателя к новому, в другую местную фирму. В возрасте 38 лет я стал главным инженером-электриком в сталелитейной компании «Джонс и Лафлин». Работая с двумя конверторными печами, каждая мощностью в 200 тонн, я приложил все свои знания и профессиональный опыт для повышения их эффективности, то есть уменьшения времени и энергозатрат на количество произведенной стали. Сегодня печи этого типа производят примерно половину выпускаемой в США стали, но в пятидесятые годы это была поистине передовая технология.

В последующее десятилетие мы примерно раз в год брали с собой детей в Германию. Мои родители обожали внуков, правда, моя привыкшая к строгой одежде мать порой находила наряды Марион «чересчур кричащими». И хотя мы скучали по нашим родным, скучали по Германии, мы ни разу не пожалели о том, что перебравшись за океан.

Мы с женой всегда стремились сочетать наше немецкое происхождение с американским образом жизни. Между собой мы говорили по-немецки, но с детьми старались общаться по-английски. Мы свято придерживались таких немецких ценностей, как трудолюбие и пунктуальность, и поэтому наверняка были со своими детьми гораздо строже, чем это принято у американцев. Чтобы научить детей ответственности, мы распределили между ними домашние обязанности. Дети твердо знали: если я сказал, что им нужно быть дома к пяти часам, это означало именно к пяти, и ни минутой позже. Они также научились ценить время, которое мы проводили вместе, всей семьей.

Когда я рос на ферме в Пюггене, воскресенье было у нас днем семьи. В Америке мы с Аннелизой также пытались придерживаться этого правила. Утром мы шли в церковь, а затем

по очереди готовили воскресный обед, как правило, какое-нибудь традиционное немецкое блюдо. Вздремнув часок после обеда, мы усаживали детей в машину и катались по местному парку, чтобы осмотреть местные достопримечательности. Иногда мы на весь день уезжали на берег озера Эри на пикник.

По возвращении домой мы обычно ужинали — традиционный немецкий ужин, на который подаются легкие бутерброды. Как и большинство американских семей, после ужина мы усаживались перед телевизором и смотрели вечерние телепередачи. Вероятно, то, что мы чувствовали себя оторванными от наших родных и близких, духовно скрепило нашу семью еще сильнее.

Дважды в год в Кливленде устраивался праздник в честь немецких традиций — в эти дни в кафе подавались немецкие блюда, звучала немецкая музыка, люди исполняли на улицах немецкие танцы. Мы с Аннелизой обожали танцевать и частенько вспоминали нашу первую встречу, когда мы познакомились с ней на танцах в Люнебурге.

Примерно в это же самое время я попал в больницу — у меня возникли проблемы со здоровьем. Давало о себе знать старое военное ранение в спину. Когда я лежал на растяжке, на другую кровать в палате положили мужчину со сломанной бедренной костью. Позднее вечером первого дня мой сосед попросил у меня закурить. Когда я сказал ему, что не могу даже пошевелиться, он попытался встать с кровати, чтобы достать сигареты из ящика прикроватной тумбочки. Поскольку у него было сломано бедро, он тотчас упал на пол и не смог встать. Я кнопкой вызвал сестер, и они сообща вновь положили его на кровать.

Этот спектакль повторялся раза два-три за ночь. Начиная с нашего вторжения в Россию чего только я сам не курил — и сигареты, и сигары, и трубку. Однако болезненное пристрастие к табаку моего соседа по палате стало для меня своего рода сигналом тревоги. Если курение табака — такая болезненная привычка, что способна подвигнуть человека на безумные поступки, то лучше покончить с ней раз и навсегда. Так я и поступил.

В 1961 году, по окончании пятилетнего испытательного периода, наша семья в полном составе прошла торжественную церемонию принятия американского гражданства, тем самым окончательно разорвав наши последние юридические узы с Родиной. Приняв для себя решение, что я сам и моя семья теперь американцы, старался больше не воспринимать себя как немца. Мы даже изменили написание нашей фамилии, сделав ее более «американской» — не Люббеке, а Люббек, хотя частично тому виной то, что я устал слышать, как американцы ее коверкают, произнося Лаббеки вместо положенного Люббеке.

В январе 1964 года я ушел из сталелитейной компании и начал работать в корпорации «Юнион Карбайд». Очень скоро я дослужился до должности начальника конверторного цеха в подразделении, которое было занято выпуском графитовых электродов для сталелитейных конверторных печей.

Работая в этой корпорации, я часто ездил в командировки по всей стране и даже по всему миру — давал консультации крупным и мелким сталелитейным компаниям по вопросам эксплуатации конверторных печей и оптимизации производственного процесса. И хотя по сравнению с моими предыдущими работами эта была относительно безопасной, тем не менее пусконаладочные работы на конверторе сопряжены с известным риском.

Однажды, помогая запустить в эксплуатацию печь одного из наших клиентов, я зашел в диспетчерскую, чтобы уточнить параметры производственного процесса. Внутри тесной диспетчерской мне приходилось лавировать между оголенных медных проводов, протянутых по обеим ее сторонам.

Так получилось, что я по чистой случайности локтем задел провод под напряжением 380 вольт. Удар током был таким мощным, что я без сознания едва не рухнул на пол. И хотя, на мое счастье, я не упал на боковую стенку диспетчерской, где меня наверняка бы тотчас убило насмерть, этот случай стал для меня предостережением. С тех пор я ни разу не позволял себе забывать о технике безопасности на рабочем месте.

Моя репутация знающего специалиста в этой области росла с каждым днем, что начало отнимать массу времени. Я вступил в полдесятка профессиональных обществ,

написал для отраслевых журналов несколько статей, и даже книгу о плавке стали в конверторных печах. За свою профессиональную карьеру я прочел около пятисот лекций по технологическому процессу конверторной выплавки стали для аудитории слушателей от пятнадцати до трехсот человек. Это был бесценный опыт, научивший меня доходчиво объяснять даже самые сложные технические вопросы.

Хотя мои постоянные разъезды внесли известную суматоху в спокойную и размеренную жизнь нашей семьи, тем не менее я всегда старался на выходные вернуться домой. Бывая в командировках в Европе, Южной Америке и Южной Африке, я иногда брал вместе с собой Аннелизу.

К 1968 году мой старший сын Гарольд уже учился в колледже на инженера-электрика, Марион была старшеклассницей, а Ральф учился в школе средней ступени. В это время мы купили 38 квадратных километров заросшей лесом земли возле города Медина, неподалеку от Кливленда. Так как наш старый дом был продан очень быстро, а снять квартиру всего на несколько месяцев было невозможно, Аннелиза предложила, пока строился наш новый дом, пожить летом 1969 года на нашем участке бивуаком.

Каждое утро на протяжении полугода мы принимали душ в импровизированной душевой кабине, переодевались в палатке и выходили из леса к автостоянке перед домом, где я оставлял на ночь машину. Не могу сказать, что это было комфортно и удобно во всех отношениях, зато какое незабываемое приключение! Наконец мы перебрались в наш новый дом, расположенный на поляне посреди леса. После шумного города мы поистине нашли здесь райское отдохновение!

Хотя до и после эмиграции я регулярно посещал лютеранскую церковь, будучи инженером, я находил мало подтверждений тому, что говорилось в Библии. Лишь в конце шестидесятых годов я, наконец, обрел истинную веру, а вместе с ней и внутреннее спокойствие.

Правда, в 1974 году моя вера подверглась серьезному испытанию на прочность. Аннелиза начала испытывать боль в груди. Проведя соответствующие исследования, врачи диагностировали у нее рак молочной железы. На протяжении последующих четырнадцати лет Аннелиза перенесла несколько хирургических операций, а также прошла курсы химио- и радиотерапии. На какое-то время болезнь удавалось приостановить, но затем рак возвращался вновь.

Несмотря на боль и физические страдания, Аннелиза старалась не падать духом и, насколько это было возможно, скрывала свои муки от окружающих. Ее непоколебимая вера в Бога придавала ей сил, чтобы, несмотря на болезнь, продолжать жить полноценной жизнью. Моя собственная вера помогала мне поддерживать жену, пока она боролась с жестокой болезнью, а моя любовь к ней стала еще сильнее и глубже.

Пенсионер

Январь 1983 года — по настоящее время

Будучи уже в преклонных годах, мы с Аннелизой планировали перебраться туда, где потеплее, в частности, в Южную Каролину, однако прекрасные горы Северной Каролины плюс тот факт, что Южная Каролина печально знаменита своей мошкаррой, заставили нас слегка поменять наши планы. В конце апреля 1983 года мы с Аннелизой переехали в новый дом на склоне Закатной горы в городе Эшвилл, штат Северная Каролина. Поскольку у меня накопились неиспользованные дни отпусков, я получал жалованье от компании «Юнион Карбайд» до конца года.

Сразу после моего официального выхода на пенсию в январе 1984 года я основал свою собственную компанию, в которой работал консультантом по вопросам выплавки железа и стали. Работая неполный рабочий день, я продолжал наносить визиты кое-кому из моих прежних клиентов, с которыми у меня установились добрые отношения.

Несколькими годами раньше Гарольд окончил университет с дипломом инженера-электрика и получил место в энергетической компании в городе Акрон, штат Огайо. Марион получила диплом в области гуманитарных наук в Оксфордском университете, штат Огайо, а Ральф — диплом инженера в университете Южного Иллинойса.

Все они обзавелись собственными семьями и подарили нам внуков — к великой радости как меня самого, так и Аннелизы. После долгих лет борьбы с болезнью здоровье Аннелизы стало заметно сдавать, однако она, собрав в кулак остаток сил, в конце лета 1988 года съездила в Медину, штат Огайо, на церемонию крещения самого младшего из наших внуков.

2 декабря 1988 года моя жена и любовь всей моей жизни скончалась. И хотя мы оба знали, что этот день рано или поздно наступит, для меня и всей нашей семьи это была невосполнимая утрата. Жить воспоминаниями о прожитых вместе счастливых годах подчас бывает невыносимо больно, и я каждый день скучаю по ней. Прекрасная жена и любящая мать, я знаю, что ее душа, свободная от мучений телесной оболочки, нашла успокоение на небесах. Когда Господь призовет меня к себе, меня похоронят рядом с ней на сельском кладбище неподалеку от Люнебурга — города, где мы познакомились с ней.

Эпилог

Стоит мне сказать другим американцам, что я немец, как они тотчас говорят мне, что у них тоже есть родственники, которые родом из Германии. По крайней мере, 50 миллионов американцев утверждают, что среди их предков есть немцы, — таким образом, после Великобритании Германия вторая по значимости страна в том, что касается происхождения современных американцев.

Вместе с тем, в отличие от других этнических групп, американцы немецкого происхождения не так бросаются в глаза — а все потому, что им присуще стремление вписаться в местную жизнь, смешаться с местным населением, а не селиться обособленно в этнических гетто. И хотя я горжусь своим немецким происхождением и время от времени даже принимаю участие в различных культурных мероприятиях, моим главным стремлением было стать настоящим американцем.

Теодор Рузвельт выразил мои мысли по поводу иммиграции в своей речи, которую он сочинил 3 января 1919 года, за три дня до своей смерти:

Прежде всего, мы должны настаивать на том, что если иммигрант, который приезжает к нам в Америку по своей воле, становится американцем и уподобляется нам, он достоин точно такого же к себе отношения, как и все прочие граждане нашей страны, ибо несправедливо ущемлять права такого человека по причине его веры, места рождения или происхождения. Единственное условие — этот человек должен фактически стать американцем и только американцем... В данном случае какая-либо половинчатость исключается. Если же кто-то говорит; что он американец, но вместе с тем кто-то еще, это значит, что никакой он не американец... ибо можно хранить верность лишь одному народу — в данном случае народу американскому.

Вместе с тем я не забыл тех ценностей, что были вложены в меня в мои юношеские годы в Германии, такие, как дисциплина, стремление к знаниям, важность семьи. Соединенные Штаты подарили мне возможность реализовать мой потенциал и жить в гармонии с этими ценностями. И хотя я хочу, чтобы меня похоронили рядом с Аннелизой, одновременно я ощущаю себя стопроцентным американцем.

Соединенные Штаты делали мне лишь добро — они позволили мне построить такую жизнь, о какой я, покидая Германию с десятью долларами в кармане, мог только мечтать. Мой сын Гарольд служил офицером в американской армии. Когда хоронят американского солдата или когда оркестр исполняет американский гимн, а на флагштоке вверх взмывает

американский флаг, я чувствую, как мне на глаза наворачиваются слезы.

Несмотря на многочисленные книги, фильмы и телевизионные документальные ленты о Второй мировой войне, я никогда не сталкивался с серьезной дискриминацией по причине моего немецкого происхождения, равно как никто не пытался взвалить на меня ответственность за преступления нацистского режима. Я не был нацистским солдатом. Я был немецким солдатом, который выполнял свой гражданский и воинский долг.

Многие историки рисуют ситуацию в совершенно ином свете, однако, как мне кажется, большинство американцев понимают эту разницу. Не стану спорить, немцы сами привели Гитлера и нацистов к власти, но сделали это они лишь потому, что экономические трудности Великой депрессии вынудили многих немцев поверить нацистской пропаганде. Нацисты получили большинство голосов вовсе не потому, что население поддерживало их расистские идеи или агрессивные планы по захвату других стран.

Кстати, тот факт, что я по национальности немец, имел для меня довольно любопытные последствия. 6 июня 2004 года отмечалась шестидесятая годовщина высадки союзников во Франции. В честь этого события, а также в честь одного местного ветерана и нашего друга, который воевал в Нормандии, мы с друзьями устроили для него торжественный ужин в одном из ресторанов Эшвилла. За всю мою жизнь в США я поучаствовал не в одном десятке подобных событий, поэтому не видел ничего странного в том, что сижу за одним праздничным столом с человеком, который в войну сражался против армии, в которой служил я. Наоборот, я испытывал к нему глубокое уважение как к солдату, который с честью выполнял свой воинский долг.

В конце ужина рядом со мной неожиданно появилась официантка с тортом и мороженым. Полагая, что я тоже ветеран американской армии, она совершенно искренне сказала мне: «Спасибо вам за вашу службу». Весь наш стол взорвался дружным смехом, расхохотался и я.

Есть своя ирония в том, что я удостоился поздравления как американский ветеран, пусть даже по чистой случайности. И все же в глубине души я горд тем, что воевал, хотя и не за мою новую страну, Америку, а за свою старую родину — Германию. Обе эти страны нашли в себе мужество забыть былые обиды и стать друзьями, так что я сумел примирить в себе американца и немца.

Начиная с самого конца войны у меня не было никакого контакта с моими однополчанами из 58-й пехотной дивизии, за исключением моего последнего полкового командира Вернера Эбелинга, который в послевоенной Германии стал генералом бундесвера. Надо сказать, что в те годы лишь немногие стремились сделать себе карьеру в армии.

В сегодняшней Германии мало кто из молодых людей хочет применить свои таланты на военном поприще, в армию идут служить нехотя. В годы моей юности на солдат смотрели с уважением. Гуляя по улицам, можно было встретить немало людей в военной форме. Современным немецким солдатам не хватает подобного уважения, не удивительно, что, выходя из казармы в увольнение, они спешат переодеться в штатское. На мой взгляд, нынешние американцы настроены гораздо более патриотично, нежели немцы, причем они не стесняются демонстрировать свой патриотизм — как то было и в Германии в 1930–1940-е годы двадцатого века.

Оглядываясь назад, я полагаю, что толчком ко Второй мировой войне послужили жесткие условия Версальского договора, положившего конец Первой мировой. Несмотря на это, союзники совершили ту же ошибку и после окончания Второй мировой войны, когда поделили Германию, а также отрезали от нее такие важные сельскохозяйственные области, как Восточная Пруссия, Померания, Силезия и восточный Бранденбург.

Хотя Восточная и Западная Германия в конце концов воссоединились, трагическая судьба людей, которые были вынуждены покинуть эти бывшие немецкие провинции, до сих пор остается как бы в тени, поскольку обычно вспоминают лишь преступления Гитлера. А ведь в буквальном смысле миллионы людей были изгнаны из родного дома, превратились в

беженцев. По сравнению с теми трудностями, какие переживала после войны моя собственная семья, участь этих людей была куда страшнее. Так что последствия войны до сих пор дают о себе знать.

История последних шести десятков лет пошла совсем по иному пути, нежели я предполагал. После того как мы с женой эмигрировали, Западная Германия довольно быстро вернула себе экономическую мощь, что я объясняю двумя причинами. Во-первых, сами немцы были настроены решительно, стремясь поскорее поднять страну из руин. Видя народный энтузиазм, предприниматели и профсоюзы вместе взялись за подъем экономики. Во-вторых, план Маршалла обеспечил необходимые финансовые ресурсы, что также способствовало ускорению этого процесса. И хотя я ни разу не пожалел о том, что эмигрировал, я тем не менее уверен, что останься я на родине, то нашел бы своим знаниям достойное применение.

Лишь с окончанием Второй мировой войны и началом «холодной войны» немцы стали воспринимать друг друга как жителей Восточной и Западной Германии. А вот западные страны и Россия всегда воспринимались ими по-разному. До войны немцы, с одной стороны, чувствовали себя исключенными из числа развитых западных стран, с другой — ощущали свое культурное превосходство над Советским Союзом.

Вслед за национальным поражением большинство жителей Западной Германии начали ощущать себе полноправными членами западноевропейского сообщества. С одной стороны, они понимали исходившую от СССР угрозу, с другой — переняли более либеральную культуру, что сделало их похожими на другие западноевропейские страны. Вступление в Европейский Союз способствовало укреплению авторитета Германии и также ее собственному восприятию себя как страны западной. Возможно, именно этот процесс интеграции частично объясняет, почему после Второй мировой войны — в отличие от Первой мировой, когда она оказалась в изоляции, — Германия довольно легко смирилась с территориальными потерями.

Мой личный опыт двенадцати лет жизни в условиях диктаторского нацистского режима, а также опыт моей семьи, какое-то время жившей под властью коммунистов Восточной Германии, дает мне основание полагать, что все диктаторские режимы одинаковы, независимо от расхождений в идеологии. Все они готовы на любую жесткость, лишь бы только удержаться у власти. В этом стремлении подчинить себе людей они в первую очередь используют прессу, поскольку та обладает огромным влиянием на человеческие умы, особенно если правительство запрещает высказывать альтернативную точку зрения.

Признаюсь честно, со временем у меня появилось больше вопросов, нежели ответов, и я до известной степени проникся циничным отношением к власти. Мне стало известно о гитлеровском режиме многое такое, чего я не знал раньше, во время войны. Когда я прочел про концлагеря и другие преступления нацистов, это открыло мне глаза на темные стороны нацистского режима.

Теперь мне понятно, почему нацистская пропаганда против евреев была столь эффективна в том, что касается полного безразличия немцев к судьбе этого народа. В то время я нередко задавался вопросом, справедливо ли, что евреи теряют свои магазины или почему их изгоняют с той или иной территории, однако скажу честно, я не слишком задумывался о том, какова их дальнейшая судьба. Если не считать еврейских погромов Хрустальной ночи, лично я ничего не знал о жертвах гонений на евреев.

Хотя я знал, что нацисты сажают за решетку противников режима, в том числе евреев, я понятия не имел, куда отправляют этих людей и что потом происходит с ними. Некоторые из них возвращались из заключения, из чего напрашивался вывод, что и другие, отсидев положенный срок, также в конце концов будут выпущены на свободу. Разумеется, вслух эти вопросы никогда не обсуждались.

Если бы граждане Германии тогда узнали о массовом истреблении в концлагерях евреев и людей других национальностей, полагаю, это моментально вызвало бы

антинацистские настроения. Для большинства немцев массовые убийства людей — это нечто невыносимое, не говоря о том, что это было совершенно неприемлемо с точки зрения морали. То были гнусные преступления, совершенные фанатиками-расистами.

Когда я задумываюсь о том, какие страдания выпали на долю мирного населения Советского Союза во время войны, я вижу в этом трагедию военного времени. Голод жителей блокадного Ленинграда — явление того же порядка, что и гибель мирного населения Германии под бомбами союзников. Мы сражались не против русских людей, мы сражались против коммунистического режима точно так же, как союзники воевали не против немцев, а против нацистов. Увы, жертвами войны часто становятся ни в чем не повинные люди, и мое сердце переполнено скорбью.

Какие бы подозрения мы ни испытывали в глубине души по поводу нацистов и их политики, я сражался, будучи оптимистично настроенным в отношении послевоенного будущего моей страны. Увы, для Гитлера с его безумными планами построения в Европе арийской утопии мы были не более чем подопытными животными.

Когда американцы оглядываются назад, на военные годы, важно, чтобы они поняли, почему многие немцы с такой готовностью шли в бой и даже были готовы пожертвовать собой. В моей книге я пытался донести до читателей, почему так происходило, — мы были готовы рисковать собственными жизнями из любви к родине, а также из чувства долга по отношению к ней, тем более что мы пребывали в уверенности, что этой войны было невозможно избежать.

Хотя теперь мне понятно, что нацистская пропаганда ловко манипулировала общественным мнением, но тогда мы искренне верили, что Запад пытается заставить нас выполнять условия несправедливого договора, навязанного нам в Версале, в то время как коммунистическое правительство Советского Союза представляло смертельную угрозу не только Германии, но и всей европейской цивилизации. Ни один известный мне немецкий солдат не был предан нацистскому режиму и не разделял расистских взглядов нацистов, хотя в ту пору мы сами это еще толком не понимали.

Нацисты совершали свои преступления задолго до того, как родилось большинство граждан сегодняшней Германии, однако почти все немцы содрогаются при мысли об ужасах того времени. Мне остается только надеяться, что мои нынешние соотечественники-американцы по достоинству оценят тот факт, что сегодняшняя Германия — совершенно иная страна, нежели в 1945 году.

Война закончилась более шестидесяти лет назад. С тех пор как я покинул Германию, прошло 55 лет. Приехав в Америку в качестве немецких иммигрантов, моя жена и я смогли построить для себя новую жизнь, стать полноправными членами американского общества. Наши дети не только вышли здесь в люди, но и подарили нам десять внуков и правнуков, американцев не только по документам, но и по духу.

Таково наследие бывшего немецкого солдата, который шестьдесят лет назад сражался в войне против Соединенных Штатов. Мой жизненный опыт как иммигранта, с одной стороны, по-своему уникален, с другой — является частью коллективной истории американского народа. Кроме того, он в чем-то похож на коллективный опыт немцев, которые с момента окончания войны проделали долгий путь, прежде чем стали полноправными членами западного сообщества наций.

Эта книга — мое завещание моей семье и моим согражданам. Надеюсь, что она поможет им лучше понять страдания, которые выпали на долю обеих сторон. Жизнь коротка, но, увы, для многих она была слишком коротка.

Пусть Всевышний направляет нас в будущем, чтобы в мире царили любовь и взаимопонимание между людьми.

Приложения

Пехотный полк немецкого вермахта в годы Второй мировой войны (структура и снаряжение) 1940 год

А) ПОЛКОВЫЕ ЧАСТИ

1. Полковой командир, полковой штаб, начальник боепитания, офицер связи, капитан штаба. Также взвод штаба, включая писарей, вестовых и шоферов.

2. Подразделение полкового снабжения (обоз)

Полковой офицер-врач, два ветеринара, взвод ремонта оружия, кухня, части снабжения (обоз), интендант, казначей и вещевого обоз.

3. Взвод связи

Фельдфебель, четыре группы телефонистов (радиус действия 14,8 км) и четыре группы телефонистов (4 км).

4. Кавалерийский взвод

Три отряда, одна повозка, один кузнец и одна кухня.

5. Инженерное подразделение с шестью инженерными взводами, с шестью легкими пулеметами и тремя повозками с оборудованием.

В) ТРИ СТРЕЛКОВЫХ БАТАЛЬОНА

1. В каждом: батальонный командир, адъютант, начальник боепитания, батальонный офицер-врач, ветеринар и штаб батальона.

2. Первый батальон

Стрелковые роты: 1, 2 и 3-я. В каждой 12 легких пулеметов и три 50-мм миномета. Одна пулеметная рота (4-я) с 12 легкими пулеметами и шестью 80-мм минометами, а также подразделение поддержки.

3. Второй батальон

Стрелковые роты: 5, 6 и 7-я, а также одна пулеметная рота (8-я). (Вооружение такое же, как и в 1-м батальоне.)

4. Третий батальон

Стрелковые роты: 9, 10 и 11-я, а также авторота (12-я). (Вооружение такое же, как и в 1-м батальоне.)

С) ОДНА МИНОМЕТНАЯ РОТА (13-я рота)

1. Один командир роты, четыре стрелковых взвода, взвод связи и части поддержки.

Вооружение:

Взводы: 1, 2 и 3-й — две легких 75-мм гаубицы (дальность стрельбы 5600 м).

Взвод: 4-й — две 150-мм тяжелых гаубицы (дальность стрельбы 5100 м).

В 1942 году к роте был добавлен взвод с тремя 105-мм минометами.

Д) ОДНА ПРОТИВОТАНКОВАЯ РОТА (14-я рота)

1. Командир роты и четыре взвода.

Вооружение:

Каждый взвод имел три 37-мм противотанковых орудия, один легкий пулемет и части поддержки.

В 1941 году два 37-мм орудия были заменены двумя 50-мм орудиями.

Е) В каждой роте был унтер-офицер, командовавший подразделениями поддержки, унтер-офицер-оружейник, полевая кухня, а также санитар.

Унтер-офицеры обычно командовали ротными взводами.

Ф) ОБЩЕЕ ВООРУЖЕНИЕ ПОЛКА:

118 легких пулеметов

36 тяжелых пулеметов

27 50-мм минометов

18 80-мм минометов

6 75-мм легких гаубиц (в 1942 году появилось три 105-мм миномета)

2 150-мм тяжелых гаубицы

12 37-мм противотанковых орудия (в 1941 году два 50-мм орудия)

Соответствующие географические названия

В книге приведены названия населенных пунктов, принятые в то время. Ниже приводится их список с современными соответствиями.

Историческое название (современное название)

Дудергоф (Можайский)

Река Дюна (река Даугава)

Дюнабург (Даугавпилс)

Эльбинг (Эльблонг)

Фишгаузен (Приморск)

Фришес-хафф (устье Вислы)

Фрише-Неррунг (устье Вислы)

Гдинген (Гдыня)

Хейлигенбейль (Мамоново)

Хейдекруг (Зилуте)

Кенигсберг (Калининград)

Красногвардейск (Гатчина)

Ленинград (Санкт-Петербург)

Лабиау (Полесск)

Либава (Лиепая)

Мемель (Клайпеда)

Пиллау (Балтийск)

Ревель (Таллин)

Штутгофф (Штутово)

Тильзит (Советск)